

ЮРИЙ МАМЛЕЕВ ИМПЕРИЯ ДУХА

TERRA
FOLLATA

ЮРИЙ МАМЛЕЕВ

Империя
Духа

Ю Р И Й М А М Л Е Е В

Империя Духа

TERRA
FOLIATA

Москва
Воронеж
2011

ББК 84(2Рос=Рус) 6-4

УДК 821.161.1-3

М 22

Мамлеев Ю.

Империя духа. Роман. Москва-Воронеж: TERRA FOLIATA. – 2011. – 176 с.

Действие нового романа мэтра метафизического реализма происходит в Москве начала XXI века. Главные герои, входящие в эзотерический круг, пытаются понять смысл своего существования и разгадать загадку души. Почему русская душа стремится в запредельное и что приходит извне как некий неопи-суемый луч, бесконечно отдалённый от всего того, что излагает Традиция? Ка-ково это быть богом, воплощённым в тварном мире? Возможна ли реализация вечного начала в столь безнадёжно слабом человеческом теле и в такую отвратительную эпоху, в которую мы живём, когда все высшие духовные ценности вывернуты наизнанку, когда мир сочится уродством, ужасами, перверсиями, упадком, страданиями? Искания героев проходят через парадоксальные мисти-ческие переживания и преломляются как в мире духовном, так и в мире брэн-ном в особые ситуации, в которых реальность России Вечной непостижимым образом связывает интуиции, описанные в монументальных полотнах индуист-ской философии и метафизических откровениях автора романа. Гротеск и не-жность, любовь и смерть, Россия-мученица и Россия-победительница. Трагизм безмерной душевной тоски, надрывные алкогольные возлияния и уютно-покой-ные чаепития, провалы в плоть и прыжки в потустороннее составляют ланд-шафты Империи Духа. Ответы на вопросы, которые ставят герои романа, при-водят их к тайне Родины, к её высшей миссии, к её духовному предназначению и осознанию мистерии русской души, призванной обрести Невозможное.

ISBN 978-5-87456-901-3

© Мамлеев Ю., 2011

© TERRA FOLIATA, 2011

Часть I

Хорошо покончить с самим собой, где-нибудь на лесной полянке, к примеру, при одном условии: если точно знать, что после тебе уготовано желанное место в ином мире, тем более в лучшем.

Или, точнее, ты сам подготовил себе это место. Но не дай Бог ошибиться или вообще ничего не знать и не понимать.

Вера в спасение шатка
Знание знаков зыбко
В будущем нет порядка
Тайна гнетёт ошибкой.

Вот этого, действительно, не дай Бог.

Что касается меня, то я имею возможность до упоения наслаждаться бесконечностью своей души. Но всему есть предел. Воплотиться в физическом, да ещё падшем мире, это, знаете ли, парадокс. И такое со мной случилось. Это походило на удар бревна по голове, символически говоря.

Когда на какое-то мгновение, будучи младенцем, я осознал, что со мной, то завыл. Потом озарение угасло, и я надолго стал как все.

А потом проснулась она – память о моём прошлом. О мирах, где я жил и искал запредельное. Разорванная память, конечно, лоскутки иного бытия. Ха-ха-ха! Впер-

вые такое проявилось, когда мне было четырнадцать лет. Дальше – больше, дальше – во Тьму.

Но сначала о моей семье, обо мне с человеческой точки зрения. Впрочем, не удержусь сказать о том, какой смех у меня вызвало обучение разным наукам в школе в Москве, где я, естественно, учился как рождённый человеком того времени. (А время было – вторая половина 20 века).

Особенно смешило меня происхождение человека от обезьяны. Это учение таки преподавали с особенным, почти религиозным трепетом. Наш-то учитель просто расплылся в эдакой блаженной улыбке, когда говорил об этом.

Один раз, помню, я не выдержал и так захохотал, прямо в ухо соседу, что учитель выставил меня из класса, добавив, что я опустился ниже обезьяны...

А вот людей мне бывает жалко, до безумия жалко.

Сейчас, когда я пишу эти строки, мне уже свыше тридцати лет. И зовут меня Александр, фамилия Меркулов. Мамочка моя, Зоя Андреевна, как рассказали мне потом её родственники, сразу после моего появления на свет впала в дикое, неоправданное ничем веселие. Носилась, как безумная, по концертам, театрам, магазинам и всё говорила, что возбуждена до крайности. Обо мне она, собственно говоря, даже как-то позабыла, всё помнила только о своём веселии.

Но как человек она состоялась очень доброй, иной раз до почтительности.

Отец мой, Семён Викторович Меркулов, был строг, но на меня это особенно не распространялось. Он считал меня придурком, но очень любил. Не побоюсь сказать, что именно за это он меня и почитал. Хотя человек он был не в меня образованный, при этом его всегда тянуло к придуркам.

Времена были лёгкие, ещё советские.

Я же с детства любил больше всего свою сестрёнку, Соню. Была она на шесть лет моложе меня, но по свойствам своим сначала была человек, в обычном понимании этого слова. Мы с ней резвились, бывало, где-нибудь в детском саду, всегда вместе. Она в куклы, и я – в куклы, она – мордашкой в песок, и я – тоже. Она почему-то казалась мне моим двойником, только в виде девочки.

Резвились-то мы, резвились, но я уже тогда удивлялся больше не миру, природе, скажем, а только собственному существованию. Тут уж удивлению моему не было конца. Поэтому я иной раз, играя в песке, замирал, словно лягушка, выброшенная не туда. Сонечка тогда меня дёргала за что-нибудь, чаще за ноги, и ласково твердила:

– Саша, ты что? Давай играть в Бога.

Почему она так говорила, я тоже удивлялся потом.

Соня же теперь ни во что не верующий человек.

– Кроме одного, – улыбалась она мне вчера, – в тайну. В тайну я верю.

– Это по-нашему, – ответил я ей, – по-русски.

Кроме Сони, матери и отца, у меня ещё существует Зина, дочка, маленькая пока, и бывшая уже жена Римма. Мы с ней полуласково развелись.

...По-настоящему осознавать ситуацию я стал лет в 18-20. Учился я тогда в институте иностранных языков, на переводческом факультете. Давалось мне это легко, потому и пошёл, чтобы не забивать голову чем-то внешним.

Главное, что к этому времени я познакомился, и глубоко, с эзотерической литературой, в первую очередь, с Ведантой. Легло это на душу быстро, ибо во многом соответствовало тем элементам опыта из прошлой жизни, которые я мог

как-то восстановить в своём сознании. Но, с другой стороны, я уже тогда чувствовал, что собственный опыт – основа всего, даже когда он расходится с традиционными учениями того человечества, того цикла, в который я попал.

Всё это я тщательно скрывал от окружающих, хотя мамуля, Зоя Андреевна, иной раз с подозрением поглядывала на меня; слава Богу, у меня была собственная комната, где я мог свободно предаваться медитации, особенно по ночам.

Первое «разоблачение» произошло неожиданно. Сонечка, уже начинающая художница у нас, заболела. Обнаружили опухоль на печени. Ужасу в семье не было предела. Я же не просто знал, я видел, что всё обойдётся в самое ближайшее время, и опухоль окажется доброкачественной.

Поэтому мне приходилось прямо-таки строить гримасы отчаяния. Но мне верили.

Бедная Сонечка, несчастный, слепой как все люди, ребёнок! Что она могла знать! Она только рыдала, с таким безумием, с такой дрожью за свою жизнь, что я сам начал сомневаться...

Но в клинике, куда её положили, я собрал все силы, чтобы спасти её не от смерти, которая ей не угрожала (как выяснилось впоследствии для всех), а от бесконечного ужаса перед смертью в её сознании. Я чувствовал, что она может сойти с ума ещё задолго до операции.

И здесь мне, конечно, пришлось приоткрыться. Я начал с того, что как-то вечером расписал ей весь следующий день, до подробностей, до всех анализов и т.д. Она была ошеломлена. Обалдение её было настолько велико, что вытеснило ужас, и она встретила меня на следующий день с широко открытыми глазами, в которых не было и слезинки.

– Саша, ты что? – только и спросила она.

Признаюсь, такие мелочи, как предвидение будущего дня дались мне с трудом, невероятным, длительным усилием, но так всегда бывает со всякой мелочью, ибо настоящие прозрения даются молниеносно и часто непредсказуемо. Поэтому я довольно резко сказал ей:

– Соня, слушай меня внимательно. Я твой брат и желаю тебе только добра. Но я не только твой брат, а гораздо больше...

И пошло!

Прежде всего, я озвучил перед ней её самые секретные, затаённые, взлелеянные мысли, которые она длительное время таила в себе. От такой шоковой терапии она сжалась, как пойманная мошка, и только прошептала: «Помолчи... не надо».

И тогда только мне удалось убедить её в моём всевиденьи. И это всевиденье моё говорило ей о том, что она будет жить... И она сломилась в лучшую, солнечную сторону.

Бедная Сонечка! Она встретила приближающийся (временный) уход своего сознания со сцены так называемой жизни с трепетом, но не с ужасом. Операция прошла удачно и без тревожных последствий. Я всё время посещал её и после. Потому что не мог забыть нечеловеческий ужас в её глазах перед воображаемым исчезновением навсегда, смертью, так сказать.

Моя цель была выбить из её головы этот бред, который она принимала за реальное чудовище. Она ослабла, мучилась, но дикая радость от того, что она выжила, двигала её ум только в одном направлении: разрешить загадку смерти, убить бездну. Она верила мне, сходила с ума от

неописуемого счастья, когда я приходил. И я приступал к немедленному духовному излечению. Мои аргументы были традиционными, они известны, но я добавил кое-что о весьма экзотическом из собственного опыта.

Вдруг с какой-то стремительностью, параллельно физическому выздоровлению, она ясно осознала, что никакой смерти как конца её существованию – нет, и такого не может быть.

Чудовище оказалось химерой, словно специально созданной современной цивилизацией циклопов и роботов.

Но она была живая, как, впрочем, и многие другие люди вокруг, большинство даже, окружающие меня и мою семью, к примеру. Казалось, эта удивительная цивилизация должна была проглотить, разжевать и выбросить в подвалы ада – ан нет! Вопреки всему.

Я это ясно вижу: грязь и падение не уничтожили вертикаль. Это весьма таинственно, но это так. Россия, не сдавайся!

Но Сонечка моя вообще оказалась на редкость удачливой в метафизическом отношении. Как выздоровела – взялась веселиться, пить вино, радоваться каждой секунде своего бытия, но в то же время бросилась читать ту литературу о существе человека, которую я ей рекомендовал...

Но вскоре я потерял её из поля повседневного общения. Я женился на Римме, словно явившейся из ниоткуда.

Отец припас для меня однокомнатную квартирку, а Соня осталась с родителями в нашей трёхкомнатной.

К тому времени я приобрёл феноменальные, неожиданно для меня, знания нескольких языков, и потому существовал безбедно. Это, наверное, произошло по наследству от отца.

Потому к этому времени и он изменил своё представление обо мне как о придурке.

История моя с Риммой была в меру гротескна и сюрреальна. Почему я её более или менее полюбил – теперь уже не помню. Она была глазной врач. Главное для меня было убедить её оставить для меня пространство и время для периодической ежедневной медитации и более чем медитации.

Она скрипела зубами, но в чём-то соглашалась. Я убеждал её, что это мне необходимо для здоровья и сохранности.

В остальном я её устраивал. Верила она только в свои глаза, и то в смысле физического зрения.

Я в первое время был ею доволен, но смешила она меня часто.

Она не понимала, почему я порой чуть ли не хохотал откровенно над самыми банальными и житейскими её рассуждениями или это её чуть-чуть пугало. Она вздрагивала даже иногда.

По душе Римма была проста, но, по большому счёту, она не могла во что-либо верить, – основательно. Любое убеждение в чём-то пугало её и вызывало глубокое недоумение. Больше всего она не верила в себя, в своё существование. Оно всегда казалось ей неопределённым и шатким.

– Вот-вот пропадёшь на этом свете, – бормотала она порой себе под нос, готовя обед.

На мои занятия медитацией она смотрела с ужасом, но ужас гасился любовью.

За что она меня любила, было совершенно непонятно, и, прежде всего, ей самой. Римма не просто принимала меня за другого человека, за того, кем я не был, порой

она признавала меня не за человека, а, скорее, за существо: тихое, скромное, но крайне загадочное. Я и сам не знал, за что я более или менее полюбил её, и свыкся на первое время.

Вместе с тем, с течением времени я обнаружил, что больше всего на свете Риммуля любит спать. Она могла спать и днём, и ночью, в кресле, на столе, если бы ей этого захотелось, везде, в любой дыре этого мира.

Моя Сонечка, с её чуть-чуть истеричным интересом к метафизике, смерти и бессмертию, вызывала у неё отвращение.

– Ну и сестрёнка у тебя, – сказала она мне как-то, – чудовище какое-то, а не человек. Она что, действительно хотела бы жить вечно?

Я, помню, тогда резко её оборвал, попросив не называть мою сестру «чудовищем». Она, зевнув, извинилась и сказала, что хочет спать. Но я прервал, спросив:

– А ты, что, действительно равнодушна к своей смерти? Римма усмехнулась.

– Нет. Я к ней отношусь полюбовно.

– Это как?

– Саша, в чём дело, в конце концов? – ответила она, опять зевнув. – Тоже мне проблема! Что страшного в смерти? Каждый вечер мы делаем это, когда засыпаем... Ну заснём навсегда... Ну, кукарекнем раза три в могилке, а потом замолкнем. Чем плохо-то?

Я, естественно, и так, без лишних слов, видел суть её личности и, в конце концов, любил её за это... Ну, что ж, проспит где-нибудь в уголках Вселенной и продолжит, так сказать, миллиарды лет, пока не проснётся. Впереди – Вечность. Всё-таки лучше, чем ад. А я ей помочь в данной

ситуации, увы, не мог. Против Промысла Господнего никак не пойдёшь.

Но года через три такой тихой жизни мы разошлись, и именно полуласково. Точнее, мы вовсе не разошлись окончательно.

Она заявила, что её постоянно раздражает моя сестра (Соня часто, конечно, часто приходила ко мне), но особенно медитации и, вообще, мои состояния не от мира сего.

– Я – не дура, сама понимаю, что от этого надо бежать, уходить куда-то, – объясняла она. – Но я-то причём? Из-за тебя мне снятся неприятные сны. А я хочу покоя.

Я совершенно не возражал. Она переезжала к родителям, и наш брак (кстати, гражданский) стал как бы прерывным. Так мы договорились. Иными словами, периодически она, как блуждающий сонный огонёк, появлялась в моей квартире, временно, а потом опять исчезала в свой покой.

Мне стало, может быть, полегче.

Главное, что я продолжал упорно, используя то, что дано в глубинах мировой духовной Традиции (и, конечно, не забывая о собственном опыте), пробиваться к единственно важному для меня. К тому, кем я был до этого нелепого воплощения в физическом мире, в каких мирах и где я бродил. Воплощение в таком грубом, падшем, словно ошибочно созданном мире, естественно, влечёт за собой такую потерю высших способностей души, что сводит их к минимуму. Чтобы знать, надо умереть... Но я преувеличиваю, пусть этот мир агонизирует уже несколько тысячелетий, но в нём тайно содержатся такие духовные возможности, которых нет ни в раннем, ни в каком-либо золотом веке. Потому нельзя быть односторонним. Я быстро усвоил те знания, которые содержались в великих или даже

полутайных книгах, и всё это совершенно нормально. И, кроме того, видимо, в агонии скрыты и потом открываются глубочайшие тайны. Весь тварный мир, по существу, – не что иное, как пульсирующая агония. Но эта агония ведёт в пучину Вечности, в бездну Бога в самом Себе... Но хватит. Пока что я не могу пробиться даже к самому себе. Не к своему Вечному Началу, к неуничтожимому высшему Я или, иными словами, к духу во мне, а к этой загадочной, парадоксальной, блуждающей и непокорной части «моего бытия», которая называется душой. Чего бы ей блуждать по всей Вселенной, когда она соединена с таким вечным убежищем, как то, что в разных традициях называется то образ и подобие Божие, то просто Бог, то Атман, то есть высшее Я, абсолютный субъект? Уж не хочет ли она, душа, поглотить своими блужданиями дух? Ха-ха-ха! ...Я нарушаю правила божественной игры... Но, наверное, так и надо. Надо моей безумной, бесконечной, рвущейся в беспредел русской душе. Несомненно, я в этом уверен, что моя душа – изначально русская, но несколько заблудившая... Я не могу пока точно прояснить, насколько глубоко я погружён в космологическую Россию, в инварианты Вечной России. Что-то брезжит в моём уме, но я определённо знаю, что я как-то уклонялся от финального пути в Россию Вечную и блуждал в иных мирах, далёких от России... Видимо, что-то случалось непредсказуемое... В том числе и это попадание в эту Россию, где я сейчас, в Россию, связанную с физическим миром. Воистину, это тяжело. Тяжело видеть в таком опасном положении моих близких, моих соотечественников, просто русских и русских по духу, и других, всех тех, кто живёт в России и любит её. Да и всех людей на этой планете, в этом срезе её, жалко. А

помочь?.. Можно и нельзя. Потому что я с очевидностью вижу, что Россия эта, зажатая страшной эпохой падения земного человечества, должна по промыслу Божьему пройти этот мучительный отрезок её исторического пути, в который я и сам попал. И я вижу, к сожалению, что я брошен сюда не для того, чтобы «спасать», а, видимо, по какой-то иной причине, касающейся только меня...

...Между тем, время, земное время, а не то Вечное всепоглощающее Время, упорно шло и шло. Сонечка моя подрастала, и меня она с каждым годом всё более и более изумляла. Я вёл почему-то отрывочные записи, вроде дневника, но и так многое врезалось в память, видимо, навсегда.

Шёл уже 21 век, Россия выкарабкивалась из пропасти, в которую её хотели толкнуть. Я часто проводил время и работал, кстати, – переводил на даче родителей в Болшеве. Туда, конечно, заезжала и Сонечка, где-то уже Софья Семёновна, так сказать. Шучу. Ей шёл двадцать первый год, как появился, вроде бы, муженёк, скорее, «друг» – «любовник» звучит несколько неприятно. Дело в том, что жили они вместе не постоянно, как-то довольно свободно, не навязываясь друг другу. Родители надеялись, что они всё-таки вступят в нормальный брачный союз – молодой человек этот, Антон Енютин, им нравился. Мне – не очень. Но на это воля Сонечки. Был он, как и она, по роду профессии книжный график, пусть и учащийся ещё. Из хорошей семьи, его корни – в русском дворянстве. Но по характеру Антон был крайне тихий, ну до невозможности тихий, даже мышку превосходил он в этом отношении. Молчаливый такой, но в своём деле талантлив, без всяких комплексов и страхов. Тих он был, мне кажется, от уверенности.

Может быть, Союю всё это устраивало, цинично говоря. Но какая-то почти незримая внутренняя связь между ними, несомненно, была. Однако изумление, которое вызывала у меня моя сестра, было иного порядка. Сося с такой легкостью и глубинным интересом овладевала метафизическими науками, что сами индусы развели бы руками. К двадцати четырём её годам, к примеру, я подсунул ей сложнейшую работу Рене Генона о множественности миров, шедевр эзотерических концепций, и что же? Она проглотила это молниеносно, и по её замечаниям я понял, что она вошла в тему. Тут уж мне осталось только развести руками. ...Она изменилась даже физически; в том смысле, что её природная красота потеряла лёгкий налёт женского инфантилизма и стала какой-то загадочной таинственной красотой. Уж не множество ли миров вселились в неё?

И вот тогда в нашу жизнь вошли эти двое. И все из моего небольшого круга общения. Друзья, так сказать, где-то настоящие, где-то более или менее. Один – Миша Сугробов – был на год моложе меня, человек такой широкой, как русские степи, души, что в неё вмещалось всё: от метафизики до безумных, но в то же время обуздываемых запоев. Мы и безумие научились контролировать силой воли.

Другой – Денис Гранов, того же возраста примерно – был, между прочим, не совсем человек даже. Но об этом потом. Сам он, конечно, об этом не подозревал.

Сугробов был бард и эссеист. Гранов – художник. Но это к сути Гранова не имело никакого отношения.

Гранов наводил ужас на Римму, и, когда она первый раз его увидела, то не появлялась у меня два месяца. И звала к себе, в уют, в сонное царство, с пряниками и самоваром. Всё мне твердила потом, что жить во сне – самое

лучшее, а краше сновидений ничего нет на свете. И только тогда, когда Бог погрузит всю Вселенную в сон, наступит всемирное счастье. Так уверяла моя Римма со слезами и пряниками.

Собирались мы втроем, бывало, на даче, особо любили зимой, когда кругом снежная вьюга, сугробы, и дача душевно скорее напоминала медвежью берлогу, чем дом.

Сонечка грезила где-то в соседней комнате, а мы сидели на зимней террасе – и за стеклом видны были ледяные и снежные чудеса русской зимы.

Сугробов был на вид диковат, но крайне образован. Знал художников чёрт-те какого века. Но из литературы, из прозаиков, по высшему счёту любил только Льва Толстого и Достоевского, как-то объединяя их, таких как будто бы непохожих, в нечто родное и единое. Поэзию любил всю без особого различения. Широколицый, блаженно-мешковатый, он пронизывал окружающих взглядом своих голубых глаз.

Гранов же Денис был, как ни странно, внешне немного похож на Сугробова, но с совершенно иным выражением лица. Оно, прежде всего, довольно часто менялось, иногда прямо на глазах.

То вдруг возникала ярость, причём такая, что создавалось впечатление, что это существо вот-вот встанет и ударит первым попавшимся бревном по голове. Кто бы это ни был, даже женщина. Потом внезапно всё менялось, и лицо Дениса охватывало весьма и весьма депрессивное выражение – результат сумасшедше-глубинной депрессии, которая, к тому же, появлялась ни с того, ни с сего, без всякой внутренней причины. Но ещё на его лице царил печать какой-то всеобщей непонятности и потерянности.

Точно Гранов не понимал, где он находится, почему он тут, и тогда окружающий мир он окидывал взглядом человека, упавшего не с луны, а откуда-то дальше. Но то была чистая иллюзия, ибо, в конце концов, ниоткуда он не падал, а взгляд его, выражающий полную одуроченность, имел другие причины. Но в целом он, всё-таки, контролировал себя, как мог. Бревном, точнее, поленом, уколошил только один раз, и то подвернувшуюся под беспричинный гнев собачонку. Но мебель ломал.

Такова была наша компания.

Бывал ещё один, но о нём даже упоминать пока не хочется.

Началось у нас с Грановым всё с того, что однажды летом на пресловутой даче он остановил меня, когда я выходил из деревянного домика в нашем саду. Он гостил в это время у нас.

– Саша, – проговорил он, взяв меня за пуговицу моей рубашки, – скажи мне, кто ты?

И он поглядел на меня отсутствующе-пристальным взглядом.

Я напрягся, потому что в его взгляде темнела какая-то разгадка. Или?..

– Неужели ты не знаешь меня? – спокойно ответил я.

– Не мучай меня, – был ответ. – Я чувствую, что ты не отсюда. Скажи, откуда ты? Где ты существовал прежде?..

– Почему тебя это так интересует?

– Я чую, что ты знаешь многое скрытое...

– И что?

– Ты знаешь, кто я, какой судьбы. Ты можешь мне помочь... Я мучаюсь, не зная о себе ничего. Даже дату своей смерти я не знаю...

У меня удивительная память на то, что происходит здесь. Я помню точно этот разговор. Что мне было делать? Ведь я, к ужасу своему, понимал, кто он, и кем он был до рождения здесь, и почему на самом деле он мучается. Но ответить искренне я не решался. Такая искренность могла дорого стоить.

А он смотрел на меня как волк на свою добычу. Скажи мою тайну, и всё. Сумасшедшая и в то же время почти дьявольская улыбка появилась у него на его лице.

Он присел на пенёк.

– Я уже давно намекал тебе. Но ты уходил... Знаешь, если ты не ответишь, а ты знаешь обо мне всё, – я просто прирежу тебя. И в душе не дрогнет. Прирежу, и всё. Мне противен этот мир...

Большая голова его одеревенела от мыслей.

Я осторожно подошёл к нему сзади.

Он сидел неподвижно, внутренне огромный и дикий, но очень образованный на язык.

Я поцеловал его в затылок и сказал:

– Не ври. Ты меня не прирежешь. Я мог бы тебе кое-что рассказать, но ты ещё не готов принять такие новости о себе. Подожди немного.

– Сколько ждать?

– Сколько надо. Но недолго. Только ответь, почему ты решил, Денис, что я эдакий знаток тайн рождения и смерти, на небе и на земле? Я же тихий, и сестру свою люблю...

Денис встал с пенька.

– Пойдём в дом.

И дальше весь день не проговорил ни слова. И я молчал по отношению к нему.

Пришла в мою комнату Соня. Она удивилась нашему молчанию, взяла гитару, и, словно забыв о метафизике, запела... о какой-то разлуке... и о том, что могила никогда никого не разлучит. Я удивился, Соня редко так оказывалась простой доброй девушкой. Явился Сугробов и явно застонал от радости, что увидел поющую Соню.

Даже Денис дурно как-то повеселел. Всё-таки без неприятности не обошлось, – Гранов придавил ногою мелькнувшую, было, мышку. «Не будет мелькать», – махнул он рукой.

– Не махай, Денис, – поучил его Сугробов, – мы не прохожие – ни здесь, ни там...

И потом всё закружилось в нашем обычном общении...

...Из всех моих многочисленных приятелей и полуприятелей (из разных кругов, в основном, всё-таки, с налётом эзотеризма) само собой как-то избралось три отключённых от земного бремени человека.

Двух я уже описал, как всё равно родных. Но добавлю, что Денис жил одиноко, с женщинами вёл себя беспорядочно, хаотично, но умеренно. Работал мало, в основном рисовал картины. Свободное было существо, одним словом.

Сугробов же Миша потерял жену – умерла во время родов. Зато сын, Алёша, сохранился, и, любимый, делил восходящую жизнь свою с отцом и бабушкой с дедушкой. Сугробов писал свои эссе смело, мысль его порождала самые причудливые изображения...

Но был ещё третий – Евгений Солин, нашего поколения человек, со своей женой Викой и дочкой-малышкой Анечкой. Последний был до того необычный субъект, что его прятали от чужих глаз. Но об этом потом.

Главным качеством Жени... Да нет, просто скажу: был он человек абсолютно ошеломлённый. Поэтому чаще молчал. Зато жена его, Вика, тоже была ошеломлена, но не метафизически, как Женя, а по жизни, земной, простой и чудовищной. Более всего ошеломилась она не только от своего мужа, но ещё более от дочки своей, Анечки. И ошеломление её стало полубезумное и лихое, говорливое. Нестандартная, конечно, явилась она на свет, какие уж тут стандарты...

Такова была наша внутренняя компания.

Всё кружилось неплохо для души – и влюблённость Сугробова в Сонечку, и её таинственность, и тихий её муж Енютин, рисующий монстров, и всё это общение, обогащающее каждого из нас, но основную напряжённость вносил Денис. После той жутковатой сцены в саду, он внёс в нашу компанию, в наш круг, идею о том, что я тщательно скрываю от всех некое тайное знание, и, следовательно, я – человек во тьме для всех. Но больше всего его интересовала собственная личность. И потому он ждал от меня какого-то откровения на свой счёт. Я отлично понимал корни его тревоги, то уходившей в дикую депрессию, а то – ещё хуже... Прирезать меня он, однако, никак не мог: не тот человек. На этот счёт я не беспокоился. Но что-то жуткое было в его безмолвной тоске, в его взгляде, обращённом ко мне: ты всё знаешь! Но я видел, что он ещё не готов. Солин, по крайней мере, молчал. Его молчание, при всей странности, никого не мучило, кроме крыс. У нас на даче они внезапно возникли, но тотчас исчезли после его появления.

Впрочем, видимо, это было причудливое совпадение.

Но всё же сущностное молчание его кончилось. Именно поэтому одна наша вечеринка на даче в Болшево так

врезалась мне в сознание. Постараюсь восстановить в деталях, как было, тем более, свои «дневниковые» заметки.

Солин приехал раньше всех, один, сказав, что Вика приедет чуть позже. Я хотел удивить его хорошим чаем из Индии, за столом в саду, но он вдруг отозвал меня куда-то в сторону под старое дерево, словно оно могло подслушать его откровения. Криво улыбнувшись, он поведал мне про себя. На самом деле всё оказалось серьёзным и необычным. За свою жизнь Солин прошёл много кружков и метафизических увлечений, не брезгуя даже оккультизмом.

– Но всё это само собой не то чтобы исчезло, но как-то притупилось, поблекло... Все мои, так сказать, увлечения и практики – для тебя не новость, Саша, – сказал он.

– Но почему поблекло?

И он объяснил: с тех пор как стали возникать, редко, но периодически, простые, но странные явления. В сознание, в центр, стал падать некий луч, тихий, до безумия отдалённый – от всего того, что известно в духовной Традиции и описано там. Ничего неопишуемого, ничего божественного, насколько божественное или его проявления известны гуру, святым, пророкам и т.д.

Разумеется, никаких видений, ничего болезненного или разрушающего. Просто на какие-то мгновения луч – откуда-то из такой запредельности, о которой ничего сказать невозможно, даже в смысле неопишуемости и т.д. Просто знак, что, помимо всего того, что известно в религиях и метафизике, есть такое запредельное, которое не имеет ко всему перечисленному никакого отношения. Луч как знак того, что такая запредельность существует.

– Что ты скажешь? – спросил, наконец, Солин.

– Всегда есть вероятность невозможного, – ответил я. – Странно. Но с таким лучом шутить нельзя.

– Он не несёт ничего угрожающего. Лишь знак о заповедном. После этого я как-то притих в плане моих духовных исканий. Они стали для меня какими-то неопределённо-бесконечными. Всё, что было тайной и молчанием, стало обыденным.

Я вздохнул.

– Не преувеличивай. Неведомый луч – сам по себе, а то, что мы называем высшей реальностью – само по себе.

Он кивнул головой.

Откровенно говоря, я был поражён. Солин всегда отличался глубинностью, и в адвайта-веданте тоже. И если он интерпретировал всё верно, то... Но за чаем я его утвердил.

– Женья, – сказал я, – самое главное – это собственное спасение, точнее, освобождение, реализация своего вечного начала... Если ты не бессмертен, так сказать, точнее, не вечен, то всё падает в пропасть, в том числе и твой луч. Личная вечность, неуничтожимость должна быть гарантирована. А после – хоть танец абсолютно невозможного. А до этого ничто, даже невозможное, не должно сбивать нас с толку. Знать об этом лучше можно, но не влезать туда...

Он вяло согласился.

Пришла Вика, весёлая, щебечущая, лихая. Беспокойно взглянув на Солина, она потребовала водки. Рюмашку, конечно.

В этот вечер тьма была какая-то просветлённая. Деревья в саду выделялись, как живые – вот-вот задвигаются и будут бродить по участку. Наконец, подъехала долгожданная машина во главе с Сугробовым. Гранов и Соня моя сидели позади. Денис ещё прихватил с собой свою молоденькую двоюродную сестру, студентку. Она была также знакомая Сугробова. Звали её Рита. Родители наши

с Соней отсутствовали. И решили всем остаться на ночь на даче. Где-то недалеко когда-то жила Цветаева.

Постараюсь описать, даже в скрытых чертах, этот слегка безумный вечер.

Расселись мы в саду под деревьями, за удобным столиком, кругом зелень, словно ограждающая нас от шума и грохота мира сего.

И сразу стало уютно и добродушно. Душа в душу. Покой и ласка. И водка, вино, к тому же, хорошие. Но примерно через часок всё нарушили крики соседей. Вышли взглянуть. Оказалось, на нашей улице, на противоположной стороне, где-то на углу, пожар. Горит дача, причём весьма богатая. Заглянули с улицы, дико кошмарное пламя охватило участок, слава Богу, довольно далеко от нас. Языки огня с жадной настойчивостью рвались в небо, точно стремясь и его поджечь. Дым точно поглощал воздух. Хлопотали пожарные. Собаки выли так, будто всему собачьему миру пришла смерть.

Особенно бесилась соседская собака, злобная, смелая и жестокая, она не выла в страхе – рычала на бедствие. Я заметил, что месяц назад нашли труп недалеко от нас, на углу. Загрызла человека собака. Чья – неизвестно, но, на мой взгляд, это соседская, она иногда как-то вырывается на улицу, и тогда берегись тот, кто жив.

Пожар, шум и вой не утихали. Мы плюнули на всё и вернулись обратно – отдыхать.

Выпили, конечно, слегка, и Денис попросил слова.

– Когда даже чуть-чуть выпьешь – внутренней цензуры нет, – заявил он и пошёл в следующем духе:

– Друзья, – начал он. – Я, кстати, прекрасно зная английский язык, много путешествовал, побывал даже в Бра-

зилии. Видел мир, и снаружи, и изнутри, со стороны человеческих душ. Да и стоящими книгами об истории мира сего баловался. И моё заключение: мы живём в больном, сумасшедшем мире, который по концентрации зла почти не имеет себе равных среди других миров. Я, конечно, исключаю ад. Короткая жизнь, смерть, болезни, бесконечная кровь и войны, трупы, самоуничтожения, духовная тупость, следовательно, обречённость после смерти, перманентные катастрофы, болезни, ненависть, вечное насилие и страх, страх, постоянный крадущийся всесильный страх, заполняющий в души человеческие и порабощающий их.

– Может, хватит? – вмешался Сугробов.

Денис же впал в какую-то мистическую ярость, и его уже невозможно было остановить. Лицо его как-то изменилось, по выражению, по крайней мере, и в глазах проявилась скрывающаяся затаённость.

– Всё правильно, – только повторял Солин.

Наконец, Денис закончил:

– Только за огромные грехи в прошлом бытии можно получить такое наказание как попадание в этот мир, рождение в нём. Мы с вами, господа, как и другие на этой планете, – преступники, жутковатые преступники, наказанные рождением здесь.

Это уже было слишком. Такой накат вызвал протест, хаотичный, но твёрдый. Рита, молоденькая, так та прямо-таки завизжала, протестуя.

– А к тебе, Риточка, у меня вопрос, – прервал её вдруг Денис. – Почему с самого начала, как только мы сели за стол, ещё до пожара, у тебя всё время слегка, но заметно, дрожали руки? ...А, молчишь... Ты ведь у друзей... Так в чём же дело?! А я тебе скажу: внутренний страх, вечный,

онтологический страх простого смертного... Ты только чересчур чувствительна, и у тебя это выходит наружу...
То-то...

И он, налив рюмку, продолжил:

– Ты, Миша, – обратился он к Сугробову, – извини меня... Моя сестра – чудесная, прекрасная...

– Преступница, – мрачно брякнул Сугробов.

– Да, ладно... Мы все... Предлагаю выпить за Риту...

За Риту-то мы выпили по предложению Дениса Гранова, так сказать, но его речь зацепила.

А Денис опять в какой-то мистической отключённости бормотал, словно он выпал из другого мира:

– Так не может быть, не должно быть, как здесь... Это космическая патология, эта планета... Где я? – он развёл руками. – Где мы? Куда мы попали?.. Что это вокруг?

Наконец, я не выдержал. Вика тем более впала в настоящую истерику; хлебнув полстакана водки, она причитала:

– Да это настоящая мирофобия... Вот к чему мы придём... Как можно так рычать на весь мир!

– Денис, – начал я. – Послушайте, вы, дорогуша, крайне односторонни. Всё это так, но кроме... Кроме есть жизнь, бытие, бытие и в аду радость, а здесь, здесь – такое благо быть... Вы что? И наслаждений хватает, на худой конец... Фифти-фифти, как говорят. Но главное, в этом диком, носорожьем мире человеку дана возможность переделать свою низшую природу и стать бессмертным, подобно богам, и даже больше... Ведь в Богочеловеке, во Христе изначально до его воплощения на земле соединился Бог с человеческой душой... Это что-то значит или нет?!.. Я уже не говорю о том, что он, придя сюда, принёс себя в жертву...

Этот был мощный контрудар. Я продолжил ещё немного, но вмешался ещё и Сугробов:

– Денис, это ведь падший период. Надо терпеть. Но именно в такую отчаянную эру в род человеческий могут быть брошены самые таинственные эзотерические откровения...

Солин оживился и кивнул головой, предложил выпить за самое, на первый взгляд, безумное.

– Получится, как в теорфизике – безумные идеи побеждают. Хорошо бы так и в жизни, по крайней мере, у нас в России, России духа, я уточняю.

Денис, помню, резко прервал, и его речь меня удивила:

– Ваша Россия раздавлена под пятой мрака современного мира.

И проговорил ещё что-то крутое в этом смысле. И в том смысле, что нам уже не прийти в себя, не воспрянуть, а другим и подавно.

Такие речи и смыслы вызвали такой же резкий отпор. Даже Соня, которая всё время молчала, высказалась довольно определённо. В том отношении, что Россия – непредсказуемая, она сметает все свои временные неудачи, и её дух не зависит от демиургов мира сего. И он не может быть сломлен ни здесь, ни тем более в других мирах.

Вот такая оказалась моя Соня, некогда бедная девочка, трепетавшая от страха перед смертью, а теперь – смотрю ей в глаза и улыбаюсь: какая уж тут смерть!

Но все эти наши высокие и ужасные порывы остановила Рита.

– Ребята, пока вы тут метафизичничаете, – сказала она тихо, и её голос внушил доверие, – кто-то там сгорел

или горит в этом соседнем доме... Кот или человек – почти всё равно...

– Царство им всем небесное, – вмешалась Вика. – Надо взглянуть, всё же, что там... А тут птички щебечут, соловьи поют, белки скачут – хоть бы что... Дыму нет, и слава Богу...

– Почему ж собака соседская перестала выть? – спросил кто-то, не помню, кто.

– Отравили, наверняка, – ответила Вика.

Мы потихоньку встали и пошли выглянуть. Открыли калитку. Смотрим – пожара, вроде бы, нет. У нашей калитки стоит соседка, Надя, из противоположной дачи.

– Ну, что? – спрашиваем.

– Дом сгорел. Пожарные последнее тушат. Хозяин тоже сгорел. Отличный был мужик, богатый очень, вор, крупный вор... но сгорел, пьяный был.

– А семья?

– У него баба была. Красивая. Модель. Но ушла от него к тому, кто ещё побогаче. Говорят, рыб любил ловить из аквариума и есть... Для развлечения, что ли...

– А дети?

– А кто их знает? – добродушно ответила Надя. – Я не в курсе. Ничего, найдутся люди добрые или Бог приберёт...

Она перекрестилась и прибавила, уходя, что собака погорельца сбежала, а охранник был пьян, но не сгорел...

И, хохотнув, закончила:

– А заказчик огня – конкурент какой-нибудь оголтелый, а поджёг сам охранник, это, наверняка, исполнил он...

Потом донеслось от Нади ещё какое-то крепкое словцо, и она удалялась и удалялась.

Прошёл мимо ещё один человек, мужичок, скромный такой.

– Пожар! – слегка истерично напомнила ему Вика.

Мужичок пожал плечами.

– Раз есть на белом свете огонь, значит, гореть будем... Куда мы денемся?..

Вика вздохнула, и мы все вернулись в сад, чтобы к ночи пить чай, а не водку. Поставили самовар, нашлись пряники, баранки, варенье, всё как положено.

Но покой на душе из-за чая и духовные воспоминания о царской России («Какую страну мы потеряли!» – вздыхал Миша Сугробов) не смогли предотвратить страх и боль за настоящее.

– Когда этот мрак кончится? – вдруг спросила Вика, и с этого началось.

Но я быстро восстановил равновесие:

– Вспомнили бы не о девяностых годах, а о семнадцатом годе. Пришли твердолобые, как скала, обезумевшие от крови фанатики, комиссары. И что от них осталось? Ушли комиссары, уйдут и эти... Накипь девяностых годов, уголовники, полууголовники, обезумевшие не от крови, а от наживы. Которым наплевать на людей, на страну, даже свою презренную жизнь отдадут за деньги... И потом – одна дорога, сами знаете, куда... Они обречены...

– Уйдут-то они, уйдут, – возражал Солин, всегда довольный Викой, даже её истериками. – Но, прежде чем уйти, такое наворотят... И комиссары ушли, но не без следа и жути...

В заключение, у последней чашки чая, Сугробов убедил всех:

– Кто бы ни приходил, а внутри себя Россия остаётся Россией. И никто её не сдвинет против себя, против своей сути... Даже оккупация.

Последнее, правда, вызывало сомнение.

– Поверженная страна – это уже другая страна. И то же – поверженный народ, – так, кажется, среагировал Солин.

И Вика, продолжая, подхватила:

– Нас всё время хотят уничтожить. Я знаю, история, слава Богу, – моя профессия. Но не удастся, любая их агрессия оборачивается их гибелью. «Прикосновение – смерть», – как писал Волошин. Даже оплаченные революции не помогли: это обернулось братанием и крушением империи, у них в Германии после Первой мировой войны.

Вика продолжала дальше, довольно мастерски, подчёркивая, что на Россию всегда нападали тогда, когда считали её слабой, до того, как она могла бы перевооружиться.

Всё это было очевидным, но она говорила с такой страстью и приводя такие исторические детали, которые далеко не всем были известны, что её заслушались.

Это выглядело как мастер-класс, погружение в скрытые, не всем ясные изгибы истории.

Для Риты такое оказалось подлинным откровением. Бедняжка мало знала о собственной истории.

– Теперь понятно, почему мы всегда так нелегко жили, – растерянно проговорила она. – Сколько ресурсов и сил уходило на оборону... Приходилось защищаться порой от всего западного мира в целом... Одна страна...

– Но здесь, в этом саду, – тихо рассмеялась Соня, – никакой другой мир нас не тронет. ...В том числе и накипь внутри страны... Если есть уже сейчас очаги России духа,

и их надо издавать, то мы не погибнем. Нас не завоюют, не разложат изнутри страны, не заселят и не вытеснят пришлые народы (так, как погибли римляне, к примеру). Потому что, если будет Россия духа, высшие силы сберегут нас. Для этого достаточно не так уж много людей.

Она закончила так же тихо, как начала, и была тишина. Наступала ночь, и её шелесты напоминали о непредсказуемом. И хрупкая, точно пришедшая со звёзд, фигура Сони, она сама, её шёпот и молчание, говорили сами за себя. Чайный вечер прошёл в замирании. Все, конечно, остались ночевать в нашем доме.

...Утром всё было спокойно. Простыл и след пожара. Деревья – неподвижные существа – дышали собственной радостью. Я встал рано, и следом за мной Сугробов. И мы с Мишей уселись на террасе выпить кофеёчку.

И тогда он впервые так открыто и осознанно заговорил о Соне. Правда, и без этого было видно, что он как-то влюблён, что ли, в неё. Кстати, после смерти жены он вёл, конечно, довольно свободную жизнь, но о сыне, Алёше, заботился, любил, хотя он больше пребывал в надёжных руках бабушки. Алёшу этого я тогда ещё не видел, но когда увидел...

Вместо того чтобы просветлеть, Миша помрачнел, когда стал говорить о Соне.

– Вот что, Сашка, – сказал он, – твоя сестра – напрямик из Серебряного века.

– Не совсем, – поправил я.

– Пусть не совсем. Она меня своей душой, своим присутствием очаровала и околдовала. Кто она? Откуда? Это какая-то магия! Ты сам-то хорош, но она...

– Но она женщина, замужем, не забудь.

– Да я боюсь к ней прикоснуться. В том-то и волшебство. Да, она – женщина двадцать первого века, не тургеневская девушка из дворянской усадьбы, чёрт возьми... И в то же время... откуда этот странный покой, эта отрешённость? Не монашеская, нет, это какая-то высшая отрешённость, внутри которой просвечивает своеобразная неземная мудрость... даже не мудрость – то для мужчин, скорее, состояние.

– Какое состояние?

– Мудрого ужаса перед Бездной...

– Ну, ты наговорил...

– Не знаю. Не могу точно определить... От неё веет какой-то бесконечностью, духовно не обязательно свойственной женскому началу... Это не Прекрасная Дама Блока, пришедшая из высших миров... Она, сестра твоя, пришла из Бесконечности, из мистической Бесконечности, и сама есть духовная Бесконечность, которую она духовно переживает в себе... Это её состояние... Она выше мысли...

– Что же делать?

– Ничего. По всем признакам, она – это Русская душа, воплощённая в человеке.

Я замолчал. Откровенно говоря, я не ожидал такого потока. У меня самого было над чем подумать и решить, чтобы не измучить свою душу, и я на некоторое время забыл о своей мистической, но кровной сестре.

«Чего не хватишься, везде – тайна», – сыронизировал я про себя, переделав слова из «Мастера и Маргариты» на свой лад, противоположный тому, кстати. Там было, кажется, так: «Чего не хватишься, ничего у вас нет», включая Господа Бога. Теперь всё наоборот, да и

тогда было наоборот, только в тайне, а на поверхности, действительно, ничего не было, кроме атеизма. Но и сейчас на поверхности ничего нет, кроме звона презренного металла, что вполне равносильно атеизму. Впрочем, сейчас и на поверхности есть нечто иное, не один только звон...

Я тупо впал в такое раздумие, потому что откровения мишины по поводу Сони ввергли меня в лёгкий тупик.

И вдруг я увидел перед собой её глаза. Это были мои глаза и не мои. В них было именно то, о чём говорил Миша.

У меня ёкнуло в сердце, видение пропало, впрочем, это было не видение, а духовное воспоминание...

Я махнул рукой Сугробову в знак полного согласия. В этот момент вошла она. Я замер.

– Как спали? – улыбнулась Соня, обращаясь к нам.

Мне показалось удивительным, что у неё есть тело. Как у неё есть тело?.. Это вечное презрение к телу, идущее из глубины веков. Надо его преодолеть. Но, всё же, странно иметь такие несчастные и уязвимые тела. Но в том и заслуга...

Конечно, в тот момент я обо всей этой загадочной телесности и испытаний её и не думал. Мне сейчас это пришло в голову...

А тогда Соня присела на креслице около стола, повертела чашку и о чём-то простом заговорила. Но это вовсе не отменяло всё то, о чём мы говорили, что чувствовал и я, и Сугробов.

На душе стало легко. Что-то нежное вошло в душу. В конце концов, нужны не только очаги Бесконечности, но и нежности. Птицы пели за окном во славу их короткой жизни. И во славу этой короткой жизни все, вставши, собра-

лись на террасе, позавтракали и с ощущением почти бесконечной жизни где-то в глубине себя уехали в матушку-Москву. Я остался один с Софьей своей премудрой, к которой вскоре прибыл и её тихий муж.

Через одиннадцать дней, как точно отражено в моих записях, позвонила мне взволнованная Рита, и между нами состоялся следующий разговор:

– Александр Семёнович, – говорит, – помогите, ради Бога: с Денисом плохо.

– А что?

– В безумной депрессии он.

– Почему в безумной?

– Да так. Весь день лежит на диване лицом к стене. А среди ночи поднимается и песни жуткие поёт у окна... Помогите... Он только вас, по большому счёту, уважает...

– Вы у него живёте?

– Да, я иногда сбегая к нему, чтоб отдохнуть от родителей. У него же квартира-двушка.

– И не страшно вам, когда он ночью так поёт?

– Страшновато, но он же меня с детских лет любил, когда болела... Я его не беспокою, когда он поёт... Но, всё же, нервы сдают... Уже третий день так... Помогите, он всех помощников прогонит, кроме вас.

Пришлось ехать. К автомобилям у меня отвращение, потому добирался общественным. Впрочем, оказалось не сложным. Позвонил в дверь. Рита открыла, сама какая-то, точно во сне.

– Он там, у себя. Я вам мешать не буду...

...Денис сидел в кресле перед большим стенным зеркалом и неподвижно смотрел в него, скорее, может быть, в какое-то зазеркалье.

Вид его был отключённо-мрачный, словно он ушёл в какую-то беспредельную тьму.

На меня он не обратил внимания. На столе, у противоположной стены, лежала, видимо, нарисованная им на большом листе бумаги непонятная карта с очертаниями незнакомых континентов, близко непохожая на горестную карту нашего земного шара.

Я вздохнул, и только тогда Денис проявил какие-то признаки возвращения к этой жизни.

Неожиданно вошла Рита с чайным подносом, дверь она открыла ножкой, ибо поднос с чаепитием был тяжёловат для неё.

Она всё это приятно поставила на стол для нас.

– Риточка, – пробормотал Денис сквозь свой ясновидящий бред. И это, видимо, таково было его первое слово после долгого периода молчаливого отсутствия.

– Денис, нас угощают, – провозгласил я.

– А, и ты тут, Александр, – произнёс он из глубины кресла. – Я вижу тебя в зеркале. Ты вышел оттуда?

Я рассмеялся. Денис встал и присоединился.

Рита ушла, мы остались одни.

Чай оживил его, пирожки он, однако, не тронул.

Я решил взять, как говорится, быка за рога, и спросил:

– Денис, вы себя любите?

– Какого себя?

– Вот этого я и ожидал от тебя.

Эти «вы» и «ты» я почему-то всегда путал (даже с близкими друзьями, как Денис).

– Какого себя! – продолжил я. – Ты ненавидишь себя, какой ты есть сейчас, в данный период. Но в своей глубине,

где-то там внутри, где бродит бытие и тайна, ты любишь себя... Оттого и депрессия, что тебе не наплевать на себя.

– Ну и что? Тоже мне, анализ. И так ясно.

Денис почему-то обернулся на зеркало и хохотнул.

– Анализ-то прост, но и вывод, слава Богу, прост. Плюнь ты на свою мирофобию, точнее, на мир этот. Тоже мне, нашёл себе противника. Он исчезнет, а душа твоя, дух, точнее, – бессмертен. Дьявол-то изворотливей, похитрее тебя, Денис. Он-то выбрал себе помогучей супротивника, не такую мелочь, как этот мир.

Денис расхохотался. Это уже был сдвиг.

– Ну, и себя ты ненавидишь в той мере, в какой ты – часть этого мира. Но в тебе же, как и в других, таится то, что не от мира сего, что выше творения... Плюнь ты в зеркало на всё, что от этого мира, и живи другим...

– Так-то оно, конечно, так, Саша... Но не пора ли нам выпить... По рюмочке, без излишества...

– Самая пора... Только немного... Для души... А то, иначе, боюсь, ты ещё в худший мрак войдёшь...

– Хуже не бывает... Я согласен. Немного, много не нужно.

После такого небольшого, полутайного, пригубления он как будто пришёл в обманчивый здравый смысл, по крайней мере, на поверхности сознания. Всё разъедающее ушло куда-то внутрь и, может быть, ослабело. Однако после второй рюмки он сказал:

– Хорошо быть пищей для Всевышнего... Это не то, что тебя съедят бродячие собаки где-нибудь на окраине города...

– Денис, не углубляйся, – резко ответил я, – Бог внутри человека, так что... сам делай вывод...

– Ладно, ладно, молчу.

Мы закусили.

– Видишь, – добавил я, – ты повеселел... Иначе ты бы не высказал такое... Так что и от этого мира есть нечто эдакое, хорошее.

– Не говори, не говори, – Денис стал расхаживать по комнате. – Повеселиться есть причины, – и он хохотнул. – Особенно меня смешит человеческое тело, и моё в первую очередь, ибо оно под рукой...

– А что?

– А что?!

От этого невинного вопроса Денис внезапно осерчал.

– Ничего более жалкого, беспощадного и уязвимого я не видывал... Ткни, и оно распадётся. Живём мы с вами, Александр... Семёнович, в какой-то хрупкой кастрюле, где что-то вечно варится, переваривается, болит, кричит, шипит и щурится, и вот-вот лопнет... С таким телом не пройдёшь в иные миры... Стыдно...

– Ну-ну, – возразил я. – Тело это, как-никак, а защищает нас от очень самих по себе неприятных, обморочных порой, существ... Скинь-ка эту, как ты говоришь, «поганую» оболочку... и иго-го! Такая погань и нечисть попрёт, что и эту оболочку за царство Божие примешь...

Но я его не убедил. Денис продолжал ворчать, порой переходя на гнев полубожеский и отвечая в том смысле, что, мол, я беру худший вариант, а он лично ещё, можно сказать, полуробёнком рассчитывал на лучшее.

Помню, я старался как-то сочетать философские аргументы с юмористическим подходом, чтобы осыпать его душу густым слоем веселия, чтобы он, в конце концов, не смог копаться в ней, как в гнойной ране.

...Раздался звонок по мобильнику. Верещал какой-то девически-глупый голос, к тому же с вульгарными интонациями. Призывал он Дениса пойти в ночной клуб.

Гранов механически отказался.

– Я от своих баб скрываюсь, – заметил он с горечью.
– Пора с ними завязывать.

– Они что, не из нашей, так сказать, компании?

Денис чуть не поперхнулся.

– Никак. Какое... С женщинами я ишу простоты... Сначала было ничего, но я быстро от них одурел... Ведь они требуют внимания к себе, как будто они иконы...

– Ну и сравнения... Ты уж совсем...

– Тяжело с ними... Дурею... Я, Саша, если так будет продолжаться, в кота превращусь.

– В какого?

– В обыкновенного. А может, оно и к лучшему. Родился человеком и стал жаловаться на это... а коты себя не хаю, не жалуются.

Вошла Рита и повеселела, видя, что Денис мрачно хохочет.

В общем, я почувствовал, что как-то смог не только словами, но и молчком, интуитивно улучшить его раздумия.

– Мой брат слишком смел, – сказала Рита, присаживаясь за столом. – Он иногда говорит об этом мире такое, что его могут арестовать...

Денис искренне на этот раз развеселился, без мрака...

– Да ни в одной стране мира нет такой статьи, чтобы за это сажали!.. К сожалению. Но ты, Рита, обязательно предложи, в Госдуму...

Но я вмешался.

– С религиозной точки зрения, такая мирофобия выглядит богохульством... Но всегда можно сослаться на известный текст, в котором говорится, что именно дьявол – князь мира сего... Поэтому, до известной степени, хозяин здесь. Так что насчёт статьи можно не беспокоиться, даже если проживаешь в Ватикане.

Рита перевела разговор в другую плоскость.

– Девушки к брату, – сказала она, – липнут самые вульгарные, даже жутковатые... Я не хочу сказать, что с улицы, но что-то в этом есть... Почему так, Денис? Столько ведь, столько нежных, красивых женщин...

– Я об этом не думаю. Что есть, то есть...

– Они же тебе мешают думать, быть собой... это серьёзно, – не унималась Рита, – оглянись и найди...

Вечер закончился миролюбиво и даже как-то добродушно. Всё бывает...

Я возвращался поздно вечером в метро. Мне откровенно нравятся старые советские станции метро – в них есть что-то могущественное и величественное. По земным меркам, конечно. Веет духом победы над самой мощной и фанатичной армией из числа всех, которые когда-либо существовали на земле. Но лица людей – в вагонах это особенно заметно – измучены в тисках этой жизни начала 21 века.

Но, слава Богу, нет и тени отчаяния, безнадёжности, упадка. Довольно много молодых красивых женщин. Сосредоточенных на чём-то внутреннем лиц... Да, незримую войну, войну *духовную*, вести труднее, чем открытую, железную.

Но война незримая тоже может назваться Великой Отечественной войной, ибо уничтожение души и духа людей так же убийственно, как и разрушение страны.

Я на даче. Вечер. Соня спит на террасе. Я сижу у стола, в кресле, и смотрю в сад. Я не ожидал, что депрессия Дениса зашла так глубоко. Надо снять завесу. Пусть знает. Может быть, ему это поможет.

Я выхожу в сад и звоню ему. Прошло несколько дней с той встречи, и он, вроде бы, в форме. Точнее, в своём обычном состоянии. Это чувствуется по голосу. Я назначаю ему встречу на завтра.

Мы встретились в пригороде и просто зашли, недолго думая, в закудышное невзрачное летнее «кафе» рядом с обычным продуктовым магазином. Зашли потому, что никого там не было, и в углу, за столиком под деревом, можно было вполне изолироваться от мира сего.

У меня налицо было два главных аргумента. Один из них, для меня самый убедительный, был связан с моим знанием метафизической астрологии. Разумеется, она не имеет ничего общего с современной так называемой астрологией. Метаастрология – это древняя, тайная, сакральная наука, по которой можно определить судьбу и черты жизни, существования человека, души, за пределами земного бытия. И станет, может быть, вполне понятно, откуда и почему тот или иной данный человек сейчас уже человек и пришёл на эту Землю.

Второй аргумент – моё видение. Оно, конечно, ограничено физическим воплощением, но относительно Дениса оно было недолгим, почти мгновенным, но совершенно ясным. Это далось мне на уровне определённой медитативной концентрации, с большим усилием. Но результат совпал с данными метафизической астрологии. Конечно, картину дополняли ещё другие моменты.

Но с чего было начать разговор с ним самим, с Денисом Грановым, с объектом, так сказать?

Я начал с того, что прямо спросил его, как бы невинно, были ли у него исходящие, может быть, из сверхсознания (которое, по сути, вечно) какие-либо переживания при своём рождении, появлении на свет, которые он помнит по сей день? Я был уверен в характере ответа, так оно казалось.

Денис ответил, что он помнит одно странное явление (и память о нём осталась на всю жизнь), которое произошло, видимо, при его рождении, точнее, чуть позже, может быть, когда он был уже младенцем.

– Не помню точно, – добавил он. – Я был, следовательно, как будто бы куском мяса, но в моём сознании, не связанном с моим внешним существованием как младенца, молниеносно и губительно возникла мысль ужаса. Ужаса перед тем, куда я иду, во что превращаюсь! Неужели мне в такой мир? За что?.. Потом всё исчезло, и я лежал и пищал, пищал и пищал, сколько мог... Больше такое не повторялось, – закончил Денис.

– Не удивительно, Денис, – ответил я. – Если б ты мог тогда не пищать, а выть, то ты бы тогда бесконечно выл всю младенческую жизнь... И это вполне понятно, Денис, ибо ты пришёл сюда из сферы богов.

И я выложил ему те главные аргументы, если хотите, доказательства.

– И всё твоё, Денис, дикое поведение, ярость и депрессии, объясняются этим фактом. Не всегда боги, если воплощаются в человека, реагируют так, как ты, но помилуйте... даже сравнивать патологично, – продолжал я. – Там, в сфере богов, конечно, зависит от их категорий, но в

целом несоизмеримая космологическая длительность жизни, исполнение всех разумных желаний, мысль контролирует без всяких усилий вашу тонкую материю, делает с ней всё, что хочет, наконец, владение Древом Жизни, бытия, наслаждения по интенсивности несоразмерны с низшими, к тому же, беспорочные наслаждения, и, наконец, главное – нет страха, жуткого страха, который всё время сжимает сердце человеческое, парализует волю, превращает в тварь слезливую и дрожащую. Ведь у вас там нет страданий, плоть ваша неуязвима, нет внезапной или насильственной смерти, и сама смерть слишком далека за далью немислимых измерений... Есть что терять... И после этого воплотиться в чудовищном диком мире!

Денис молчал, неподвижно и жутковато.

– Да, – заканчивал я. – Известно, что всё это благо не вечно. Ведь боги – тварные существа, пусть высокого порядка. Карма действует и там. Пусть поздно, но рай заканчивается. Боги тяжело переживают свой конец. Тут два пути: один вверх, но вверху только Бог, нетварный, чисто духовная реальность, и перейти туда богам непросто. Считается трудней, чем человеку. Потому что пленены своим счастьем, а эта тюрьма более грозная, чем наш ад. Они не хотят никуда выходить из этой тюремной камеры блаженства. И потому, когда, всё-таки, наступает конец, они неизбежно мучительно, с содроганием, познают, наконец, ужас, гиперболический ужас, как бы в награду за блаженство, для эдакого мирового равновесия. И падают вниз по лестнице бытия. В том числе в человека Кали-юги, эпохи мрака.

Бывает, редко, конечно, и в животное, в хрюшку какую-нибудь, к примеру...

А потом поджаривать, поджаривать будут бывшего бога-то на сковородочке... Телеса-то могут быть вкусней, чем обычного поросёнка, хе-хе... Обычного люди не любят, надоедает обычное... Таким путём божок и познаёт, что значит очаровательный материальный мир. Это вам не наслаждаться у Древа Жизни, не созерцать свой божественный пупок... Так что с тобой, Денис, далеко не худший случай... Цени...

Я совершенно разошёлся, распустился, можно сказать, перейдя на этот истерически-чёрный юмор... Такой поворот вызвался у меня потому, что я не чувствовал реакций Дениса... Я видел мельком только то, что он оцепенел, во мраке... Это навело жуть.

Неизвестно, что могло прийти ему, ему, непредсказуемому, в голову, какой бредовый ответ высветится в его сознании.

Вдруг он запел. Я даже вздрогнул.

Молниеносно закончив пение, Денис захохотал. Хохот его был какой-то неопиcуемый. Так же стремительно кончив хохотать, он соскочил со стула и стал бегать вокруг. Официантка уже бросала на него испуганный взгляд.

Я молчал. Внезапно, подбежав ко мне, он поцеловал меня в лоб. И потом сел на стул и снова дико, исступлённо и где-то неопиcуемо стал хохотать...

Часть II

Пора, пора мне обратить свой взгляд внутрь себя. Точнее, изложить то, что там виднеется, на бумаге...

Меня, конечно, не надо убеждать в том, что я, дескать, родился на этой земле, в таком-то городе. Хватит с меня и других перманентных идиотизмов.

Моя реальная личность, неуничтожимое, высшее Я никогда не рождалось, оно вечно. Поэтому я никогда не отмечаю свой мнимый день рождения. Одеться в нелепую плоть, да ещё праздновать это событие, это уж, извините, слишком. Не надо превращать этот мир в сумасшедший дом.

Вообще говоря, с воплощениями тяжело. Внутренне я, конечно, понимаю, почему я здесь. Но, так или иначе, это удар, душа умалилась, вступила в связь с физическим миром, а такой инструмент – это не подарок. Поэтому сейчас у меня нет целостной, единой картины того, что происходило со мной раньше, до воплощения на земле...

В дневном сознании остались лишь отрывки, какие-то моменты предшествующих передвижений... и жизней... Хуже всего, что потеряна в памяти самая глубинная, истинная цель этой цепочки бытия, его передвижений, их смысл... Кое-что, всё-таки, осталось... Но нужно восстановить... С чего же начать, с какого хвоста?

Начну с богов. От этих тварей действительно никуда не денешься. Я определённо знаю, что я у них был. Неко-

торые эпизоды я могу воссоздать в глубочайшей отрешённости от мира, в медитации. Впрочем, когда возвращаюсь, добрая половина впечатлений, если не больше, стирается в памяти.

Между мной и тобой, читатель, говоря, счастье их или у них – безгранично. От счастья там просто некуда деться. Не спрятаться, не улизнуть; куда ни кинь взор – кругом одно счастье, да ещё безграничное.

Желания исполняются всего лишь движением их интеллекта, смерть, т.е. переход в иное состояние, – астрономически далеко... Всё это как на ладони, поэтому мне легко было пояснить Денису его ситуацию... Конечно, и там есть сюрпризы, духовная работа и прочее... Но счастье всё перекрывает.

Счастье – вот именно в этом и была моя загвоздка и возмущение. Признаюсь, сначала это неотразимо влечёт, успокаивает, смешит, даже если счастье у них вселенское.

Но потом – я хорошо это осознаю сейчас – у меня наступил перелом. Надоело. Скука. Счастье просто опротивело. Никакая это не тюрьма для меня, а просто противно. Помните:

Сыпь, гармоника! Скука... Скука...
Гармонист пальцы льёт волной.
Пей со мной, паршивая сука.
Пей со мной.

Если же говорить по делу, то у меня проснулся некий метафизический «инстинкт», точнее, стремление к запредельному и внутренняя энергия, которая уничтожила всё это огромное и живое здание счастья... И осталась одна

ведомая страсть – к Абсолюту, к Богу в самом себе, к источнику всех вселенных и миров и к Неопишуемому в Нём, а не к каким-то, пусть и полувсемогущим тварям. От богов – только тайная печать их скрытого предназначения и предначертания конечного смысла – вот что меня занимало и мучило. Но всё это было закрыто для них самих.

...Я был скитальцем в этом чудовищном необъятном духовном космосе, с его созвездиями бесчисленных миров, в разных сочетаниях пространства и времени, жизни и покоя... И бесчисленные обитатели, часто в причудливых формах, бесчисленные силы и влияния. Множество богов и полубогов, непостижимых для ума существ в мирах отнюдь не духовных в чистом и реальном понимании этого слова. Ады и полуады, и нечто худшее, чем ад. Чем выше, ближе к Великому Первоисточнику, тем чудовищней и отрешённой для человека, чем ниже – тем омерзительней и неразличимей, ибо довлеет мрак, и стоны доносятся из пустоты.

Но кто был я в этом величавом Проекте? Да, скиталец. Но какой?.. Всё зияет в моей памяти, как в пропасти, то возникая для ума, то пропадая в ночи безмолвия. Что мне можно сделать сейчас? Хохотать? Лежать в медитации, стараясь вырваться из этой тьмы незнания?

И всё же из этих осколков ускользающей картины жизнью моих можно что-то восстановить. Определённо я владел искусством переноса сознания в те или иные миры, в ту или иную иерархию. Я, видимо, владел Чистым Бытием, подосновой всего, в котором, как в лодке, можно было переходить из одного мира в другой. Я, слава Единому Богу, не был богом, но был среди них. Это похоже на ситуацию освобождённой души, когда можно делать со своей душой, что пожелается.

Но почему же тогда я странствовал, почему меня бросало от светлого кошмара к тёмному, наконец, почему я здесь? По идее, я должен быть в Атма-локе, то есть в месте, где моё истинное Я, или мой личностный Атман полностью реализуется как моя вечная подлинность и, следовательно, я освобождаюсь от души в пользу Духа и становлюсь или вхожу в то, что непостижимо ни одним умом и сознанием.

Но этого не произошло. Я не вошёл в Океан Абсолюта, где капля, оставаясь собой, становится Океаном. Что-то произошло, я не там. Я здесь, в этом жутком, но где-то весёлом мире. Не ад, но его преддверие, не рай, но и его преддверие. Где бродит любовь, но и где пожирание присутствует в чистом виде, как на ладони.

Хорошо. Я согласен. Мои знания собственного бытия фрагментарны. Но должен же я понять, почему я пока отброшен. Как тут не вспомнить текст из Веданта-сутры, что для Брахмана, для Бога, иными словами (или точнее) для Абсолюта, мир служит пищей. Духовной, так сказать, пищей, а не забавой, в конце концов. Отсюда вытекает, что мир и, в частности, высшее в нём, особенно человек, должен придти к какому-то сверхъестественному смыслу, добавить в Абсолют нечто, открыть и добавить. Это сразу создаёт бредово-непостижную ситуацию: как можно что-то «добавить» в Абсолют, ибо получается, что он не самодостаточен, не всемогущ, если в чём-то нуждается (иными словами, не Абсолют). На это, конечно, можно возразить, что миры, космос – это тот же Брахман, тот же Абсолют в своём инобытии, и, трансформируя Себя таким образом, Он вливает в Себя то, что скрыто от Него, когда Он в покое, в Самом Себе...

Ладно, предоставим Богу решать, что является для Него пищей. Но что именно я могу принести в подарок Всевышнему, какая безумная вышеестественная тайна откроется Ему, когда Он будет смотреть на мир через мои глаза, сквозь моё существование в мире? Что есть в мирах, чего «нет» в Абсолюте, когда Он в Самом Себе?

А может быть, я просто выброшен сюда как некая потусторонняя лягушка, маргинальный скиталец по Вселенной?

В конце концов, я и завизжать могу, как некий человек из космического подполья, по Достоевскому! На меня находит, редко, но находит... Остаётся только вздохнуть. Я, кстати, и в аду побывал. Но и там норовил уйти в какое-то подполье. Не просто созерцать плоды человеческого небытия (и падения), но и там юркнуть куда-нибудь поглубже, в самую суть ада, перевернуться и открыть его некую последнюю тайну, неизбежно соединяющую его с Абсолютом.

Здесь, на земле, в некоторых текстах сказано, что «люди», когда кончается их срок, выходят из ада в виде змеи, злобной, полной неосознанного знания ада и шипящей. Шипят, действительно, шипят. Награбят, наубивают, нажрут крови и страданий человеческих здесь, на земле, – а выходят и шипят и сами превращаются в шипение на весь белый свет.

Но не в них тайна ада, эти – всего лишь пузыри преисподней.

Что касается регионов ада и его страдающих обитателей, то всё это я просмотрел мельком. Ад жестокости, одиночества, ничтожных душ, одержимых только материальным, – общее то, что царствует, если говорить о чело-

веке, полное отдаление, отчуждение от собственного духовного центра, Духо- или Богооставленность, как хотите. Всё почти так, как описывается на земле. Учителями, поэтами. Ничего интересного. Конечно, пребывание в аду не вечно... Надежда, вопреки Данте, всё-таки есть, есть даже своеобразные религии. Но пребывание по-сумасшедшему длительное, время другое, а вообще – тупость и скука, если смотреть со стороны. Я, разумеется, имею в виду обитателей, а не адептов.

Впрочем, один регион меня заинтересовал. Это регион счастливых каннибалов (в более или менее широком смысле слова). Там нет религии и нет страданий. Пожирание внешне безнаказанно. Но плата за это жутковатая: практически вечное и безысходное заточение, ибо связь с духовным началом прерывается полностью и навсегда, так что непонятно, как такие существа могут вообще существовать, пусть даже в форме некоей бессмысленной и жадной оболочки. Зато компенсация – в виде счастья. Вампирического, правда.

И когда уходишь вверх от ада в низшие миры, нижних вод, то там становится чуть интересней ввиду определённой inferнальной загадочности происходящего. Эти твари и силы попросту хотят заморочить ваше сознание чем угодно: кто лаской, кто ложным видом световых проявлений, а больше всего – страхом, неземным бредом, ужасом поглощения, а иногда – гиперболическим юморком. Лишь бы вы расслабились, и тогда – можно высасывать вас из самих себя, поглощать энергию и ум.

Все эти тупорылые убийцы в нашем земном мире – детишки-ребятишки по сравнению с этими. Эти умеют так пугать, что человек парализуется, превращая себя в сно-

видение. Но малейшая правильная молитва или метафизическая медитация (о духовном) полностью парализует воздействие их самих и выносит ваше сознание в сферу, им недоступную. Внизу остаётся замороженное бредом существо-труп.

Одно из них своим зрением тонкого мира так глубоко заглянуло в меня, точно хотело убить что-то внутри меня, может быть, самое тайное и драгоценное. Это уже вам не просто мировой вампиризм, а нечто худшее.

Чем дальше вверх, тем всё становилось более причудливым и нормальным. Нормальным в том смысле, что проявлялось какое-то движение духа и Света. Но испуганная жажда бытия и её удовлетворение любым сумасшедшим, неуправляемым и вредоносным способом ещё давали о себе знать. И притом поражала воля к этому – сатанинская и беспощадная, в которой, казалось, сконцентрировалась извращённая воля Космоса.

Но эта жажда бытия – только на достигнутом уровне, выше идти не надо, только сохранить то, что есть, только в гиперболических масштабах. Во всяком случае, с этим мне пришлось столкнуться. Наверное, есть и покруче.

Был у меня момент, когда я как будто не вовремя вышел из трансцендентного состояния, и (боюсь неуклюже выразиться) меня, незащищённого, какая-то чёрно-властная сила возжелала по существу слизнуть, зашвырнуть в какую-то пропасть, где всё будто бы уничтожается, превращается в ноль... Такое у меня было ощущение, и этой силой были глаза... Не физические, конечно, а те, которые сквозь космос, дальше, в сторону от всего...

Но обошлось, хватит об этом. Не могло не обойтись, скажу наглее.

...Когда поднимаешься выше низших миров, туда, к богам, вся картина мира, естественно, меняется. Есть миры, где нет никакого «зла». Но это не означает, что это высшие миры, где происходит полная духовная реализация и нет никакой необходимости не только в религии, но и в самом «освобождении» – ибо душа становится свободной от всего тварного и являет собой нечто гораздо большее, чем «душа». Но в конечном итоге этот процесс выходит за пределы любой Вселенной и относится к чисто духовной и абсолютно вечной реальности.

...Но боги, боги! В сфере демиургов, полубогов, управителей Вселенной, её частей, планет, мне кажется, я чувствовал себя неуютно. Потому что не хотел бы чем-либо управлять, кроме себя самого. Да, тела полубогов соткали из вечного времени; это уже несравнимо ни с какими человеческими реалиями. Я уже не говорю о колоссальной космологической энергии их... Но мне неуютно. Я вообще не люблю Вселенную, имея в виду, конечно, эдакую последнюю трансцендентную любовь. Не тот объект для такой любви.

У высших богов, в их среде, я чувствовал себя лучше. Это определённо... И должен сказать, что несмотря на патологическое, неумеренное стремление к реализации Абсолюта и, каюсь, лёгкое презрение ко всем этим мирам (что в высшей степени дико!), – какая-то тяга к этой жизни среди богов преследовала меня. Помилуйте, необозримая жизнь, мгновенная реализация всех желаний, разумеется, в пределах разума, контроль над «материей», этой «кристаллизованной мыслью», и, наконец, бесконечная внутренняя энергия, поток и неудержимость бытия и исходящее изнутри счастье, тем более что вокруг нет гибе-

ли... Согласитесь, не каждый откажется от такого... А наслаждения!!! Но об этом умолчу, умолчу, ибо всё это сейчас для меня, как в чёрном тумане...

У меня нет здесь, на земле, ясного понимания, кем я был, когда находился среди богов: отчуждённым путешественником, или был воплощён в них (вряд ли!), или уже близким к полному освобождению души, когда делаешь с собой, что хочешь...

Но метафизический инстинкт запредельного победил счастье, тем более и здесь оно не абсолютно. Боги исчезают, вечен только Бог и тот, кто осуществил реализацию Абсолюта, что одно и то же. Каюсь, что говорю на человеческом языке, когда речь идёт о Неописуемом. Поделом мне, грешному. Но я здесь, и это отличное испытание.

И всё же многое, что здесь написано, на уровне некоторых великих книг, совпадает с моим духовным опытом, насколько я его помню. Все эти путешествия ко всему прочему более или менее укладываются в те рамки знания, которые известны здесь, на земле. Но самое интересное как раз то, что ни во что не укладывается. И об этом надо сказать тихо, уютно, а вовсе не кричать. Мало ли, что бывает...

Впрочем, может быть, потом произошёл какой-то срыв, не имеющий познаваемой причины. Хотя «срывом» это и нельзя назвать – произошло нечто чудовищное по всем вселенским масштабам.

Известно, что из недр Абсолюта может выйти практически бесконечное количество вселенных, таких, как наша, но далеко не совсем, как наша. Первоосновой нашей является, конечно, Логос, высший Разум и само Бытие как таковое, чистое Бытие. Всё это – первоначальные

проявления Абсолюта, на которых основан этот мир в целом, во всём его многообразии – с богами и бесконечными уровнями реальности. Но поскольку возможности Абсолюта, Бога в Самом Себе, неограниченны, то, в принципе, возможны творения совершенно иные. Эти вселенные, миры, могут сосуществовать, но связи между ними, видимо, невозможны. Но мне обострённо, до жути кажется, что я каким-то образом попал в одну из этих иных вселенных. Все «воспоминания» обрывочны, но... нет, не верно, не могу понять, как это возможно! Может быть, мне просто дали видение этой иной вселенной, а сам я не находился там. Да и как там можно «находиться»?

В этой вселенной отсутствовал Разум как организующее Первоначало, исходящее от Бога. От Бога исходило нечто Иное. И я осознал, что это было Бытие, только Бытие само по себе. Разум бежал, но возможно было нечто третье, что двигало этим Бытием, но это было всё что угодно, только не Разум, не Сознание...

Поэтому всю эту огромно-невероятную вселенную пронизывал Хаос, великий Хаос, и в ней не существовало иерархии, никакого «верха» и «низа», высших миров и низших там не существовало. Существовала бездна Хаоса и дикого, словно сорвавшегося с цепи, Бытия, захлёбывающегося от безумной жажды быть и существовать в разных невообразимых движениях и формах.

Были ли там отдельные существа (боги, демоны, люди)? Думаю, что были, но на наши существа они походить не могли, ибо находились в стихии хаоса и некоей третьей силы, и отличить их было невозможно.

Но этот бесконечный бушующий океан ярости, счастья, покоя, любви к себе, бесконечной, немислимой сти-

хии, круговорот бессмертия (там не было ни рождения, ни смерти), до тех пор, видимо, пока вся эта вселенная не придёт к единому концу.

И мне холодно там быть. Я бы не хотел когда-либо волей Божьей там возникнуть. И было бы это Я – то великое, неизменное, которое и в нас, во мне и в Абсолюте – одно и то же... Там, в этом хаосе, вряд ли присутствует это Я, там – там Бытие, оторванное от разума и сознания, стало самостоятельной бездонной силой. Живи в бездне и плюй на всё остальное.

Круговорот бессмертий, не поддающийся Разуму, жизни – всемогущ там. Счастливы ли они? Ха-ха! Там не до счастья, слишком бурно, перехлёстывает все человеческие представления! А кто мы – несчастные твари, обладающие одной только реально-великой возможностью, малодоступной, к тому же: постучаться в дверь к Богу и на вопрос: «Кто?» ответить: «Это – Ты!» Молчу, молчу... И не несчастные вовсе, а полусчастливые, что ли, идиотические где-то...

Нет, я, конечно, не мог войти туда, но, думаю, Господь дал мне зрение видеть это. А те... мне кажется, что эта вселенная кончит тем, что съест сама себя, от безумий сдвинутой жадности жизни не удержится, голубушка, сожрёт... То ли дело у нас – тихо, спокойно, и смерть рядом. Особенно не пожрёт.

Помню, я долго отдыхал от этих прозрений. В каком-то полусне «будущего» (какое тут время!) я видел конец этой вселенной, как она, чудовищно извиваясь, как метagalактическая змея, пожирает себя, наслаждаясь самопоеданием, обезумев от избытка Бытия. Хорошенькое видение, а то всё боги и боги. Скука.

Но когда возникло у меня это виденье самопожирающей вселенной, после сразу же появился вдруг рядом совершенно фантастический монстр, отрицающий сам себя. Такие монстры определённо нужны в какие-то переломы вселенской или просто мировой «истории».

Может быть, моё это виденье – просто субъективный поток сознания? Не думаю. Всё, что я видел доселе, – устройство нашей вселенной и т.д. – совершенно совпадало и со здравым смыслом, и с божественным, и даже с откровениями древних, которые записаны в книгах людей... Почему же вдруг – и субъективизм? К тому же у меня было реальное могущественное ощущение, что это есть. Мой дух был, как всегда, спокоен, а произвольное воображение я всегда держу в узде.

...Наконец, перед моим сознанием предстала ещё одна не наша вселенная. Там тоже вместо Логоса, высшего Разума, в качестве Первоначала выступало нечто невыразимое, отдалённо похожее на всемогущую Интуицию, но до такой степени иррациональную, что закон причины и следствия окончательно разрушился в этой вселенной. Всё возникало само по себе, не связанное, выброшенное на свет дикой силой, лихое и в чём-то безграничное. Были ли там существа? Да, но какие-то отделённые, друг на друга непохожие. И что же их связывало? Несомненно, эротика, могучая, всемирная, но совершенно иная, к нашей не имеющая отношения. Они, эти существа, сходились, не зная друг о друге ничего, как сходились между собой повешенные и медузы... То, что у нас невозможно, там – норма. И миры тоже там проявлялись, в этой полубезумной вселенной, несущейся, как лошадь, осёдланная Великим Неизвестным.

Что до меня, то в нашей вселенной спокойней и разумней. Что лучше, не знаю. В конце концов, все они вышли из недр Абсолюта и созревали там, как зародыши, а потом внезапно выходили наружу, сразу, взрывом и в целокупности – со всеми бесчисленными существами.

Но в нашей вселенной меня всё-таки всегда привлекала причудливость, потому меня в ней влекло не к мирам богов или асуров, например, а к мирам, созданным по ошибке. По ошибке демиургов, конечно, а не самого Творца (или Первоисточника).

Боюсь, что наш земной мир не обойдён такой ошибкой. Но молчу, молчу... Ошибка в одном из этих миров, например, состояла в том, что некий скрепляющий элемент не вошёл в этот мир, и он хотя с яростью существовал, но периодически как бы разваливался на ходу, и потом опять начиналось почти с начала...

Там ли или где-то ещё, в каких мирах, в каких даже вселенных, может быть, не знаю, но в молниеносных вспышках своего сознания, из глубин его, помню некоторых странных персонажей. Один из них то умирал, то тут же снова возникал. Он словно пульсировал, словно мигал, даже подмигивал своей непонятной смертью и возникновением: вот, мол, я какой! Я пытался силой мысли вступить с ним в контакт, но в ответ получал поток какой-то дикой радости, абсолютно неосмысленной, даже чуть-чуть дурашливой.

Жить, жить, жить! – в нижних мирах шипели все – змеи, вышедшие из ада, и особенно богоборцы. Невольно возникают в уме стихи наших, здешних:

Богоборцы! Бичи и спасители
Потаённые двери прежнего
Ухожу я весёлым мытарем
И в неё, родную, крошечную...

Моё мнение, мой опыт: ошибочные миры, безусловно, предусмотрены Господом, они Ему нужны. Потому и демиурги должны быть порой немного не в уме, не в себе, одним словом. И наказываются они, горемычные, ибо свобода воли дана. Всякий раз, точнее, не раз влечёт если не к безумию, то к вольности и космической пугачёвщине, если угодно. Всегда есть соблазн, когда управляешь целыми планетами, да ещё не с одним, а с несколькими уровнями бытия, от «нормальности» до ада и тому подобное... Андрогини вы мои, андрогини...

В неудачных мирах вой порой раздаётся – и жалостливость порождается тоже неуправляемая и дикая. Но всё им простится за их вой, наверное...

Тихо, тихо вокруг. В разных странных мирах видел я и не такое. Вой, он прост. Я бы и сам повыл иногда. Бездна вселенская – это вам не избушка на курьих ножках.

Видел я один мир, понял его – и когда понял, чуть не умер от изумления. Даже не знаю, как это описать. Беда в том, что познал его метафизически, изнутри, внутренне, – иначе его и не познать. Представьте себе существо. Это существо, скажем, – вы, неважно, кто. Вы, допустим, существо «икс». Побыли этим существом, и вдруг ваше внутреннее Я, ваше самобытие переселяется в другое существо. Существо, к примеру, «игрек». Не характер ваш, не индивидуальность перемещается – существо «икс» так и остаётся своим «иксом», – а бытие ваше переселяется – и рож-

дается новое существо, скажем, существо «игрек», с его нормальным или паранормальным характером и т.д. Ваше только бытие. И вот таким образом, по принципу бытия, вы перескакиваете от одной жизни к другой, от одной личности к другой, со всем многообразием, но довольно бессвязным. Побывали святым, стали мерзавцем, к примеру, потом гением, потом идиотом и так далее, до умопомрачения, без всякой кармы, без всякой логики, как Бог на душу положит. Попрыгунчик такой. И все в этом мире так прыгают. И не поймёшь, кто есть кто. Кто-то вас почти зарезал, к примеру, – потом он ваш брат; одним словом, «страшно на улице тёмной встретиться с собственным прошлым».

Но этот стих о кармической связи, всё-таки, а тут без всяких заслуг и антитез заслуг посиди в шкуре всех – от царей до рабов, от тихонь до убийц... Весело на таком свете, господа, не соскучишься!

Я с одним таким контактировал, так сказать, встречался. И что же? Так он, милые мои, не только ошалел, но решил остановить этот поток с помощью тайного учения. И остановил. Но влип. Превратился в фантастического монстра.

Происходило это, конечно, не в нашей вселенной, где власть кармы обычно нерушима, а в той, где закон причины и следствия разрушен, как в моральном, так и в любом другом смысле. Здесь уж разгуляться можно вовсю, но, опять-таки, не то чтобы по своей воле, а как-то иначе. Мой фантастический монстр до того обмонстрился, что так ошалел эротически, что вступил в связь (непохожую, конечно, на то, что происходит у нас) с жуткой тварью, которая была к тому же на грани полного исчезновения. За исчезновение он её и любил...

Вообще, житие и в нижних, и в странных мирах походило на бурную жизнь во тьме крошечной, в которую, однако, обитателей этих тянуло, и не только стоны там раздавались, но и радостный визг. Зато была свобода, свобода идти вниз, свобода самоуменьшаться, но отхватывать свой кусок бытия.

В нашей вселенной при движении вверх, к Богу, свобода как будто бы ограничивалась всемогуществом Духа, и подлинная свобода могла, конечно, осуществиться не в «тварном» мире, а в самом Абсолюте, свобода, которая немыслима в мирах. Но свобода ужаса и бездны может быть именно только в мирах.

...Видел я где-то там эдакое до истерической невозможности уникальное существо. В этом огромно-подвижном существе гнездились множество Я, точнее, это разных совершенно личностей, скорее даже противоречивых по отношению друг к другу существ. Существ в одном эдаком необъятном существе, мягко говоря, не очень гармоничном вследствие этого. То в нём проявлялось нечто высшее, тянувшееся какими-то окольными путями к духовному Небу, то вдруг сразу же произвольно выползало нечто до безобразия демоническое, расхлёстанное, злобное ко всему. И тогда раздавались рычащие призывы к абсолютному богоборчеству, к тотальному бунту всех существующих тварей против Творца. Но и это существо в нём утихало, и на свет выползало нечто до того смиренное, тихое, что на мой вопрос: «Кто ты?» ответил он мистическим шепотком, что со смирением не дерзаю я даже сказать, существую ли я или нет – ибо на то воля Божия. А, мол, на вопрос «Кто я?» – в мыслях даже не дерзаю ответить. И не дерзаю ответить также, например, суще-

ствует Вселенная или нет. Не знаю я этого. И вообще ни на какой вопрос не осмеливаюсь отвечать, а тем более осмысливать его.

И тут же появлялся другой в нём, охваченный патологическим страхом перед всем, что существует вокруг него, и отнюдь не смиренный. Он не знал, чего и кого ему больше бояться: самого себя, или мира, или Творца. При моём приближении к нему он просто визжал и пытался спрятаться в самого себя.

И вот такое это было огромное существо, содержащее в себе много душераздирающих отдельных существ, ненавидящих друг друга. Тяжело и вязко это огромное сверхсущество бродило по своему миру...

Изумили меня до непонятной жалости создания, над сознанием которых проходила некая глобальная реальность, Сила, а они сами были только щупальцами этой Силы, которыми она ощущала, цепляла тот мир, в котором находились эти создания, и их глазами осматривала этот чуждый ей мир. Для чего?

А теперь пора остановиться и самому себе задать вопрос: почему я не осуществил Богореализацию, по крайней мере, до конца? Что заставляло меня метаться по бесконечным мирам? А ведь я мог, думаю, осуществить это последнее чудо: войти в ослепительно-вечную, всемогущую абсолютную реальность и навсегда освободить себя от пребывания в чёрном мираже этих всех вселенных и миров. Вместо этого я сижу здесь, как идиот. А я ведь вполне осознавал себя как единое, вечное, не рождённое Я в оболочке чистого Сознания и чистого Бытия, пребывая в этом, в Самом Себе, пусть временами, – если б постоянно, меня бы здесь не было... Но что-то заставляло меня не

делать последнего шага... И я уходил, я метался... Уходил из духа в свою видимо человеческую душу. А душа звала, металась, вела за собой дух, божественное Я, которое и есть моё истинное Я.

Здесь, на земле, этот путь в истинное своё Я нашёл полное подтверждение в великих книгах, например, в практике такого метафизического гения, каким был Рамана Махариши, индус, при земной жизни осуществивший полную Богореализацию. Не мешает и мне довести здесь этот «путь» до конца. Но я чувствую, что мог бы сделать это значительно раньше.

И, тем не менее, я здесь – в этом человеческом теле, довольно нелепом, по большому счёту, нескладном и обречённом. Но жаловаться тоже нелепо, раз есть возможность вечной жизни. Фактически и у всех этих существ, крутящихся в вихре тварных миров, есть или будет возможность в том или ином состоянии, пусть даже для некоторых нереализованном, пассивном, безосознающем, фиктивном, так сказать, вернуться в Первоначало, а там... Ждать иного творения, снова возникающей пульсирующей Вселенной.

Для Всевышнего, как говорят некоторые, это может быть просто забавой или неким трансцендентным наслаждением, а для нас... Но кто мы?.. От этого в каждом индивидуальном случае и зависит ответ.

Но даже самые отпетые после немислимых, полувечных страданий вернутся в Вечное Логово, но, конечно, личность их будет уничтожена, а вернётся только безличностная первооснова.

И ещё, при всей до испуга странной и какой-то необъятной судьбе миров и существ в них, обвинять Абсолютное Начало, Бога (чем примечательны богоборчес-

кие порывы) в эдаком людоедстве, издевательствах над Своим творением в конечном итоге весьма глупо и даже недостойно человеческого ума. Да, многое непонятно, странно, Бог может видеться даже как нечто устрашающее, но, во-первых, нормально, ибо глубинно-конечный смысл всего доступен только Первоисточнику. И нечего объяснять то, что нельзя понять, и лезть туда...

Но самое главное: вечное Я, абсолютный субъект, метафизическая личность этого первоначала тождественна тому высшему Я, которое присутствует везде, а в человеке является его истинным, хотя и скрытым, требующим реализации, неуничтожимым Я.

Извините, но иметь такую милость к собственному творению, когда как будто бы Творец и Его творение должны быть не различными, – это уже превосходит уровень естественного милосердия. В Веданте это выражено простой формулой: «Я есть Брахман», т.е. абсолютная реальность. Это вам не мелкое, ничтожное эго, ложное Я... И самое примечательное: «Знающий Брахмана не знает скорби». Это особенно звучит в тех мирах, где всё живое пропитано скорбью.

«Знающий», то есть реализовавший своё абсолютное начало, освобождённый, не знает не только скорби, но и безумного, напряжённо-истерического хохота вселенных... Нет, нет, я имею в виду хохот богоборцев.

Итак, всё встаёт на свои места – есть и гармония, и смысл, хотя и страшно где-то из-за этого мистического, таинственного всемогущества... И всё же во всей этой картине есть что-то ускользающее от взора, что-то сверх того. Не должно быть стен, но и дурная бесконечность абсурдна... Не хочу сказать или повторить, что, если существует гармония и, скажем, некий высший закон, то как-

то скучно, неловко, что нельзя обойти, отвергнуть истину ради чего-то большего... Может быть... Просто есть нечто сверхъестественное, что говорит: не то, точнее, не всё, даже далеко не всё... Почему? Этот бунт против всякой завершенности – явный признак *русской души*.

Теперь, после глубоких медитаций, я могу закончить эти записи. Да, я, кажется, познал, кто я и почему ушёл с прямого пути. Просто было не время входить в неопишемую, вечную абсолютную реальность. Не время, потому что я искал то, что «не дано» ещё, во всяком случае, человеческой душе. Путь к Богу нам дан, дано и многое другое, но есть нечто, что никому и нигде ещё не открыто, не только людям. В принципе не дано, и, может быть, это невысказано будет открыто.

Но эта «не данность» – это даже не тайна тайн, а нечто большее, что может полностью изменить наши представления о мире, о Боге, *обо всём*. А может быть, посвятить в такую бездну, в такую глубину, которая ни к чему существующему не имеет никакого отношения. Вот именно к этому невысказанному меня всегда и влекло. Независимо от того, откроется или не откроется. Даже если не откроется, само метафизическое существование этой «не данности» бросает причудливую сумасшедшую тень на всё, что дано. И тогда «данность»-то оказывается какой-то неуверенной, хлипкой, пусть не мираж, но нечто с мертвоточинной, загадкой какой-то, с дырками в никуда. Некая страшная неопределённость во всём. Хоть и реализуйся духовно, – конца не видно. И слава Богу.

Но без этой «не данности» и реализация Абсолюта, как бы это выразиться... не конечна, что ли... Лучше уж здесь направить себя... за, за... Уловить хотя бы присутствие...

И второе, важное до безумия. Несомненно, такое стремление к тому, что не дано – чисто русская черта... Стремление осуществить невозможное. Перейти черту. «Неутолённость веры»... Теперь я действительно уверен, что изначально моя душа была русская. Даже здесь меня не оставляет точно вырывающееся из души стремление выйти за пределы мировой духовной Традиции, войти в пространство новой метафизики, меняющей даже моё собственное представление о себе самом как о вечном Я, некоем блуждающем «осколке» абсолютной реальности.

Всё это и подвело меня к контакту, относительно тихому и скромному, к той метафизической реальности, имя которой – Россия Вечная. Последнее, наивысшее выражение России духа, русской души – на уровне, связанном с Абсолютом, но чуть-чуть отстранённом. Ибо Россия Вечная выступает как посредник между Абсолютом и Бездной вне всего. Бездной, которая ни с чем несоединима, которая сама по себе, бесконечная и ничего не выражающая ни для богов, ни для людей, Бездной, в которой ничего нет, кроме неё и, может быть, некоей навсегда закрытой *антиреальности*. И только Россия Вечная, соединяющая в себе неуничтожимое бытие и стремление к тому, что не дано, может стоять неким третьим между Абсолютом и Бездной. Бездной, присутствие которой я всегда чувствовал и не приближался туда.

Я недостаточно близок ещё к тайне Вечной России, чтобы войти в неё. И теперь мне понятно, почему я здесь в родной, истерзанной России, но и в России-победительнице в конечном итоге, в земной России... Здесь лежит моё сердце, и здесь можно придти к невозможному...

Часть III

Глава 1

Бездна, одна Бездна вокруг... Известие о своём происхождении от богов ввергло Дениса в конце концов в какой-то ступор.

– Ну, это вообще, – разводил он руками. – Только этого не хватало...

Но косвенные данные подтверждали. Великие книги Востока валялись на его столе в полном беспорядке, но прочитанные. Да и авторитет Александра Меркулова был выше ума.

...А жизнь назойливо лезла во все щели. Ей, земной, было наплевать, кто откуда явился – и крыса, и гений; оболочки их равно превращались в трупы.

– Денис, работать над собой надо, – напутствовал его Меркулов. – Изучайте высшие возможности человеческого состояния и не скулите, что так пали... В конечном итоге может оказаться, что вы вовсе не пали.

Денис отвечал непонятным молчанием на слова Саши и его напутствия, но вдруг не выдержал и запил.

– Я решил попить немного, Сашенька, – объяснил он Меркулову весьма робко. – Душа просит расслабиться и погулять по свету...

Меркулов только махнул рукой.

– Ступай, Денис. Не страшно. Впереди вечность, отдохни.

Денис и так много отдыхал, не особо утруждая себя. Но Меркулов, видимо, имел в виду какой-то иной, глубинный отдых.

– Запить-то я запью. Но с кем? Вы, Саша, не пьёте...

– А Мишу Сугрובה, нашего барда, забыли...

– Я его не забуду, даже если вернусь к богам, – спохватился Денис.

И на следующий день оказался у Сугрובה.

Сугробов только что отдал сыночка, девятилетнего Алёшу, к бабушке и был свободен до неприличия. Встретились они у сидячего памятника Гоголю, но, взяв машину, оказались где-то там, где Москва граничит с Подмосковьем.

– Не люблю рестораны, – жаловался Денису Сугробов. – Пошлость какая-то, роскошь. То ли дело заброшенное чёрт-те что, – и он указал направление движением руки.

«Чёрт-те что» оказалось летним заведением неопределённого типа, но с перекошенными столиками в садике. Стояла яркая, полыхающая прощальным огнём осень, и деревья в саду ласкали душу.

Расселись, сначала по пиву и по стихам, всё понемножку, но потом Денис вдруг задумчиво произнёс:

– Миша, не поверишь, но мне всё надоело: живопись, стихи, даже самые великие, гениальные поэты...

– Да ты что? – Сугробов выпучил глаза. – Ты сам так прочёл: «Над бездонным провалом в вечность...»

– Хорошо. Гениально... Но мне надо что-то за пределами гениальности... Выше или дальше... То, что мы не знаем...

Миша осторожно возразил, отхлебнув пивка:

– Выше гениальности... Но то, что выше, всё равно отражает то, что внизу... Всё связано... Ничего абсолютно запредельного нет... Лучше вспомни:

И перья страуса склонённые
В моём качаются мозгу
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу

– Я помню, помню... – пробормотал Денис. – Если то, что внизу, отражается как-то, в ином виде, наверху, то ты лучше расскажи мне о жизни крыс... эдаких подземных и чёрных, носителей чумы... И как это отражается там, у богов, у планет, которыми они управляют... Есть ли планета-крыса... Я хотел бы туда... Особенно хотел бы стать демиургом такой планеты.

Денис, конечно, помнил завет Меркулова сохранять молчание о себе и он был утробно верен этому. Но что-то вокруг этой судьбы говорит ведь можно было, со своими, конечно. Миша в ответ призадумался.

– Что за пожелания, Денис... Не шути этим.

– Я и не шучу... А что? При условии свободы-то... Я бы такое набедокурил, что у меня эта планета превратилась бы в сумасшедший дом крыс, точнее, обитателей... Они бы у меня шарахались от собственного существования, в сторону, во тьму... Я бы им показал мировой порядок... Сами себя бы не узнавали, и снилась бы им одна огромная крыса, то есть я сам... Их бог и творец... Я вам не стишки писать, пусть самые гениальные...

Сугробов расхохотался.

– Полёт, какой полёт, Денис... Я бы сам поиграл в кошки-мышки с планетками. Только ведь за все забавы

платить придётся... По крупному счёту. Создашь по ошибке или по пьяни божественной какой-нибудь мир, вроде нашего, так потом сам сойдёшь с ума от содеянного... По головке за такие дела не глядят...

Официантка принесла им ещё пива и сосисок.

– Ребята, вы пейте, – сказала она с провинциальным искренним добродушием, – но себя не забывайте... Вот у вас (обратилась она к Денису) шнурок на ботинке даже развязался... Ещё упадёте, выпивши-то... Нас мало осталось, беречь себя надо...

Денис и Сугробов переглянулись: что бы это значило? И сердечно одобрили. Официантка, улыбнувшись, ушла...

Вдалеке выли машины. Могли кого-то и убить, переехать. Разговор закончился дико, но интересно и с добротой. На соседний столик тяжело прыгнул кот. Надо было закругляться.

Они вышли на шоссе. И среди груды автомобилей, застрявших и гудевших, подхватили подходящую тачку и домчались до Москвы, оказавшись, в конце концов, в одной приятной и тихой компании, в отдалённой от мира сего квартире, где хозяином был родственник Сугробова.

...Наутро, проснувшись, друзья потянулись на кухню.

– А ты, всё-таки, завёл меня, Денис, – сказал Сугробов, попивая чаёк и включив телевизор. – По разным мирам хорошо шастать... Физический мир весьма тесноват как-то, нехорош... А там...

Денис тяжело посмотрел на него:

– Не то, не то, Миша... Я не то имел в виду...

Сугробов махнул рукой:

– Всё вместим! Ну как, продолжим?..

– Нет, Миша, нет... Мне тут почитать один трактат надо. На санскрите... Сашка Меркулов перевёл... Для меня...

– А я не успокоюсь. У меня вдалеке сюрприз есть...

Глава 2

Сугробов встретил их, сюрприз этот, три дня назад.

Это было на даче, где Сугробов заканчивал книгу, весьма необычную, посвящённую инквизиции и её тайнам. И вдруг звонок по мобильнику. Это был пресловутый родственник, Антон, у которого впоследствии и ночевали пьяненькие Сугробов с Денисом.

– Я к тебе на колёсах, с людьми, – заявил Антон.

– С какими людьми? Я занят.

– Ничего, отвлечёшься. На людей поглядишь.

Антон отличался бесцеремонностью, но и с собой позволял обращаться неформально.

Люди оказались тремя молодыми, лет где-то под 27-28, внешне совершенно дикого вида. Но, несмотря на дикость, они представились.

Довольно толстенький, низенький, самый замшелый, но крайне весёлый, не без сумасшедшинки, назвался Юрием Лобовым. Другой назвал себя Севой Велимановым, и выглядел он наиболее адекватно. Третий, Масаев Лёня, был загадочно нервозен. Он снял куртку, протянул Сугробову лапу свою, в знак знакомства, и первое, что он сказал, было:

– Нервы у меня сдали... Нервы.

Пока туда-сюда, Антон тихонько отозвал Сугробова в сторону и прошипел ему в ухо:

– Мишка, не смотри на вид ребят. Это они для потехи. Любят над собой и над миром смеяться. Почти все они из богатых семей, вороватых, конечно. Но ребята редкой чистоты души. Бездельники, кстати. Между собой они верные друзья.

Смущённый такой характеристикой да ещё внутренней истеричностью Масаева Лёни Сугробов провёл их в комнату, заваленную книгами, но с двумя диванами и креслами по бокам. Он не знал, с чего начать, пробормотав, однако, что на даче у него запасов никаких нет, кроме водки. Трое их согласно кивнули, а Антон добавил, что приехали спонтанно, забыв про еду.

– Сейчас поздно. Завтра всё купим, – успокоенно заявил Сугробов. И сел в кресло.

Разлили водку.

– Я вам для начала прочту рассказ. Он вплетён в мою книгу об инквизиции. Это моя художественная вариация того, что там произошло...

И Сугробов стал читать.

Сюжет вначале отличался ясностью: обвинялась очередная порция девчонок в прискорбных половых сношениях с дьяволом. Избежать сожжения при столь тяжких отклонениях от нормы было невозможно. Но дальше сюжет вывернулся в почти невыносимую ситуацию: одной юркой и любившей свою плоть девушке удалось изловчиться и обмануть инквизиторов. Её подвели к костру, а потом освободили. Всё было аномально в этой истории.

Когда Сугробов кончил, то случайно взглянул в лицо Велиманова и ужаснулся. Никакой адекватности как не бывало, точно сдуло. Лицо его выражало какой-то загробный восторг и власть. Сугробов сразу понял, что осталь-

ные двое, Лобов и Масаев, полностью, как во сне, подчиняются ему, Велиманову.

Тот хлопнул в ладоши и сказал:

– Мои ученики в трансе от этого рассказа.

И действительно, эти походили в этот момент на впавших в транс.

– А вы? – спросил Сугробов.

– Миша, – бесцеремонно сказал Велиманов, – обо мне никогда нельзя сказать что-то определённое. Я выше всяких определений.

– Ого! – только и выпалил Сугробов.

– Именно «ого!» Я ведь знаю, Михаил, что вы входите в окружение Меркулова. О нём ходят такие странные слухи... Но я знаю, он – великий человек... Я всё знаю, – и Велиманов безнадёжно махнул рукой, словно самому себе.

Антоша успел опять шепнуть Сугробову:

– Он известный художник. Но живопись, в моём понимании, не любит. Одного своего приятеля, который сказал Сева, что он гениальный художник, тот ударил своей картиной по голове... И добавил: «Мне иное нужно!»

Сугробов ахнул. Антон заверещал:

– Чуть ли судебное дело не началось...

Между тем Сева выпил последнюю водку и объявил:

– Знакомство состоялось. Я выпил за здоровье Меркулова. Потому приглашаю вас, Миша, ко мне в мастерскую...

И он назвал дату и часы.

– А теперь, – Велиманов встал, и тут же встали те двое, ученики. Лобов – весело, Масаев – чуть-чуть беспокойно, – а теперь по бабам! – указал Велиманов. – Пока не

настало время, когда их опять будут сжигать. Чем чёрт не шутит! Вперёд!

И Лобов, и Масаев радостно восприняли призыв. Велиманов любовно оглядел их.

– Так скоро! Покидаете? – развёл руками Сугробов.

Антон побежал к машине, а Велиманов на прощанье поцеловал Сугробова в лоб, как будто он был труп. Таковы уж были его манеры. Он всех целовал в лобик, даже любовниц.

– Жалко, столько баб сожгли, да ещё за такую мелочь. Тоже мне, преступление – переспать с князем мира сего, – бормотнул он, влезая в машину. – Будем-ка сейчас их жалеть.

...Таковы были люди, к которым и поехал Сугробов, расставшись с Денисом. Миша любил, когда в человеке гнездилась загадка.

Мастерская Велиманова была непомерно огромной, да ещё в центре Москвы. Но внутри впечатляла хаотичность и грязь. Картины сгрудились в углу. Кстати, его живопись ценилась и на Западе. Но сам Велиманов Запад не жаловал.

– Скука там смертная, вот и всё, – говаривал он. – Словно там из души людей что-то вынули.

На полу и полугрязном диване расположились Лобов, Масаев и три девушки, смиренные и хорошие.

– Это Миша Сугробов, поэт, бард и теперь уже писатель. Миш, курить будешь?

– Нет, нет, мне не нужно зелие, чтобы залетать, куда надо.

– Одобряю. Чувствуется дыхание Меркулова.

Картины Велиманова, с точки зрения простого глаза, были совершенно дикие. Но богохульством не пахли. Оно, последнее, было в мире почти везде, но не на его картинах. Пахло же чем-то, что нельзя было выразить через живопись.

Масаев только вздыхал, приютившись около девушки. Велиманов вынул из угла довольно большую картину и поставил её на стол у стены.

– Ну как? Всмотритесь.

Сугробов поглядел, поглядел, но ничего не сказал.

– То-то, – ответил Велиманов. – Картина хорошая, но всё это ерунда. Я дорого продам её, а все деньги отдам в детские дома.

Вопреки всему Сугробов восхитился.

– Нечего восхищаться. Нормально, – ответил Велиманов. – Вы, Миша, друг Меркулова, и вам я скажу...

– Только мне?

Сугробов посмотрел на Велиманова и внутренне вздрогнул. В глазах последнего гнездилась тоска, тяжёлая, мрачная, но какая-то уверенная, постоянная, спокойная и утверждающая.

– Они знают, – Велиманов посмотрел на остальных. – Они в теме. Юрий и Лёня – мои ученики в этом. Не в живописи, а в этом. Они по своей сути – такие, я им ничего не навязываю.

Велиманов подошёл к низенькому столику около диванчика, и Сугробов присоединился к нему. Они присели.

– А девушки, – добавил Сева, – вот они, Верочка, Таня и Олечка, для них эта тема трудная, но они – наши верные подруги. Кстати, талантливые рисовальщицы...

Наконец, все почему-то притихли на своих местах. Велиманов отшвырнул в сторону попавшуюся ему под

руку собственную больших размеров фотографию и начал:

– Я люблю этот мир. Я им доволен, несмотря на его мерзости... Но меня давно мучает одна странная мысль: в этом мире не хватает одного очень важного штриха, точнее, он скрыт от нас. Но этот штрих откроет нам истинный смысл этого чёрного мира и то, почему мы, люди, здесь. Этот штрих таинственен, ибо он отменяет все прежние домыслы о смысле нашего пребывания здесь...

Сугробов озадачился слегка.

– Такое открытие относится только к нашему миру или ко всему, видимому и невидимому?

– Не знаю. Пока к нашему. В меня это вошло, тихо, незаметно, мучительно; что-то глобальное и самое важное скрыто от нас...

– Чтоб мы не сошли с ума, – вырвалось у Масаева.

Одна из девиц, Олечка, взвизгнула, две остальные молчали, слегка выпучив глаза.

– Но тень, представление какое-то о том, что это, чего касается, смерти, ада, вырождения, мнимого счастья, – проговорил Сугробов. – Интуитивно...

– Нет, нет и нет... Из мрака что-то просвечивает, и только... Но знаю, это серьёзно, так, что ум застынет, это страшно, так что дыбом встанет всё наше существо, и это хорошо, а почему «хорошо», невозможно описать... Все наши знания об этом мире, естественные и метафизические, всё полетит в пасть к чёрту... Великий сон ведёт к великому и страшному пробуждению.

Олечка хлебнула водки. Лобов расхохотался, но настолько неестественно, что Верочка, сидящая рядом с ним, отшатнулась.

Дальше всё пошло, как по маслу, как по Волге-матушке реке. Выпили немного, но искренно. И за «штрих», за открытие его разуму человеческому (будь он неладен) тоже выпили по рюмочке горькой. Сугробов спел что-то своё, мастерское, укалывающее в сердце, а Велиманов умолил его о встрече с Сашей Меркуловым.

Глава 3

Из дневника Риты Голубевой:

«Я до сих пор живу у брата. Сейчас Дениса нет дома, он даже не приходил ночевать, по-моему. Утро, я только что встала. Моя комнатка маленькая, но уютная. Но почему уютная, не знаю. Просто так кажется.

Я лежала в постели, рано проснувшись. И овладело мной какое-то бесконечное блаженство. Каждая кровиночка, каждая клеточка в теле, – всё так и пело, несло в себе эту весть. Пальцы ног – и те блаженствовали. Жить! Ну ладно тело, а ведь ещё Сознание, а это уже нечто непостижимое, бессмертное... И всё это – я! Так можно сойти с ума от любви к себе, впасть в бездонный солипсизм, но при этом любить всех, по крайней мере, близких. Ибо в них такая же тайна, как и во мне...

Жизнь – это сказка. Я, конечно, многое поняла из общения с Меркуловым, с Сашей, с Женей Солиным и всей компанией. Денис, а потом Сугробов ввели меня туда. Сначала я почти ничего не понимала из того, что они говорили. Забивалась в угол и слушала с расширенными глазами. Но потом ничего, стала понимать. Соня повлияла очень тайно и сильно. Она такая прекрасная, вся невесть откуда. Она, собственно, мало чего говорила, но и её мол-

чание много значило. Я стала другая. Да, наверное, и была всегда такая, только не знала об этом. Ну, ладно, с собой я разберусь и, надеюсь, не сойду с ума от любви к себе...

На мою голову свалилось другое. Кроме того, что я люблю свою душу, своё бессмертие, я ещё чувствую, что влюбилась в Дениса. Скорее, на грани. Ухаживала за ним, за истерзанным депрессией, из сестринских чувств, и вдруг... Это вспыхнуло, и огонь перешёл грань. Вот-вот запылывает. Но это скандал, подлинный скандал. Конечно, мы не родные брат и сестра, двоюродные, но всё же пахнет кровосмесительством и чем-то запретным. И семейство, матери наши, сестрички, мягко говоря, не будут в восторге от этого. Короли, аристократы могли, на то они и аристократы. А сейчас во всём мире это время хаоса и безумия... Боюсь, что сорвусь, расплачусь и всё ему расскажу. Как ребёнок; он же старше меня...

И жить хочется, и бредить хочется, и спать хочется – и всё хочется. А Денис влечёт меня неукротимо, но стыдно почему-то. Влечёт он меня потому, что сам какой-то загадочный. Он простой, но и загадочный. Хотя я и пишу, какой он простой, объяснить я ничего не могу, дура я, что ли? А ещё учусь на филологическом.

Но мне не до шуток. Узнаю это затягивающее, опьяняющее, где-то патологическое чувство. Он мой по крови, и не мой... Душа у него, по-моему, жуткая. Свалился с луны, а так человек как человек... Ну, я уже начинаю заговариваться... На сегодня хватит... Лишь бы он пить бросил... А то от депрессии – к пьянству. Раньше он никогда не пил. Впрочем, он как-то пьёт, не особо пьянея внутри себя. Глаза так и глядят из глубины души... По-прежнему...»

Денис действительно довольно быстро остановил свой запой. Повлиял Меркулов. После запоя с Сугрбовым он позвонил и поехал на дачу к Меркулову. Там, в присутствии Сони с её охлаждающим и родным молчанием, Денис, поговорив с Сашей, успокоился и взял себя в руки.

Соня вставала, уходила, готовила чай, приходила и бросала несколько слов о том, как надо дорожить каждой минутой бытия... Денис с Сашей сидели на открытой террасе, большая яблоня за окном укрощала душу.

– Спокойней тебе надо, спокойней, – с юморком говорил Саша. – Прими эту весть о себе как благо, как комфорт. Да, был богом, но пал. Но пал в человека. Не в адское же существо. Чувствуй себя комфортно, Денис, пожил богом, теперь поживёшь человеком, ничего страшного. Впереди – вечность. Время есть для раздумия. Из человеческого существования можно выжать такое, – боги будут завидовать...

Денис со всеми аргументами согласился. Кивал головой даже.

– Ты, Дениска, не смотри на Мишу Сугрובה, – увещевал его Саша. – Временное пьянство входит в программу его бытия. Он поэт по душе, у него озарения, а не система. А тебе не нужно... В конце концов, просто углубись сначала в традиционалистскую метафизику, до самого дна... Ого-го! Найдёшь там очень полезное для себя, неизведанное поле, если на самом дне...

...Денис вернулся домой поздно, к ночи. Но Рита не спала. Она обрадовалась, увидев его трезвым.

– А я беспокоилась, что ты пропал, – прошептала она. – Пирожки приготовила для тебя.

Денис внимательно на неё посмотрел.

– А я порылась в твоей библиотеке, однако. Ну и книжечки ты читаешь...

– Ну и что?

– Да так. Мысль пришла: кто ты? Мой брат, или кто?

Денис рассмеялся.

– Не забивай голову глупостями. Я сам не знаю, кто я, в конце концов. Где уж тебе знать...

И вечер закончился в уюте.

На следующее утро Рита не выдержала и дала Денису прочесть свой дневник. Денис был до того ошеломлён, что так и застыл в кресле. Первая мысль была: «Этого ещё мне не хватало на голову... Родственница, называется...»

Но потом вдруг непомерная жалость к сестре, жалость какого-то высшего полёта, не обидная для Риты, охватила его. «Из этого состояния недалеко и до любви», – подумал он. Но что сказать сестре, он некоторое время не решался. Он был один в своей комнате, Рита была в другой. Надо было, наконец, выйти к ней. «Хорошо хоть она двоюродная сестра, а не родная... Иначе был бы кошмар в кошмаре, абсолютный кошмар... Всё же Бог миловал...» – надумал он и вышел к своей Маргарите.

Он уже не мог назвать её Маргушей или Ритулечкой, как раньше. «Обернулось по-иному, да и у меня сердце дрогнуло, не поймёшь, где братская любовь, где иная, – подумал он, – они рядом. Чудеса да и только. Не ожидал. Она такая тихая, всего боялась», – мелькали мысли. Но дневник Риты потряс его, не только из-за признания, но и в целом, её личность выросла в его глазах и предстала в ином свете.

«Ну и ну, – Денис подошёл к окну, прежде чем выйти к ней, – вот она какая. В конце концов, она – кузина мне, и такая любовь не редкость... Но её личность, её возраст... Да и мать её, тётя Галя, ошалееет...» – раздумывал он.

...Наконец, вышел.

Рита сидела на кухне. Денис беспомощно развёл руками.

– И что же нам делать? – только и сказал он.

– Любить, – ответила Рита.

– Но я и так люблю тебя. Ведь ты моя сестра.

– Не только... Нам просто надо быть вместе. А там пусть рассудит Бог.

Он посмотрел на неё пристально. Перед ним была другая Рита, которую он не знал.

Глава 4

Из записей Меркулова:

«Вчера на дачу ко мне приехала Соня. Не захотела ни пить, ни есть, а сразу легла отдыхать на террасе, на диване. Я сидел за столом, просматривал свой перевод.

И вдруг взглянул на неё. Она лежала, вся объятая чем-то действительно неземным, в подлинном смысле этого слова. Словно донеслось до неё дыхание из далёка. А глаза... глаза... Взгляд остановился, и в нём точно замерла её великая русская душа. Она сама, красивая, несказанная, превратилась в русскую душу. И это дыхание издалека – было дыханием русской души, блуждающей где-то там, за гранью...

Она улыбнулась.

– Ты опять читаешь эту книгу? – спросила.

Книга о реализации Абсолюта, на санскрите, выделялась на моём столе, заполненном переводами.

– Я хочу сделать эту, мягко говоря, малодоступную книгу предельно ясной для себя. Как эта терраса, это дерево в саду... – ответил я.

– Но всё равно, остаётся тайна.

– Может быть, в какой-то степени.

– Нет, я не о том, – Соня опять улыбнулась, но взгляд оставался прежним, наполненным мерцанием русской души. – Я вот о чём. Всё, абсолютно всё, самое ясное, самое очевидное, всегда остаётся тайной – и эта терраса, и этот сад, и это дерево (а не только Бог) – всё это тайна. Тайна просто потому, что всё это существует. Само существование есть тайна. Поэтому всё, абсолютно всё – тайна. Как бы ясным что-то ни казалось для ума. Сам ум и его источник – тайна. Мы живём в тайне и умрём в тайне. И, по большому счёту, ничего у нас с разумом не получится. Пригодится, конечно, только и всего.

Я встал и прошёлся по террасе. Впрочем, от Сони этого можно было ожидать! Ужаснуло меня чуть-чуть то, что всё это, очевидно, она чувствует реально, до глубины. И, во-вторых, понимает ли она последствия такого подхода, если касаться, например, бытия Божия? Думаю, что она всё понимает. Её русская душа хочет идти до предела пределов...

Я присел у неё в ногах на диван.

– Сонечка, может, кончим на сегодня эту, так сказать, беседу? – спокойно сказал я. – Ты устала. Тебе надо подремать перед сном. Пожалей себя.

Она посмотрела на меня довольно ласково.

– И ты утомился, я гляжу.

– Всё равно, я немного поработаю, а ты дремли.

...Прошло, кажется, уже четыре дня со дня этой «беседы» с сестрёнкой моей. Это время не спало, однако. За эти четыре дня произошло, увы или не увы, кое-что. Кое-что из этого «кое-что» я всё-таки отмечу.

Я рад за Дениса. Он снова приходил ко мне. Запой давно кончился, и нет стремления возвратиться. Глаза даже светятся эдакой лукавой безуминкой. Дескать, знай наших. Был богом, и сейчас не пропаду.

– Денис, прошлый раз ты говорил о том, что хочешь поехать в Индию. Это серьёзный шаг, если, конечно, знать, к кому ехать. Я знаю того человека, который теперь тебе нужен в твоей ситуации. Этот человек обладает реальными знаниями о ситуации, подобной твоей. Могу дать адрес и сопроводительное письмецо, – примерно такое я ему сказал. Но тут он неожиданно замылся. Помедлил, помедлил и, наконец, выдал из себя:

– Саша, ехать ли мне в Индию – не вопрос. Раз ты даёшь конкретное направление. Но сейчас я неожиданно (он так и сказал – «неожиданно») не могу. Сугубо личная проблема, пока умолчу, прости уж меня.

На этом мы закончили об этом. Но было важно, что он до глубины осознал, что боги могут быть дальше от Бога, чем человек, если последний реализует себя духовно. И приход в мир Христа, изначально Богочеловека, восстановил истину о высших возможностях человечества.

Денис в конце концов заметил, что при своих недавних длительных поездках на Запад (его картинами заинтересовался какой-то шизанутый миллионер, хотя Денис никогда не придавал своей живописи большого значения, это было для него второстепенно, – редкий, но в его ситу-

ации понятный случай) он обратил внимание на бедственное состояние христианства там, даже если оно формально исповедуется. Впрочем, это известно и понятно, почему так. Фактически остаётся только православие, особенно, если оно будет удерживать свои высочайшие возможности – исихазм, обожение, духовное причастие... Мы разошлись мирно.

На другой день прикатил Миша Сугробов и привёл целую компанию новых для меня людей, собственно говоря, трёх. Главный из них, Велиманов, настойчиво хотел познакомиться со мной. Но особого толку из этого общения не получилось. Велиманов не лишён интуиции, но не более, хотя и это даёт основания... Слишком много волновались, кричали, Юра Лобов даже топал ногами... что за привычка... Велиманов с восхищением посматривал на Мишу и твердил, что Сугробов осуществил космогоническую есенинщину, ибо хотя бы в сознании своём лихо бродит по незримым физическим мирам, как Есенин по пивным и кабакам, то есть с надрывом и глобальным подтекстом. Масаев особенно настаивал на надрыве.

Разошлись душевно и мирно. Но меня начинает волновать, что происходит с Викой. Был тревожный звонок от Жени Солина».

Глава 5

Тревога возникла постепенно. Почти крадучись. Сначала Евгений Солин не обратил особого внимания, жена как жена, Вика как Вика. Куда она денется. Малышка Анечка, дочка шести лет, отдыхала от самого факта своего рождения в Подмосковье, в надёжных руках бабушки и де-

душки. Солин с Викой остались одни в их приятной двухкомнатной квартире в центре Москвы, у метро «Тургеневская», где памятник Грибоедову. Комнаты были изолированные, с окнами в тихий московский двор, да и кухня была немалая. В гостиной висела имитация «Чёрного квадрата» Малевича. Старый кот обычно спал под кроватью в спальне – и днём, и ночью.

Началось с того, что Вика с каждым днём становилась всё молчаливей и молчаливей. Процесс пошёл довольно быстро. Истеричность Вики и её яростную болтливость словно сдуло каким-то неведомым ветром. Женя, углублённый метафизик и математик к тому же, сам был устойчиво молчалив, такая перемена в жене насторожила и его.

– Что с тобой, Вика? – попросту и тупо спросил он её за завтраком.

И тут ему пришлось вздрогнуть.

Вика ничего не ответила, но он посмотрел внимательно в её глаза и ужаснулся: это были не её глаза. Не глаза Вики. Как будто от Виктории не осталось ничего. Взгляд был отдалённый, с умиротворённостью некоей тоски, но исходящей не от человека, а от какого-то иного существа... И лицо Вики, отражённое в зеркале, чуть ли не приняло какую-то иную форму, похудело, истончилось, точно в гроб кладу. Но оно стало красивее. Не нашей красотой, правда.

Наконец, Вика равнодушно сказала:

– Ты что, только что заметил?.. Не беспокойся об этом...

– Как «не беспокойся»! Ты заболела!

И Женя, потеряв свою отстранённость, забегал, зазвонил знакомым врачам.

– Мамаше только не звони, – сухо заметила Вика. – Не волнуй дурочку.

Женю покоробили такие слова: раньше Вика всегда с любовью говорила о матери.

Женя, сам ошеломлённый своими знаниями, отлично знал, что Вика часто была как-то внутренне ошеломлена – в основном из-за жизни и из-за мировоззрения в целом. По этой причине у неё возникали периодические вспышки ярости. Сейчас всё сдуло: и ошеломление, и ярость. Вместо этого – подозрительная неземная тишина, уверенность в смерти и отдалённость тоски. И, кроме того, она истончилась.

К удивлению Солина Вика, правда, с полным равнодушием, согласилась пройти по врачам. Она не дёргалась и не возмущалась, когда её возили и таскали по очередям в кабинеты докторов. Оказалось, всё в порядке. И почки, и сосуды, и сердце, и так далее. Но один старый, опытно-пузатый врач с холодным блеском в глазах, посмотрев на Вику, испугался. Он даже вскочил со стула и забежал по кабинету.

– Выйдите, – попросил он Вику.

Та ушла, а врач прямо-таки набросился на Солина:

– Вы – муж, называется! Вам что, наплевать на свою жену? Немедленно вести к психиатру! Немедленно! Или я сам позвоню в соответствующее учреждение!

Солин ошеломился.

– Зачем? – только и спросил.

– Да вы же интеллигентный человек! – вспыхнул доктор. – Неужели вы не видите, что она вас вот-вот зарежет?!

Женя вышел из кабинета, покрасневши от злости, разругавшись, обозвав доктора «тоталитарным ослом».

Вика ждала его за дверью, и он, в гневе, рассказал ей всё. Вика снова не очнулась из своего живого гроба. Не удивилась, не возмутилась.

– Что это за проблема, – только и сказала. – Сходим к психиатру. Ну и что?

И пожала плечами так, как будто речь о посещении вороны в зоопарке.

Психиатр сразу взял быка за рога, оставшись наедине с Викой. Вопросы посыпались, как из помойного ведра.

– Сексом с отцом не занимались?

Если – да, когда, в каком возрасте, при каких обстоятельствах, знала ли мать об этом, как совокуплялись – в постели, на стуле, в клозете, на улице, что отец дарил за это – конфеты, куклы, книги и так далее...

Вика ответила равнодушно, что с папашей никаким сексом никогда не занималась.

– А в мечтах?

– Нет.

– Не врите. Этого не может быть.

– Почему же не может быть? Нет ничего невозможного.

– Расскажите о своих сексуальных детских снах и мечтах подробнее.

Вика, как из гроба, рассказала три сновидения.

– Скучно, скучно, очень скучно! – чуть не закричал врач. – У вас что, фантазию обрезали? Вы ещё скажите, что в грёзах своих с Наполеоном Бонапартом не спали? Или примерно с Вергилием? Вы же были образованная девочка, согласно данным!

– Грёзы были, но не с Наполеоном.

– Неважно. Это нормально.

И опять посыпалось. Вике это надоело. Она вдруг встала и вымолвила:

– Вам самому лечиться надо, товарищ доктор. Наслушались своего ничтожного Фрейда. Плюньте лучше на него. И бесы сойдут сразу.

Когда Вика вышла, врач вызвал Солина и сказал, что его жена совершенно здорова психически. И только тогда, придя домой, Солин понял всю серьёзность положения.

...Через неделю Женя позвонил Меркулову. Он не смог удержаться и по телефону высказал Саше свой ужас: произошла какая-то глубокая личностная подмена, словно в Вику вошла некая иная личность, даже существо. Все связи с прежней Викой обрываются, и на свет выходит иное, тихое, но до странности пугающее существо, закрытый для него человек. Это не болезнь, а ветер оттуда. Меркулов выразил сомнение, но они договорились встретиться.

Действительно, прежняя Вика угасала. Уже не стало даже ледяного, отдалённого разговора о врачах, вообще об окружающем мире. Свою работу, всякую деятельность она прекратила. Но в быту, в так называемой жизни вела себя спокойно, нормально, хотя и в молчании. Не было даже призрака или тени безумия. Одна тишина. Как будто вечная тишина вошла в их дом.

– Что с тобой, Вика? – шептал муж.

– Ничего, – был обычный ответ.

Женя колебался, надо ли вызывать мать, отца Вики, даже малышку-дочь. Но помимо прочего он в полной растерянности почувствовал негативную реакцию Вики.

Словно имена самых близких перестали значить для неё что-либо. Они прозвучали, как пустой звук. Жене стало страшно. Приезжал знакомый батюшка, но ничего не изменилось. Не обращаться же к дьяволу!

Ещё через два дня, поздно вечером, раздался звонок и явился Меркулов, которого Женя вызвал, в конце концов. Солин только что заканчивал рецензирование важной работы по математике. Вика лежала на диване в другой комнате в каком-то естественном оцепенении. Никакой реакции на звонок. Женя позвал Меркулова к себе.

– Мне страшно быть с ней ночью, – проговорил Женя.
– Это явно сверхъестественный страх.

Саша был спокоен, даже нарочито обыден.

– Почему? Я чувствую, что она совершенно не агрессивна.

– Она хуже. Она неведома.

– Кому она неведома? Тебе? Но ты же мастер неведомого.

– Неведомое необъятно. То, что случилось с ней – мне неизвестно.

– Хорошо. Пойдём, посмотрим на неё.

Вика почти не приветствовала Меркулова. Саша увидел только лёгкое движение её руки, сама она не шелохнулась. «Лежит и лежит», – тихо шепнул Солин.

Сели около неё, но в ответ одна тишина. Ни слёз, ни истерики, ни мысли. Вика встала, подошла к окну, как будто хотела выйти за окно. Туда... В бесконечное пространство. Тем не менее, она ответила на два случайных вопроса мужа. «Нет, она присутствует, – подумал Меркулов. – Но в то же время её нет». Однако в её глазах он увидел моментами возникающий странный блеск, показывающий,

что она хочет жить, но не этой жизнью. Слова, воспоминания, стихи, клубок парадоксов, смех, бред, молитвы, всё, всё возможное было пущено в ход, чтобы её вернуть. Но ничего не связывалось, ничего не получалось. И лишь на одну секунду, когда Саша вдруг спросил: «Расскажи о себе», по её губам прошла лёгкая дрожь.

Всё оказалось бесполезным – одно напряжённое отсутствие в её глазах. Наконец, Саша дал знак, и они вышли, оставив Вику одну. Опять оказались вдвоём за уютным до неприличия письменным столом.

– Что делать? Её подменили, вытеснили, – решительно промолвил Солин.

– Женя, нет, нет! – прервал его Меркулов. – Никакой подмены. Ты слишком далёк в своих зазвёздных исканиях от судьбы людей.

– Но я люблю её!

– Одно не противоречит другому. Но личность человеческая бесконечна. По нашим понятиям, конечно. Здесь, я думаю, проявился какой-то далёкий невиданный аспект её личности. Может быть, просто её какая-то будущая, неведомая нам личность, которая осуществится для мира через много её жизней и воплощений, проявилась здесь и сейчас. Ведь время – это иллюзия. То, что будет, уже есть сейчас. Ты сам прекрасно это знаешь. Вот моя тихая и очень ясная гипотеза. Не надо усложнять!

– И что же делать?! Что делать?!

– Права моя гипотеза или не права – сделать тут ничего нельзя. Ибо, во-первых, факт фантастический. Во-вторых, судьба личности не в наших руках. Даже Бог, давший свободу воли человеку, особо не вмешивается.

Солин промолчал, но потом вдруг промолвил:

– Ты знаешь, это, скорее, некое влияние будущей её личности на теперешнюю Вику. Влияние, но не фантастическое воплощение...

– Да я, собственно, это и имел в виду. Но, в принципе, нет ничего невозможного. В неких пределах, конечно. Перед тотальностью реального бледнеет всякая фантастика.

...Поздно вечером Меркулов ушёл...

...На следующее утро Солин мучил себя бесчисленными вопросами: что же это, в конце концов, за трансформация, во что превратилась его Виктория, причина такого превращения должна быть чудовищной, и если это воздействие из мрака времени её собственной будущей души, то тем хуже...

Вика уже бродила по квартире. Женя заметил, что она чуть-чуть, совсем немного, но смягчилась. Она прошла потом в кухню и как-то обыкновенно, как всегда, как будто кухня – это вечность, стала пить чай, словно обычная. Но эта «обычность» оказалась иллюзорной. «Но что-то в конце концов должно произойти», – мелькало в уме. – Вот, вот... Она заговорит». И он следовал за ней по пятам, словно большая собачонка, в надежде уловить... хотя бы отчаянье. Она не обращала на него внимания, но вдруг среди неестественной тишины он услышал, как она прошептала: «Ласки нет... Нет ласки». Женя подумал, что ослышался. Но внезапно, через минуту, он опять услышал: «А нет ласки... Нет». И голос её при этом исходил из самой последней глубины её существа, оттуда, где не может быть даже неосознанной лжи. Этот голос говорил правду.

Женя замер, точно получил удар хлыстом по лицу. Он в ярости подбежал к Вике, схватил её за руки и стал трясти. Вырывались слова:

– Что ты сказала?!.. Ты что, сошла с ума?! Тебе мало моей любви, ласки нашего ребёнка, заботы твоих родителей?!.. Ты всегда, с детства, росла в неге и внимании... Сколько тебе поцелуев в день всех твоих близких надо, чтоб ты не произносила такие слова?!

Но, взглянув в её лицо, Солин остановился, замер. Выражение её лица было по-прежнему далёким, точно его понятные всякому живому существу слова падали в пустоту.

Он отошёл от неё, как от статуи, и тихо спросил:

– Что с тобой?!.. Неужели тебе мало ласки от всех нас?!

И вдруг Вика внятно ответила:

– Это не та ласка... Не та...

В её глазах мелькнула тоска:

– Прости, но не эту ласку я ищу...

Женя опять вскипел, но удержался, не впал в истерику или грубость и, взяв себя в руки, нагнав на себя спокойствие, внутренне уцепился за то, что она не молчит, возникла надежда на контакт... Он будто бы вошёл в её состояние, но всё-таки спросил, понимая, что задаёт глупый вопрос:

– Тебе нужна ласка от кого-то другого, не от нас?

Вопрос был нелеп, ибо Женя ясно видел, что не в этом суть. Вика только недоумённо пожала плечами.

– Тогда от кого тебе нужна ласка?

В ответ непонятное молчание.

Тогда Солин вдруг подошёл к книжному шкафу, выхватил оттуда альбом с фотографиями и попросил её сесть на диван... Он присел рядом.

– Вика, милая, родная, ты так изменилась... Посмотри на эти фотографии. Это мы с тобой в день свадьбы,

какая ты нарядная, красивая... Это платье сохранилось... А вот ты в детстве, с мячиком... Какой чудесный ребёнок... Виктория...

Женя посмотрел на неё. Виктория была безучастна. Он перевернул страницы – снова её и её фотографии. Вот совсем недавняя. И Женя всё время повторял, отчаянно и безнадежно:

– Это ты... Это ты... Это ты...

Вика неожиданно прервала:

– Да, это была я... Узнаю. Ну и что?.. Не считай меня сумасшедшей... Я просто была Викой... Теперь – нет... Ну и что?.. Я другая...

Это уже был монолог. «И вполне разумный», – подумал Женя. А потом ужаснулся.

– Но я вижу, что ты мучаешься... Почему?

– Мне нужна ласка.

– От кого тебе нужна ласка? – повторил он вопрос.

– От Бога.

Женя Солин чуть не подскочил. «Какая пруть, однако», – пробежало в уме. Глянул на неё, и смешок тут же уступил место ужасу. «Здесь что-то серьёзное», – решил он и сухо спросил:

– Что ты имеешь в виду? Объясни.

Вика ответила ясно и чётко, так она никогда не говорила:

– В этом нет ни эротики, ни всего человеческого. Бог, как все знают, невидим, как и наше сознание, он Дух, все-тайный и всемогущий, творец миров. И, понятно, я хочу получить от Него ласку, суть которой объяснить нельзя. Но она сильнее всех ласк всех живых существ, живущих во Вселенной. Она ведёт к абсолютно вечной жизни и та-

кой ласке, воздействие и глубину которой объяснить невозможно... Но я пока не испытала такой ласки... У меня её нет, но я знаю, что она может быть.

Женя почувствовал, что за этими словами стоит что-то страшное, какой-то глубокий, невиданный опыт... Но какой? Восхождение или бездна? Или нечто третье, таинственно-небывалое. И что она хочет от Бога? Он дал ей бытие и свободу этим распорядиться... Чего же ещё? – прошептал Солин. – Любовь?.. Но не отдалённая любовь Творца, а иная, мистическая... Ведь Бог любит Себя бесконечной любовью... Да, да, она хочет, чтобы Бог любил её так, как Он любит Себя... Сумасшедшая... Нет, нет, всё это необъяснимо... Ничего объяснить нельзя...

Всё это пронеслось в его уме почти мгновенно.

А Виктория больше не сказала ни слова.

Молчание.

Глава 6

Миша Сугробов, между тем, по-прежнему вёл свою лихо-безумную жизнь, мечась между чтением эзотерических книг, лёгкой медитацией, пьянством и сочинением стихов, песен, эссе... Благо, с поддержанием жизни проблем не было: сдавал свою собственную, точнее, семейную зимнюю дачу. Сынок его, мальчик девяти лет, доставшийся ему от безвременно ушедшей в мир иной жены Валентины, жил обычно с родителями Сугробова – Еленой Ивановной и Петром Игоревичем, людьми заслуженными и пребывающими в нормальном достатке.

Михаил обожал сына, но относился к нему с осторожностью, ибо Алёша поражал отца своими неожиданными

ными речами и неизменным нахождением в каком-то светлом, безоблачном настроении.

И как раз когда Виктория Солина уходила в свои неземные поиски ласки, Сугрובה ограбили. Жил он в большой однокомнатной квартире на проспекте Вернадского, на состояние своей двери особого внимания не обращал. «Всё-таки не дверь в райские кущи», – говаривал он.

Ограбили солидно, ночью, когда Сугробов ночевал у родителей и у сына, вынесли телевизор и всё, что связано с музыкой. И, конечно, деньги – сорок тысяч рублей. Разворотили все книги, но удивительно – новый, нетронутый ещё французский костюм, подаренный отцом, оставили, а книгу одну спёрли. Книга-то называлась отчаянно.

Сугробов растерялся, но не глубоко. Просто решил поставить новую крепчайшую дверь. И всё. Но родители считали иначе. Нагрянули вдвоём, после того, как ушла спокойная милиция. Уходя, один из милиции сказал Сугробову только одно: «Не надейтесь». На что не надеяться, Миша так и не понял: ему и самому в голову не приходило, что украденное может вернуться.

Мама, Елена Ивановна, настаивала, чтобы квартиру поставить под охрану, но Сугробов отвечал, что охранять нечего, а душу всё равно не возьмёшь, не украдёшь. Родители возмущались, ругались, твердили, что теперь Алёшу не будут отпускать сюда, к отцу родному, пускай сам приезжает. Под конец Елена Ивановна почти разрыдалась, поцеловала сына и стала ходить по обкраденной квартире, причитая:

– Довели страну до того, что отдали народ в руки уголовникам, большим и малым... Да и вообще, всё и везде

плохо в этой жизни... Только ядерной войны не хватало... Несчастливые люди, несчастное человечество...

Последние слова были любимой поговоркой, или изречением, если хотите, Елены Ивановны. Однажды Пётр Игоревич, её муж, всё-таки не выдержал и существенно возразил:

– «Несчастливые люди, несчастное человечество, поганое, гнусное время, сплошная агония»... Ну хорошо... А когда, интересно, это человечество не агонизировало? Назови такое время!

– Правильно, отец, – поддержал его тогда Сугробов. – Всю эту мировую историю кровь так и лилась горячим потоком прямо в пасть бесов... Скажу Денису – пусть нарисует...

...Квартиру решили не ставить на охрану.

– Ты хоть, когда уходишь, не забывай крест невидимый наложить на вход в квартиру, – увещевала Сугрובה мать.

Молниеносно почти поставили новую дверь.

– Фирма хороша, но как бы ключи не скопировали для уголовников, – обеспокоилась Елена Ивановна.

– Мама, не смейся, – ответил Сугробов. – У меня красть нечего. Правда вот, картины забыли, не любители они живописи, не разбираются... Ты лучше у себя поставь на охрану... Хоть и двенадцатый этаж, но ворьё теперь и с крыш лезет... Ворью сейчас всё подвластно, такое время... Когда-то были комиссары, теперь ворьё... Что лучше, что хуже – это на чей вкус...

– Ты, Миша, со своими друзьями уносишься душою в какие-то бездонные небеса, а надо, всё-таки, о конкретной жизни, в конце концов, подумать, сейчас улицы и то

переходить опасно, время совсем непонятное, – заботилась мать.

...Через три дня после установки новой двери Сугробов решил отметить... Что, собственно, отметить, он полу-не знал: то ли ограбление, то ли дверь, то ли и ограбление, и новую дверь вместе. И точно в этот день от грабителя или от одного из грабителей пришло письмо. Оно было аккуратно положено на коврик у дверей. Буквы были печатные, вырезанные из букварей, так что почерка не было. Письмо гласило:

«Дорогой ограбленный! Книгу вашу читаю, но понять не могу. Это об уме ангелов. Но читать буду, интересно, но вникнуть ни в одно слово не получается. А что же вы одни копейки дома держите, всего сорок тысяч рублей? Обижаете.

Грабитель».

Письмо было с восторгом встречено гостями и самим хозяином. На чтении тихо присутствовали Сева Велиманов с двумя своими неизменными учениками, и не более. Остальные желанные были заняты...

После чтения такого письма самое время было петь песни или читать стихи. Гитару принёс Велиманов, а хорошие напитки всегда сами присутствовали. Песни прямо лились из ран души, особенно неистовствовал Лёня Масев, и без того нервный. Но стихи вызвали приток энергии.

– Это не столько поэзия, сколько послания, – предупредил Сугробов. – Послания человека, жизнь которого между двумя мирами, этим и тем, в котором мы все будем.

– Очень приятно, – выразился Лобов.

– Написано это, – продолжал Сугробов, – достаточно тайным человеком, Валентином Провоторовым от имени персонажа, который именно в ситуации между двумя мирами. Сам автор этого персонажа и стихов давно уже в третьем мире, высшем по отношению к этим двум. Поему слушаем.

Стихи, или послания, вызвали реальный ужас.

– Да что же это такое? – высказался Масаев. – «Стон молитвы с чёрным миром слитый», «скоро, ах, скоро на тёплое ложе скинув на время бесовские хари духи тебя для зачатья уложат...» Или ещё, как это запомнилось: «Но явь как наглый и злой подлог/Кривлянье жадных до крови губ/Молю: исчезни, железный бог/Огромный, скользкий на ощупь труп». Это что такое? – повторил Масаев. – Почему он преувеличивает силы зла?

Велиманов возразил:

– Так слышались и другие строчки, Лёня... Как стихи – это не всегда шедевры, отнюдь, но как послания... Такого ещё не было в литературе...

– Всё это не для всех.

– Пока не для всех.

– Уж больно мрачен поэт-покойник, прости Господи, – не сдавался Лёня Масаев. – Пусть послания гениальные, но как это понять: железный бог, похожий на труп...

– Это мир, точнее, явь, которая не даёт нам надежды, – пояснил Сугробов. – Что тут удивительного? Всё точно.

– Господа! Побольше юмора, вспомним ограбление, – вставил Лобов. – Но прочтите, Миша, ещё.

И Миша прочёл.

Стих, в отличие от других, блестящих поэтически, был аляповат чуть-чуть, но послание оказалось настолько нежным и добродушным, что присутствующие разомлели:

По прихоти я одинок,
По похоти всем доволен
И платит мне тёмный бог
Своею свободной волей

Двойник мой виден слегка
Но грозен своим размером
Качает внутри тоска
.....

Разбить бы плоскость стекла
Пожить бы с собой умильно
Но воля восстать смогла,
А ужас изжить бессильна

Я с дрожью полночи жду
Не верю словам монахов
И явственно жизнь в цвету
Похожа на душу Праха

– «Пожить бы с собой умильно»... Как трогательно и уютно! – воскликнул Велиманов. – Я всегда за это! И двойничок к тому же тоскует, зовёт двойничок куда-то, в небывалые миры! Хорошо!

– Душа Праха – плохо, – вмешался Лобов. – Кладбищем веет, а где же юмор? Пусть и нездешний! Я по природе весельчак.

...И последнее стихотворение, прочитанное Сугробовым почти шёпотом, оказалось про какой-то «таинственный синий профиль» и про явление существа, похожего на доисторическую лягушку, огромную и всепоглощающую, которое в конце концов оказалось неким «древним корнем» человеческого рода, от которого современность может бросать только в дрожь.

– Про наш «древний корень» – точное, заботливое послание, – задумчиво сказал Велиманов, опрокинув в себя рюмку-другую водки. – Я эту жуть сам в себе чувствую, когда бунтую... Если этот древний корень проснётся в человеке, – он обезумеет не в нашем даже смысле этого слова... Такое натворит... И это не животное древнее какое-то проснётся, а укоренённое в нас потустороннее, дикое существо... Вот так, господа прозорливцы...

Праздник закончился мирно, душевно и благолепно.

– Мы и на том свете праздновать что-нибудь будем, – слегка пошатываясь, сказал Лобов. А Велиманов, уже в дверях (новых, причём), обернулся и проговорил:

– Миша, учти... Обрати свет взгляда на текст в праздничном письме грабителя: «Буду читать, хотя вникнуть в смысл слов не могу»... Так, кажется... Это же чистейший эзотеризм, Миша, подумай!.. Вот и ворьё теперь пошло!

И Велиманов со своими друзьями скрылся за дверью.

Сугробов вернулся в комнату и позвонил Меркулову.

Глава 7

И они, Денис и Рита, стали жить вместе, и как брат и сестра, и как влюблённые. Пугать родителей Риты пока не стали, да и пугать, собственно, было нечем: браки с

кузиной – не седьмое чудо света. И об «оформлении» они тоже особо не думали, считая, что всё уже «оформлено» на небесах или где-то там ещё потаинственной.

Денис и Рита забыли об окружающем и не знали глубинно, что творится вокруг. Стоял необычно жаркий сентябрь, словно солнце сошло с ума и сбилось с пути. Когда грабили их друга, Михаила Сугробова, в тот день они лежали у берегов Москвы-реки, недалеко от Серебряного Бора, в высокой траве, вдали от всего людского. Одно и то же бездонное небо отражалось в их глазах, когда они, прижавшись друг к другу, смотрели туда, где одна бесконечность, без конца и без края.

– И такая должна быть наша любовь, – шептала Рита.

– Ты думаешь, это возможно? – спросил Денис.

– Ах, ты имеешь в виду, жизнь здесь – временный мираж, а там, куда уйдём, всё будет по-другому?

– Нет, нет, всё, ценное здесь, сохранится там.

Рита вдруг положила свою руку ему на грудь.

– Так в чём же неверие? В вечную и высшую любовь?

– В том, что есть силы выше нас. И они вмешиваются в течение нашей жизни в любых мирах. И нас не спрашивают, хотим мы или нет. Это может быть страшным.

Рита в ответ по-странному робко поцеловала Дениса. Но Денис продолжал.

– Чтобы любовь была вечной, надо обладать бесконечной душой с совершенно иными качествами по сравнению с человеческой душой.

– С обычной человеческой душой, – поправила Рита.

– Мне так хорошо с тобой. Потому и хочется, чтоб это было вечно.

– Вот и разрушим тогда наши, как ты говоришь, обычные человеческие души, чтобы вернуть им вечность богов.

Рита улыбнулась.

– Мы и так боги... Пусть одетые в уязвимую оболочку... Так надо, если так есть... Но ты где-то прав... Как мы стали близки, и в то же время ты для меня остаёшься загадочным... Как это небо вверху... Кто ты? Кто?

И она с нежной, лёгкой тревогой чуть привстала и посмотрела на него.

– Денис – моё имя, – он тоже чуть-чуть привстал и поцеловал её. – Если тебя это слегка волнует, становись для меня такой же загадочной, как и я. Надо иметь что-то необъяснимое, а не только полное слияние, так лучше для любви. Она сама-то необъяснима, по большому счёту...

– Признаю, признаю, – спохватилась Рита. – Чтоб была возможность всё время что-то открывать в другом, поражаться и в то же время быть слиянным душой... Но так хочется, чтоб всё это было бесконечно-вечным... Скажут: детские грёзы... Нет, нет... Я тебя поняла, чтоб любовь была вечной, надо быть богами.

– По крайней, по крайней мере... По существу, даже повыше.

Рита рассмеялась.

– Так что любовь наша – мотив для духовного продвижения в высшую бездну... Посмотри-ка на небо...

– Смотрю... Здорово... Отвечает сердцу... Но давай теперь перестанем думать... Давай просто созерцать себя двоих, объятых любовью...

– Правда, давай не будем. Любить кого-то – значит отличать от других. А то вдруг, совершенствуясь-то, при-

дѣшь к такому всеобщему знаменателю и будешь любить не одну, а всех или...

– Ладно, ладно... Не говори... Ты ещё скажи, не надо забывать Бога, Творца, если любишь кого-то, как известные и печальные персонажи Данте... Ха-ха...

– Именно: ха-ха! – ответил Денис. – Надо ещё понять, что такое Всевышний, Бог с большой буквы, а этим персонажам Данте такое было неизвестно... Потому и влипли, хорошо ещё в Чистилище. Если бы раскрылось им такое знание, не было бы проблем.

– Тогда вообще ничего бы не было в человеческом смысле.

– В обычном человеческом смысле, – поправил Денис.

И они тогда перестали думать. «И тёмный думы рост/
Надеяться и ждать/Нам в Вечность перекинет мост», – только и пробормотала Рита.

И они остались только в любви.

... Часа через два-три, может быть, они очутились, взяв машину, у железной дороги, близ подмосковной станции. Недалеко была дача близкого знакомого Дениса (ещё с детских лет). Туда они и направлялись. Но сначала захотелось просто погулять.

Перед их взорами расстилалась бесконечная, словно уходящая в запредельность равнина. И где-то там, вдалеке, небо сливалось с землёй.

– Вот это Русь, – заговорила Рита. – Как за сердце хватает, а?.. Здесь русская душа сливается с русским простором и там, вдалеке, уходит в небо...

С другой стороны тёмной стеной густел лес, а между полем и лесом, по дну огромного оврага, проносились с зовущим куда-то гулом поезда.

– Какой же подарок самому Господу мы преподнесём своей любовью? Откроем дверцу во что-то небывалое? – рассмеялся Денис. – У Всевышнего всё есть, так зачем Он создал или разрешил создать этот мир, к примеру?

– Чтобы видеть нас, – в ответ рассмеялась Рита.

– Эта бесконечность и есть мы сами, – продолжил Денис.

Они остановились и присели на скамейку, непонятно зачем воздвигнутую здесь, среди поля, в одиночестве. Ни души, ни звука – только лёгкое, почти незаметное движение воздуха. Вдруг откуда-то сбоку на тропинку перед ними вышел пожилой мужичок, одетый просто и кое-как. Мужичок с почти детским добродушием посмотрел на Дениса и Риту.

– Вам помочь? – вдруг выпалил он, слегка разводя руками.

– Зачем? – Денис даже опешил от такого предложения.

– Да нет. Я просто так. Может, вы заблудились или что-нибудь потеряли, – был ответ.

От человека изливалась такая естественная доброта, что и Рита, и Денис были обезоружены.

– Спасибо большое, – улыбнулась Рита. – Нам ничего не надо. Всё в порядке.

– Слава Богу, – ответил этот человек и спокойно пошёл своей дорогой.

– Вот видишь, Денис, – проговорила Рита, – оказывается, всех надо любить, а не только самых любимых и близких. Но это уже другая любовь.

– Конечно. Но любовь.

Денис вдруг слегка помрачнел.

– А знаешь, что такое эта всеобщая любовь ко всем... всем? Просто она, как покров, затмевает священный ужас, глубину и непознаваемость подлинной реальности... Без этой любви жизнь везде, не только на этой планете, превратилась бы в ад... Или все существа этой Вселенной сошли бы с ума.

– О Господи, куда ты повернул... Лучше пойдём.

И они пошли.

Вскоре показались дачи. Стук поездов успокаивал.

– А Россия всё стоит и стоит, живёт вопреки всему, – сказала Рита по пути.

– На этой даче, – заметил Денис, – нас ждёт отдых, весёлое вино, литературно-светские беседы, шутки и благожелательность. Если хочешь, можно там остаться переночевать.

Глава 8

Солин по своей натуре был очень сдержанным, таящим всё внутри человеком. Из всей этой четвёрки эзотерического круга он отличался благосклонностью к молчанию. Ни Меркулов, ни Денис Гранов, ни Миша Сугробов не могли с ним соперничать в этом отношении. Сам его духовный опыт присутствия какого-то неопишуемого, почти неразличимого луча или «света» из некоей запредельной божественной реальности (во всяком случае, он так чувствовал) говорил сам за себя. Но этот «свет», это тончайшее проникновение ничего кардинально не меняло в его сознании, в то время как при «обычном», традиционном духовном опыте всё меняется радикально. Было про-

сто присутствие чего-то неведомого, невероятно далёкого, и, может быть, если б это далёкое ещё как-то воздействовало на сознание, то Женя Солин, наверное, здесь бы вообще не существовал.

Конечно, Солин был знаком и с «обычными», традиционалистскими реалиями, но сдержанно, скорее, теоретически, словно «луч» из неведомого заставлял его ждать. И Меркулов тоже советовал ему особо не торопиться, а авторитет был у Саши мощным и глубоким.

...Солин о состоянии своей жены особо не распространялся, говорил только тем, кто предположительно мог чем-то помочь. Ни Сугробов, ни Денис Гранов толком ничего не знали; Солин посвятил только Меркулова.

Состояние Вики оставалось стабильно мёртвым. Жене казалось, что произошло даже какое-то «оживление», точнее, успокоение, в том смысле, что Вика давала знать, что, собственно, всё благополучно, ничего особенного не происходит, просто в основном она молчит, помалкивает, так сказать. Помолчит, помолчит, а там, глядишь, и разговорится.

Опять заходил Меркулов, на этот раз с Соней. Соня сама-то была не очень говорлива, но в нормальном смысле. Состояние Вики её тронуло, даже понравилось... Между тем Александр по поводу Вики довольно помрачнел.

Возвращаясь с сестрой от Солиных, Саша сказал ей, что, используя своё визионерство, он попытался проникнуть в будущее относительно Вики.

— И что? — спросила Соня. Лил дождь, они шли к стоянке такси.

— Я вообще-то без крайней необходимости не люблю это делать. Но в этом случае всё оказалось заблокирован-

ным. Словно туман покрыл её будущее... Вот так, сестрёнка.

Остановили такси и уехали. Свет огромного города сопровождал их отъезд.

А Солин остался наедине с Викой. Но далее при благополучном безмолвии всё пошло быстрее и быстрее. Улыбаясь, Вика всё дальше отходила от мира сего. Это чувствовалось на весьма тонком уровне. «Она перестала замечать мир, – думал Женя Солин. – Раньше ходила, что-то делала она механически. Сейчас даже нельзя объяснить её отношение к окружающему. Словно мир стал тенью для неё».

И, действительно, именно так можно было понять её связь с миром. «Но глаза, глаза, – в слезах думал Женя, – внешне они как будто стали пустыми. Можно отравиться сумасшедшей пустотой её глаз. Но внутри, в тайных глубинах её глаз, я вижу какой-то внутренний зов, непонятную не жизнь, а желание иного...»

Иногда только лёгкая улыбка проходила по её губам, но кому она предназначалась? Приходил известный врач. Попыхтел-попыхтел и задумался. Потом ушёл.

Часы шли, днём и ночью. Время, врач рода человеческого, шло вперёд и вперёд. Но Вика ничего не замечала. В один серый, неприглядный день Солин, вернувшись из института, увидел, что жена его сидит на диване и, раскрыв альбом, рвёт, уничтожает свои фотографии. Вика – трёхмесячный ребёнок, потом ей один годик, наконец, ей всё больше и больше лет, – всё было уничтожено, разорвано, выброшено в помойное ведро, которое стояло рядом с диваном. Солин растерялся, подошёл что-то сказать, вырвать альбом, но Вика встала и ушла в другую комнату. А

на следующее утро Евгений обнаружил в помойном ведре не только обрывки фотографий, но и какие-то клочки бумаги. Он вошёл в её комнату, ставшую теперь «её» и застал Вику за уничтожением дневников, записей, которые она когда-то вела. В её письменном столе, во всех отделениях, было пусто. На этот раз он не пытался, не пытался что-либо сказать, вырвать... Он хорошо помнил, как в отчаяньи несколько дней назад он привёл сюда её родителей и дочку Анечку. И никакой реакции, а родители, узнав, что по медицинским показаниям дочь здорова, плюнули, рассердились и на Женю, и на свою дочь, добавив, что это у неё «блажь» и её надо просто выпороть. Одна Анечка чуть-чуть что-то заметила, но Вика только слегка улыбнулась в ответ и ушла в безразличие. А Анечка твердила, что «всё будет хорошо». Погостив, родители уехали.

Солин не оставил Анечку дома, боялся травмировать её. Но в память врезались её слова: «всё будет хорошо». «Что это значит? – вдруг мелькнуло в уме. – Что говорит детская интуиция, так сказать? Будет плохо, а в каком же смысле «хорошо»?

И вот сейчас Солин опять подумывал с отчаянья, не привести ли сюда дочку снова? И видел, глядя на Вику, что такое родство бесполезно, не поможет... Наконец, у него возник страх, что его Виктория превратится в иное существо, уже нечеловеческое, а тайное, неизвестное, ибо человек не может так существовать, как его Вика. Но «не надо преуменьшать человеческие возможности», – вспомнил он слова Меркулова. Он со стыдом вспомнил, что с отчаяния нарочно, не со злости, ударил Вику несколько раз, чтоб вызвать потрясение, болевой шок даже, может быть, это даст ей какую-то встряску... Но получилось

ужасно, и только хуже. Эксперты отшатывались один за другим, отпадали, как осенние листья. «Когда-то Вика любила смотреть в небо, но теперь даже небо надоело ей, – думал Женя. – Она его просто не замечает... Да, да, она уже иное существо, может быть, иной человек». И этот иной человек ходит по его квартире, по комнатам, где он живёт. Может быть, она послана ему, чтобы испытать его до конца. Но он отбрасывал всякую мысль о себе, сосредотачиваясь на ней. Да, она бродит (нередко ночью) одна по квартире в поисках неземной ласки. Нет, он не знает, какая ласка и нежность ей нужна. Может быть, такая, которой нет ни на небе, ни на земле, скорее всего такая, которой нет нигде.

Одним ранним утром Солин вдруг проснулся и прислушался. Где она? Бродит или спит? Спала теперь Вика отдельно, в другой комнате на диване, словно ушла от всего. Женя встал посмотреть. Он любил её всю, любил её дыхание.

Вика была мертва. Она лежала, одеяло было чуть откинута, и лицо абсолютно ничего не выражало. Никакого самоубийства, никаких болезней, она просто ушла сама. Она не оставила миру даже покой мёртвых. Ничего...

Глава 9

Викю похоронили по православному обряду на Домодедовском кладбище. Бесконечно серый осенний день. Дождь и бессмысленная суета природы, всё живое мечется, прячется, хлопочет. Потом церковь, поминки, поминки, а главное – успокоить Анечку. Скрывать было невозможно. Солин взял дочку к себе. Анечка рыдала беско-

нечно, и это становилось опасным. Солин решительно прервал. Он посадил дочку рядом с собой, на том же диване, на котором умирала мать. И сказал:

– Аня, запомни, если мама ушла от нас, значит, там ей лучше, чем с нами. Иначе она бы не ушла. Зачем же ты плачешь? Не будь такой эгоисткой, теперь мама принадлежит Богу, а не тебе. А ты должна жить дальше. Слышишь?!

Он проговорил это с такой мощной силой воздействия, что дочка вдруг успокоилась и постепенно стала приходить в себя. Солину казалось, что тень жены бродит по комнатам. Но относился он к этому спокойно и тихо, как сама тень. Не только тень Виктории не покидала его, но и друзья.

– В душе образовалась, всё-таки, чёрная дыра, – сказал он однажды часто посещавшим его Саше и Соне. – Потому что всё, что произошло, абсолютно необъяснимо.

– Как тень? – прямо спросил Саша.

– Это тень её сознания. Потому она невидима физически. Но всё равно, всё, что происходит с ней сейчас – закрыто. Тень есть тень.

– Ты точен, как всегда, – заметил Саша, допивая чай. – Я думаю, что с ней случилось что-то совершенно экстраординарное.

– Поэтому обычное ей не поможет. Да и нужна ли ей помощь? – добавила Соня. – Чтобы ей помочь, надо, чтобы сама Вселенная стала исключительной. Она желала трансцендентной ласки, которая превосходила бы всё возможное, в конце концов, чтобы её бытие охватила бы сама Вечность, абсолютная, нежная и бесконечная.

– Соня, не надо, – прервал её Солин. – Переведём разговор на другие темы.

Уход Вики словно породил незримый вихрь, который пронёсся по душам людей сашиной эзотерической группы (да и состояла она всего из четырёх человек, кроме Меркулова: Сугробов, Денис Гранов и отдалённый от мира смертью Вики Евгений Солин). Но кроме, вокруг них кружились, глотая обрывки знаний, поэты, художники, писатели, публицисты. Некоторые из них весьма известные, другие – тянущаяся к Первопричине молодёжь. Были даже бродячие искатели тайной ущербности этого мира – типа Севы Велиманова. Это выглядело диким контрастом по сравнению с наступающей на Россию цивилизацией голого чистогана. Но на самом деле никакого контраста не существовало. Под оболочкой «голого чистогана» жила, мучилась и радовалась она, Рассея, неуничтожимая и вечная. Надеялись, что всё кончено, но не получилось: она жива.

– Комиссаров и то пережили и этих переживём, – зевая, говаривала бабушка Сугрובה. – С нас как с гуся вода: во что верили, в то и будем верить, как хотим.

Да и предприниматели некоторые были особенные, со странностями, «с глубинкой». «Надоел мне этот презренный металл и суета, до того надоел, что к медведям в лес охота уехать, – говорил один из них. – Но что делать, деньги в меня сыпятся сами по себе, как помои из контейнера. Глупо не устоять, приходится брать».

Народ же, напротив, жил своей третьей жизнью. Да, были ужасы, криминал, раздуваемый по телевизору, но Сугробов только пожимал плечами: в его отнюдь не процветающем квартале около метро «Проспект Вернадского» жили нормальные люди, не воры и не сумасшедшие на сексуальной почве. Волею обстоятельств он был зна-

ком с окружающей жизнью. Всё-таки он был поэт, его песни умеренно распространялись, хотя «шли в народ» наиболее несложные сочинения. Возможно, и грабитель его квартиры слышал его песни и любил их, не зная, кого он грабит.

Сугробову Мише было странно жить во всех этих трёх мирах, таких разных. С одной стороны – медитация, ретрит, погружение. И он отлично знал, что тот мир, куда уходят после смерти, настолько иной по сравнению с этим, физическим, что лучше о последнем забыть навсегда, чтобы понять тот. С другой стороны – проявления духа в мир, поэзия, литература, искусство, любовь и дружба среди близких по душе людей. С третьей стороны – окружающий мир, где дьявол и Бог соседствуют рядом на одной скамеечке.

Во всех этих трёх мирах он жил и любил их, но разной любовью. Истеричные и целенаправленные повизгиванья с экранов о том, что народ потерял свою душу, опустился, погряз... Но он видел другое, как люди помогают друг другу, как соседка его, Лидия, разъезжает с благословения православного священника по бедным сельским районам, раздаёт одежду, продукты, лишь бы чем-нибудь помочь. С некоторым удивлением он обнаружил, что его соседка, пожилая простая женщина, живущая этажом ниже, бывшая ярая комсомолка, потом коммунистка, запоем читает... Александра Блока, и он её любимый поэт, и чувствует, понимает его самые мистические, «закрытые» стихи... «Мы непредсказуемы, – повторял в таких случаях Сугробов. – И потому нас не раздавить». Он бросал внимательные взгляды в глаза людей и видел в них не только усталость, измученность, закрытость, но и глубинные

огоньки чего-то вземного и загадочного, что другие и не могли видеть. В душе лежало больше, чем в разуме.

Внушала беспокойство дикая молодёжь, та часть, лишённая всего, но и она может, думал он, внезапно измениться, как бывшие комсомольцы и атеисты советского разлива превратились вдруг в искренне и традиционно верующих. Нам надо любить друг друга вопреки всему, всяческому разделению. «А впрочем, – просчитывал про себя Сугробов, – везде всё решает меньшинство. Один великий святой может решить судьбу всего народа. Или наоборот: молитва православного глубоко верующего народа за всех нас может многое изменить. Не может пропасть богоизбранный наш народ. То, что пережил русский народ за этот проклятый 20 век, сломало бы целые расы. Кажется, силы на исходе, но ненависть дьявола преследует нас. Но мы не сломлены. Мы ждём. «Восстань из мёртвых и иди вперёд» – потому мы и победили немецкий, европейский фашизм». Такие мысли преобладали в сознании Сугробова, когда он думал о судьбе России.

Тем не менее, нельзя было не признать, что явно какая-то прослойка российского народа (включая интеллигенцию) морально свихнулась, впрочем, разнообразно и по-своему. Одна душераздирающая история развернулась на глазах Сугробова прямо вслед уходу из жизни Виктории, уходу, которому нет определения.

Этажом ниже квартиры Сугробова жила семья Любашиных, семья, с которой с дальних лет дружили родители Сугробова (кстати, родители его жили недалеко, на улице Раменки). Семья Любашиных состояла из Виктора Семёновича, мужчины лет под 50, его супруги, Ларисы Петровны, их сына Валерия, энергичного молодого чело-

века 25 лет, любимым занятием которого было действовать. А как действовать, в каком направлении – это для него было дело второстепенное, лишь бы делать что-то. И была ещё дочка, Леночка, 12 лет, существо болезненное. Её лечили, лечили, но катастрофа разразилась, когда ей попало фальшивое лекарство, подделка, причём вредная. Девочка всерьёз заболела. Пока мать, Лариса Петровна, металась по врачам, Валерий, сын её, обескураженный состоянием сестры, которую любил даже во сне и выхаживал Леночку в раннем детстве, слегка запил. Волею судеб на этой стезе повстречался он со своим приятелем, можно сказать, другом, с Шумовым Лёвушкой. Лёвушка был старше его лет на восемь, но это не мешало, тем более, Шумов был вхож в семью Любашиных, и Лариса Петровна его отличала, порой даже умилялась им. Сугробов видел, что Шумов у Любашиных, но не одобрял, хотя и молча.

Встретившись, приятели решили отправиться в ресторан, что у метро «Проспект Вернадского».

– Я угощаю, – заявил Шумов.

– Ты разбогател? – удивился Валерий.

Шумов скромно потупил глазки (был он толстенький, но в меру), но заметил:

– А ты какой-то грустный. Мы давно не виделись, что-то случилось?

Валерий промолчал. Шумов заказал на широкую ногу: тут тебе и чистейшая благородная водка, французское вино, различные блюда, включая десерт и салат. Всё это обилие с трудом одолели за два часа. А потом Шумов вдруг заплакал. Не то чтобы зарыдал, но как-то всплакнул. Валерий не ожидал.

– Ты что, Лёва, с ума сошёл? – только и спросил. Шумов обиделся.

– Я что, похож на сумасшедшего? Нет, Валера, смотри глубже.

– А что?

– А что? – передразнил Шумов. – На душе неспокойно.

– Это почему?

– Потому что гублю людей. Людей жалко.

Шумов был явно расстроен.

– Брось. В чём же фишка?

– Фишка в том, что я работаю на подпольной фабрике по производству фальшивых лекарств. Большие деньги, Валер, получаю. Хочу уйти, но не могу себе в деньгах отказать.

Валерий замер.

– Ты не шутишь?

– Какие шутки... Ты только молчи, я тебе как другу...

В сознании Валерия всё помутилось, одна только несчастная сестрёнка виделась ему в тумане. И только Шумов произнёс эти любезные слова: «как другу», Валерий схватил со стола пустопорожний графин и со всей силы ударил им Шумова по голове. Кровь хлынула багровым ручьём, Шумов медленно пополз вниз. В ответ с соседних столиков – женский визг, крик, милиция, «скорая помощь». Валерий и не пытался сбежать. Во-первых, отяжелел, во-вторых, почувствовал, что стоит за правду. Жизнь сестры была в опасности, смерть витала и там, и здесь. Лёвушку увозили в бессознательном состоянии, как всё равно мёртвого. Валерия доставили в милицию, потом звонки, исте-

рика у Любашиных, и Валерия в конце концов отпустили с подпиской о невыезде. «Дело ясное, ждите повестки в суд», – заявили ему в органах охраны порядка. И вот тут-то Лариса Петровна бросилась искать помощи у Сугробовых. Помочь, собственно, мог только Миша. Ситуация была банальная: лечение Леночки, даже излечение – вопрос больших денег, которых у семьи не было. Миша к этому моменту был в состоянии глубокой отключённости, медитации и последующего погружения во внутреннюю реальность чистого сознания и проявлений высшего Я. «Вот это, то, что во мне, и то, что и есть я сам – вечно и никогда не уничтожится, – думал он. – Я это вижу, и это вытекает из самой природы внутреннего духа». Внешний же мир при этом терял для него всякое значение, «тем более, он уйдёт, а то, что внутри, останется», – заключал где-то в тени сознания Сугробов.

Но когда в дверь позвонила Лариса Петровна и вошла вся в слезах, пришлось возвратиться. «Сыну грозит тюрьма, дочь погибает», – были её первые слова. И этот больной, израненный, подвластный времени мир вернулся в сознание Сугробова. Впрочем, он быстро сориентировался. Сострадание, жалость и любовь, наконец, мгновенно сделали своё дело.

Сугробов пригласил, по крайней мере, с одним человеком, у которого были связи на телевидении. «Такие деньги на лечение можно собрать только на телевидении; конечно, и другими вариантами не будем брезговать», – решил он.

– А как этот человек... Шумов, что ли? – спросил он у Ларисы Петровны.

– Маленько приходит в себя. Его тоже жалко.

– Слава Богу, Лариса Петровна. Я всё устрою насчёт вашей Леночки...

И с радости Лариса Петровна, закупив гостинцы, помчалась в больницу к пресловутому Лёвушке, искренне жалея его. Кроме того, она надеялась, что он напишет заявление, что, мол, я не в претензии на Валерия Любашина. Примчалась и обомлела: врач с раздражением сообщил ей, что Лев Шумов умер.

– За что ж его так? – воскликнула в крайнем удивлении Лариса Петровна.

– Этот вопрос не ко мне, а к Господу Богу, – сухо ответил врач. Он сам был на грани жизни и смерти и потому так разговаривал.

Лариса Петровна тут же ужаснулась, а как же теперь Валера? Что ему грозит? Расплакалась и спросила:

– А он не оставил какой-либо записки, заявления?

– Оставил. Написал: «Заявление. Прошу не трогать и не об...» Дальше этого «об» ничего не было написано.

– Так это же он хотел написать: «не обвинять Валерия Любашина»! – взвизгнула Лариса Петровна. – Это же совершенно очевидно!

– Ничего очевидного нет. Может, он имел в виду: «прошу не трогать и не обнимать». А что не трогать и не обнимать – тоже не очевидно. Потом вы понимаете, что такой, с позволения сказать, документ не имеет никакой юридической силы...

– Он не успел дописать! Какой ужас! Не дописал, и прибрали!

– А нас не спрашивают, когда приберут, – ответил врач.

И зарёванная Лариса Петровна вернулась к домочадцам.

Но дело приняло серьёзный оборот. Поскольку теперь речь шла об убийстве, Валерия задержали и дело передали в суд. «Всё погребло. Сын в тюрьме, дочь при смерти», – только об этом и думала Лариса Петровна. Но Миша действовал быстро и эффективно: добился через своё знакомство, что на телевидении объявят о ситуации с Леночкой и помощи.

Между тем цепочка развернулась в далёкую сторону. Валерий, когда его сразу привезли в отделение из ресторана, был естественно пьян и проговорился, даже раскричался, что он ударил Шумова из-за того, что он связан с подпольной фабрикой лекарств. Тут же у Шумова, когда он был вне сознания и в больнице, сделали обыск и нашли записную книжку с некоторыми намёками. Задержали тех двоих, о которых был намёк, и стали подбираться к самим творцам изделия. Слух дошёл до Любашиных, и они уже боялись, что Валерию пришлют сообщество с Шумовым, а удар по голове, мол, – обычные разборки. Одним словом, у страха глаза велики, даже слишком.

И тут появился Синицын, тихий такой человек, румяный и ласковый.

– Вы, батя и мамаша, побольше денег просите, – сказал он. – Заодно. Как бы на лечение дочки, а на самом деле, чтоб ещё вытаскивать сынка из тюрьмы. Советую. Ему много могут дать, не думайте, что раз он был в гневе, то с него как с гуся вода. Посадят, конечно, и тогда надо будет на лапу дать – кому, я доложу как на ладони. И мне, конечно, процент... Увидите, через год выйдет как миленький, поздоровевший даже.

– Так это ж коррупция, – испугалась Лариса Петровна.

Синицын расхохотался, чуть со стула не упал. Маленький, ему вредно.

– Матушка, это не коррупция, а милость, – ответил он, придя в себя. – Подумайте, сыну хорошо, – раз. Кому на лапу дадите, тоже ему хорошо, – два. Пусть даже у него лапа широкая, зато у него наверняка детки. Значит, и деткам будет хорошо. Три. Наконец, государству – неплохо. Лишний рот не надо будет в лагере подкармливать – четыре! А вы – «коррупция». Людей любить надо, мамаша!

– Извиняюсь. Я не подумала.

– То-то. Главное сейчас выпросить побольше денег. Я вам укажу, на что упирать. А миллионеры не обеднеют, зато, может быть, у них совесть проснётся. Тоже благое дело... Я-то, вообще, государственник... Ну а Шумова, конечно, ведь из могилы не вытащишь, даже не пытайтесь. Тут даже никакая коррупция не поможет...

Родители поплыли по течению.

...Сугробов в раздумии посетил своего сыночка, Алёшу, который пребывал на данное время у родителей. Погостив у девятилетнего Алёши, налюбовавшись его пронзительно-ясными, не совсем от мира сего глазами, наслушавшись ворчания мамы о том, что Алёша обладает какими-то особыми способностями, Сугробов поехал к Денису.

– Ну как, господа влюблённые? – приветствовал он их, входя в квартиру. – Отгородились своей любовью от этого мира? Сладко ли за такой крепостной стеной?

– Отгородишься тут, – буркнул Денис. – Ну а как там за стеной?

– В России всё тот же хаос. Но ничего, пробьёмся. Вот если даже хаос рухнет, тогда будет трудно...

– И что будет, если родимый хаос рухнет? – рассмеялась весёлая Рита и поставила на стол бутылочку коньяка.

– Не рухнет, – поправил Сугробов. – Потому что тогда останется один вселенский сумасшедший дом. А мы этого не допустим. Потому что мы, русские, можем управлять своей священной безуминкой и не допускать её ненужного разрастания...

Денис с Ритой расположились на диване, Сугробова усадили в кресло, сбоку от овального стола.

– Как родители-то, прости Господи, одобрили союз? – спросил он.

– Никаких проблем. Наоборот! И с той, и с другой стороны ответ один: живите, как знаете, время такое, только Бога не забывайте...

Денис пожал плечами и продолжил:

– Тоже мне, напоминание. Как будто Бога можно забыть, будто кошку какую-нибудь бродячую.

– И её не забудешь, – вставила Рита.

– Я потому и ответил своей мамочке знаменитым стихом, произнесённым, однако, с иронией:

И пусть над нашим
Смертным ложем
Взовьётся с криком вороньё
Те, кто достойней, Боже, Боже
Да узрят царствие Твоё.

– А у вас, кажется, мамы – родные сёстры? – поинтересовался Сугробов.

– Именно. И это к лучшему.

Сугробов принял это слегка иронически и заключил:

– Вы только, ребята, не покончите вместе самоубийством от радости. Как некоторые так называемые роман-

тики, фон Клейст, кажется. Дескать, наша любовь настолько возвышенна, что этот грязный мир недостоин её. Надо переселиться куда-нибудь получше.

– Ну уж нет, – рассмеялась Рита. – Мы таким путём не пойдём. Здесь Россия, а не Швейцария.

– Вот, вот, – подхватил Сугробов. – Наоборот, в экстремальной любви есть что-то фантастическое, а такому месту как раз в России.

– Ладно, ладно, – прервал Денис. – Хватит об этом, Миша... Если же говорить о жизни на этой планете вообще, то куда обязательно надо рваться преждевременно, зачем спешить? Человек, какой он есть в этом цикле, очень интересен: он так плавно сочетает в себе всё самое омерзительное и всё самое прекрасное, что диву даёшься. У богов, например, такой мерзости не найдёшь, рад бы, да не найдёшь, – проговорился Денис невзначай.

Сугробов бросил внимательный взгляд на Дениса.

– Не говори так, дружище, – вставил он. – Надо просто присмотреться получше. Иной демиург, к примеру, такое натворит, всю планету какую-нибудь, данную ему в управление, так изгадит, что хоть святых выноси... А потом завоет, что, мол, ошибся... Знаем мы эти ошибки, из чего они растут...

– Так их, Миша, так их, – обрадовалась Рита. – Нам всем в человеках быть хорошо!

И беседа приняла совсем милый оборот. Коньяк способствовал благодушию и вере в человека. Денис даже подумал мельком: «Я теперь значительно очеловечился, чёрт возьми... Это Рита, родная, помогла... Я начинаю забывать о своём происхождении... Ну что ж, побудем человеком. Значит, так надо».

Глава 10

Между тем жизнь не оставляла Сугрובה в покое. Раздался катастрофический звонок по мобильному. Звонила мать Сугрובה, Елена Ивановна.

– Пропал Алёша! – истерически закричала она, так, что Сугробов сначала не понял, что случилось.

Час назад Елена Ивановна гуляла с сыночком Сугрובה и своим внуком, следовательно, Алёшенькой около своего дома, не отходя далеко. День выдался воскресный, погожий, и Алёша поигрывал с детьми. Мамаша Сугрובה разговорилась с другой мамашей, соседкой. И разговорилась до того, что забыла даже о собственном существовании. Сплетни лились из уст соседки огненной рекой. Елена Ивановна, хоть и забыла о самой себе, всё-таки прерывалась: а где Алёшенька?

– Да тут он, тут, – обрывала её соседка. – Вот, с моим играет.

Когда, наконец, разговор сфинишировал, Елена Ивановна оглянулась, мол, как Алёша. А Алёши и след простыл, можно сказать, ничего от него не осталось.

– Он же с вашим играл?! – вскинулась Елена Ивановна. – А ваш тут!

– Боже мой, может быть, я спутала? – вскрикнула соседка. Она оказалась подслеповатой и, действительно, спутала: «её» играл с другой персоной, мальчиком, не похожим даже на Алёшу.

– Я всё время путаю, – озадачилась соседка. – Один раз своего с бревном спутала, думала, он упал, но оказа-

лось – небольшое бревно. Смотришь порой издалека. Я с пространством не очень разбираюсь.

Но Елена Ивановна её уже не слушала. Во всю прыть побежала, бедная, искать. Туда-сюда, вокруг дома, собачки лают, кругом жизнь, а Алёши маленького, девятилетнего, нет как нет. Точно ветер его унёс за кудыкины горы. Всё, что можно обежала, чуть не обнюхала, – ничего нет. И люди ничего не знают, только руками разводят. Бросилась домой, всполошила мужа, Петра Игоревича, уставшего человека. Позвонила в милицию, там ответили: «Вы смеётесь, мальчик только-только исчез, ищите сами активней, мы впоследствии включаемся, если сами не нашли... В нашем районе ещё ни один ребёнок не пропал...»

Тогда Елена Ивановна и позвонила сыну. Потом решила, что сдуру, не надо сына волновать, мол, сама найду. Но было поздно... Все трое Сугробовых бросились искать, расспрашивать. Все Раменки обегали. Мальчик словно с земли упал. «Молиться надо», – сказала Елена Ивановна...

...Алёша сидел на стуле в довольно тёмной комнате, которая изнутри напоминала хаос. Около него за полусломанным столом сидел грузный мужчина лет 40, потёртый, но явно не бомж. Олохмаченные волосы, небрит, правильное лицо и череп, но от взгляда его – глаз не отвести... И бледные, бледные, как смерть, губы. «Не кровопийца, значит», – подумал бы любой прохожий, увидев его в тёмную ночь.

Оба они, – и Алёша, и мужчина, – молчали. Алёша избит не был, сидел тихо.

– Вина хочешь? – спросил мужчина.

Алёша отрицал.

– Верно, – подтвердил этот мужик. – Ты и без вина светлый... Как тебя звать?

– Алёша.

– Ну так вот, Алёша... Смотри мне прямо в глаза, взгляд у тебя какой-то особенный... У меня от него на душе легче...

Алёша будто застыл.

– Ну что ты как вкопанный?! Будешь смотреть мне в глаза или нет?! – крикнул мужик и стукнул кулаком по столу.

– Ты что? Маленький, а уже спятил... Тебе ж я приказываю.

– Дяденька, у вас в глазах тоски много... Может, вы кого-нибудь убили?

Мужчина даже рот разинул.

– Молодец, молодец, Алёшенька... Так и жми. Чтоб я в тебе не разочаровался... Какой хороший мальчик, – несколько зловеще, но с добреньким бредком проговорил мужик.

– Дяденька, а вы и вправду убили. Только не другого, а себя...

Мужчина вдруг встал, подошёл к Алёше и опустился перед ним на колени.

– Ты прав, мальчик, ты прав... Как ты догадался?

– Но вы ещё не кончили себя убивать совсем...

Мужчина, стоя на коленях перед дитём, истошно так, до нутра, расхохотался. И в таком виде хохотал минуты две... Алёша был тих и мертвенно-уютен. Мужик встал с колен, отряхнулся прямо на Алёшу и опять сел за свой стол.

– Хорошо, Алёша, очень хорошо. А теперь скажи мне, почему я себя убиваю. Только не ошибись, ведь у тебя глаза ясные. Убить не убью, но когда я разочаруюсь, я страшен бываю... Котёнка и того не пожалею... Говори! – вдруг заорал мужчина и взмахнул кулаками, замотал головой. Головой он мотал так, как будто голова его стала центром вселенной, и он хотел сбросить эту тяжесть.

Алёша затаился, даже вздрогнул, но глаза остались всё те же непонятно-ясные.

– Я вижу, но слов не знаю, как сказать.

– Ах, ты видишь, а слов у тебя нет, – мужчина внезапно сбросил с себя всякую агрессию. Остался простой крик... – Тогда я тебе скажу, почему!!! Не себя я убиваю, потому что меня нет! На пустоту свою я бросаюсь!

Алёшка вдруг прервал эту истерику.

– Но я вижу, душа у вас есть! Душа-то есть! – по-детски выкрикнул он.

– Души мало! Свет мне нужен! Свет! Чтоб вокруг всё добром и любовью сияло, прямо било ключом это отовсюду!!! Но этого нет, но я ищу, ищу... Люди разные... Может быть, детки засияют светом небесным, и на тёмной душе моей смягчение будет...

Алёша замер.

– Ты, Алёша, не пугайся!.. Я тебя не трону, не задушу от отчаянья...

– Я это знаю, дяденька, – спокойно ответил Алёша.

– В таких, как ты – надёжа моя... Ха-ха-ха! Я сразу тебя признал, когда ты играл во дворике... Ты маленький, а душа у тебя огромная, ты её ещё не знаешь как следоват...

– Что мне делать?

– Смотри на меня. И чтоб я тебя видел. Успокой душу мою, она тёмная, как пропасть.

Алёша искренне, всей душой стал смотреть. Так и сидели они в полном молчании полчаса примерно. В глазах Алёши не было страха, но одна ножка его всё-таки подрагивала. Наконец, мужчина тяжело встал.

– Пойдём, – сказал он.

– Куда?

– Не на плаху, а домой. Домой пойдёшь. Это же рядом.

Действительно, рядом. Ни Сугробов, ни его родители не обратили внимания на маленький домик с огороженной территорией. Это был закрытый пока детский сад, его собирались ремонтировать. Двери в домик были закрыты, но, видимо, открыть входную дверь для этого мужчины не представляло труда. Никому и в голову не пришло, что Алёша мог оказаться там, внутри этой заброшенности. Мужчина быстро выпроводил Алёшу из садика, чмокнул его в лоб и велел слушаться родителей. А сам исчез так же быстро и внезапно, как и появился здесь...

Когда Алёша внушительно вышел навстречу отцу и бабушке (дедушка отлёживался в квартире), радости не было конца. Алёша сказал, что ушёл в сторону и заблудился между бесчисленными домами вокруг. Он терпеть не мог говорить неправду, но боялся напугать бабушку. А отцу решил рассказать, но чуть попозже, дня через два, когда всё успокоится. И, конечно, он был наказан, ограничен в территории для гулянья.

Мужчина между тем, поговорив по душам с Алёшей, ехал в метро. Фамилия его была Матюхин, но это ни о чём не говорит. Сидел он в центре вагона, куртку распахнул,

лицо в покое, но глаза пристально, но чуть незаметно осматривают окружающих. Лица людей поражали жутким и радостным разнообразием чувств, потаённых мыслей и образов, таящихся внутри, но отражённых вовне.

Матюхин смотрел и наслаждался, но наслаждался мрачно, ибо видел не свет, а пропасть, вихрь разрушения и созидания, надрыв и дикое мужество... И так до бесконечности. Всё это было и в его душе. Но ведь они соотечественники, потому и близость. Свет был, но человеческий, на лицах девушек, может быть, в их красоте.

Матюхин угрюмо думал о том, что не сможет пережить гибель этих людей, если что случится. Иногда кто-то бросал ему ответный взгляд. В то же время люди выглядели напряжёнными, уставшими, но держались...

Матюхин вышел из метро в районе Филёвского парка. Походка у него была какая-то тайная, словно он искал кого-то, но не мог до поры, до времени добраться до него. Кошки любили его за это.

Туман не скрывал, однако, бесконечные ряды домов. Матюхин остановился около детского сада, в котором дети оставались на пятидневку. Он стоял у заборчика и несколько тупо и странно, задумчиво смотрел в пустоту, словно ожидая, не появится ли кто. Но детей во дворике уже не было, только свет в одном из окошек домика мог манить. Но ему нужен был не такой свет. Неопределённый туман сгущался, кто-то выбежал из домика и тут же вернулся. Матюхин был точно неподвижен. Душа замерла в нём. Наконец, он сдвинулся с места. И пошёл, будто не зная, куда. Но на самом деле его дом, огромный, многоэтажный, виднелся рядом, и он скоро очутился около своего подъезда.

Около лифтов было на редкость грязно, и кто-то спросил вышедшего из лифта человека:

– Почему у вас в подъезде такая грязь и мусор?

Тот вздохнул и ответил:

– Идеи нет. Потому так и живём.

Матюхин поднялся на шестой этаж, осторожно и предусмотрительно открыл первую дверь в квартиру, потом вторую, и вошёл. Зажёг свет в коридоре, тусклый, но не могильный. И прошёл.

Квартира явно была холостяцкая. Две довольно большие комнаты поражали своей заброшенностью, но не бедностью. В беспорядке в комнатах находились Бог знает где – на диване, в креслах, на полу – картины, антиквариат, иконы. Впрочем, иконы были в порядке. Кот спал на одной картине, брошенной на пол.

Матюхин, сбросив куртку, пошёл к шкафу и вынул бутылку водки. Выпил полстакана, не закусывая. Закуску отдал коту и лёг спать.

Глава 11

Из записей Меркулова:

«Один мой «закрытый», можно сказать, «тайный» друг, занимавшийся серьёзной практикой, рассказал мне о внезапно возникшем в нём необычном состоянии сознания. В конце концов, при любой духовной практике могут возникнуть неожиданные параллельные явления, тем более, истинное сознание человека необъятно. Так вот, у него возникло следующее: внезапно он реально почувствовал, что весь мир, всё, что он видит перед собой, и это беспредельное, казалось, небо, и звёзды, и земной пейзаж, всё

это, что образует наш мир, фактически находится внутри его сознания, так же, скажем, как сновидение всегда внутри, а не вовне. Это поразило и даже ужаснуло его. Согласитесь, что носить весь мир внутри себя, как некое беспрецедентное сновидение или что-то подобное сновидению – непривычно, мягко говоря, для того, казалось, ничтожного существа, как человек с его мочой, болезнями, кашлями и смертью. Но, значит, есть в этом червячке-человечке нечто, намного превосходящее его самого, да заодно и всю вселенночку, так сказать.

Я посоветовал своему другу почаще стимулировать такое вполне нормальное состояние. Действительно, в солипсизме определённно есть истина, правда, не вся. Но вся она нигде не бывает...

Возможно, этот принцип солипсизма заложен в самом Боге, и мир плавает в Нём, как кит в океане, а поскольку человек – образ и подобие Божие, то остальное понятно... Надо сказать, что наслаждение, получаемое от осознания и реализации бесконечности своего духа и души может быть настолько несравнимым и мощным, что тогда и мир, и жизнь в нём теряют всякий смысл. Всё становится просто тенью... Так что подождём до поры, до времени, нас ещё ждут страдания, а этим не манкируют. А наслаждение, даже самое высшее, может закрыть движение всё дальше и дальше... А дальше – вот она, окончательная Истина, нет, оказывается, есть ещё потаённая дверь и так далее, и так далее. Увы, наше поле знания неизбежно ограничено, оно может расширяться, и только... Поэтому понять вполне, что «происходит», какова «жизнь» в Абсолюте – невозможно; всё, что лежит в поле нашего знания, там отменяется и становится бес-

смысленным. Не всё, конечно... В общем, парадокс на парадоксе.

К чему я всё это пишу? К кому обращаюсь? Что мне бы лично хотелось – это жить вне Закона и даже вне Знания (может быть, этого Знания). Вся вселенночка, все эти миры устроены так или иначе согласно некоему определённом, пусть и высшему Закону, «Истине», правилам, что ли. Иначе они не могли бы существовать. А мне бы жить вне этого всего, высшего ли, божественного, inferнального, всё равно, пренебречь, в общем, всем, что существует, и быть запредельным таким, свободным, не подчинённым даже своим собственным законам и реалиям, «существом», «сущностью», не знаю даже, как назвать себя самого. Стремиться к такой беспредельности – что ж, очевидно, у меня русская душа. Но прежде чем подвести к весьма важному перелому, сказать здесь надо немного о Бездне, о «последней доктрине».

И всё же остаётся глубоко личный вопрос: в каком направлении направить свою волю? Кажется, ясно – к достижению реализации Абсолюта (употребим это слово для выражения Того, что выразить нельзя). Но в Абсолюте меняется всё: прощай душа, прощай человеческое, Я осталось как Дух в чреве Беспредельного, и сам я становлюсь таковым, как он. Так учит великая Веданта, так учил Шанкара. И мой опыт близок к тому, чтобы подтвердить это, но... Что происходит «там» в реальности, неисповедимо. Всё лучшее, что есть в «творении», исчезает или трансформируется в нём. Исчезает Воля, ибо всё совершается мгновенно, силою беспредельного могущества (в том числе и «творение»), исчезает тот Интеллект, который действует в мире, возникает другой Интеллект, который неопишем, я уже не говорю об исчезновении такого пус-

тяка, как время, пространство и так далее. Недаром бунт Люцифера – и в этом, чисто тварном страхе перед исчезновением в этой бездне абсолютного, неуничтожимого... Бунт эго против высшего Я. Но одно ясно и неопровержимо – это высшее Я, Атман, достижимо и здесь, в мирах, и это высшее Я сохраняется и в Абсолюте, ибо без него нет Личности, нет абсолютного субъекта... А потому... Я согласен – это высшая цель, и она достижима. Но есть ещё что-то... Что?.. Наше поле Знания бьётся в тисках, расширяется, но, может быть, в какой-то момент оно исчезает вообще, ибо то, что лежит дальше – вне всякого Знания, веры и вообще наших представлений, даже самых эзотерических... Что это?.. Бездна вне Абсолюта, как говорит «последняя доктрина»? Бездна, которая «за» Абсолютом и... «связана» с Ним или нет?.. А возможно, не бездна, а что-то ещё, какой-то непостижимый уровень, как бы почти отменяющий все наши познания и представления?

...Хорошо. Наконец, я думаю, что у меня изначально русская душа. Тогда всё объяснимо. И беспричинная «тоска» как двигатель в бесконечное, метафизическая неутолённость, страсть к безднам, антиномичность, бунт и смирение, отвращение к завершённости и к якобы «конечной истине», которая сама бесконечна и может отринуть самую себя, подполье и так далее, и так далее. Список качеств русской души может продолжить не только Достоевский... Это и мои качества, к счастью... Поэтому понятно, почему я воплотился в России, пусть и не в самый лучший период её бытия. Тем лучше. Где ж ещё быть русской душе... А вот почему именно в этой России, а не в какой иной космологической России (о которых говорит доктрина «Россия Вечная») – это уже другой вопрос. Всё

равно, я её люблю и готов принять и прийти в неё в ещё более худший период, чем тот, который я попал, лишь бы быть в России, пусть несчастной, униженной, почти покорённой (но не сдающейся) злобой, идиотизмом и ненавистью мира сего.

Пусть так не будет, но я бы пришёл. И заглянул бы в глаза этим людям, в которых ещё сохранился отблеск её святых, духа её гениев и, главное, таинственный свет и тень русского бытия...

Вокруг меня всё время крутятся эти вопросы, не только в нашем эзотерическом круге, но везде: что будет с Россией, куда идёт этот мир, и кончится ли это добром, хотя бы на наш век, а там потомки разберутся... На мой взгляд, ответ прост. Если Россия не изменит своему Духу, своему предназначению, она не погибнет, хотя время диких, сметающих катаклизмов рано или поздно неизбежно в этом мире. Любые человеческие ухищрения и забота о безопасности бессильны, если они противоречат замыслу Господнему. Если Россия сохранит свою сущность, она никогда не станет придатком какой-либо бессмысленной цивилизации, вроде современной цивилизации голого чистогана. Тем более, всё это сугубо временно – цивилизации возникают и исчезают.

Иначе, если откажется от самой себя, русская история и жизнь будет продолжаться в других измерениях и мирах... В конце концов, если Шива, в состоянии глубочайшей медитации и сосредоточения, вселил часть своего духа в Индию и сделал её великой Индией духа, то может найтись и божественный покровитель русских миров... Хотя, возможно, по отношению к нашей земной России всезащитающий дракон (или Слово) уже возник, ибо доктрина есть... Впрочем, будет видно».

Эпилог

Э то произошло ранним, необычно хмурым, каким-то безнадежным утром, когда, казалось, сама природа потаённо протестовала против дел человеческих.

В такое утро Денис совершенно спонтанно, словно что-то его подтолкнуло изнутри на этот шаг, открыл любимой женщине тайну своего происхождения. В первые мгновения Рита ошеломлённо не поверила, но, тут же, взглянув на него, увидела, что он сказал правду, по крайней мере, в том отношении, что верит в то, в чём ей признался.

Но когда Денис развернул перед ней картину своих, пусть фрагментарных, воспоминаний об этом, рассказал об утверждении Меркулова в этом плане и о различных косвенных моментах – Рита поверила, внутри души своей сказала себе: «Да, он был тот...»

Это открытие и смутило её, почему-то ожесточило и дико обрадовало в то же время. Она соскочила с постели и беспокойно забегала по комнате.

Денис решил охладить её пыл и заявил, что, согласно традиционалистским знаниям, в этом нет ничего парадоксального, во всяком случае, в древности, когда связь с высшими мирами была на уровне, это происходило не так уж и редко. Некоторые боги заканчивали своё блистательное существование именно так.

– Но тогда, а сейчас?! – вспыхнула его любимая Риточка. – Я знала, Денис, что ты исключительная личность!

Чёрт возьми, я бесконечно горжусь тобой! И я это чувствовала, да, да! Теперь я вспоминаю, какие-то намёки, неопределённые тогда ощущения, сны, наконец... Моя душа в своей глубине, может быть, и знала об этом, но рассудок гасил все импульсы...

– Ладно, ладно, Ритонька. Отнесись к этому спокойно, как к данности. Это было, но это прошло.

– Но это запечатлено; время – иллюзия.

– Но мы живём здесь, богиня времени Кали не простит тебе таких смелых высказываний, – улыбнулся Денис. – Её ожерелье увешано черепами, в том числе и богов. Здесь время всесильно. И сейчас я – человек. Будем исходить из этого.

– Конечно, мой родной, – Рита бросилась в постель ему на шею. – Но скажу прямо, мне сейчас приятно.

Денис расхохотался.

– Но я сейчас и немного боюсь тебя, – призналась Рита. – В меня входит плоть бога...

Денис успокоил её.

– Я человек теперь, человек...

...Последующие дни проходили под знаком этого откровения. Рита сразу же обнаружила в библиотеке Дениса ряд книг, древних трактатов (в хорошем переводе, однако), посвящённых богам и их связи с людьми. Была, впрочем, одна случайная книжонка, современная, конечно, в которой автор с настойчивой зомбированностью интеллектуала нашей эпохи утверждал, что, дескать, боги – это прилетевшие к нам инопланетяне. Рита выбросила этот бред. Но другие книги были на уровне. Рита восхищалась.

– А что ты скажешь? – спрашивала она у Дениса.

– Думаю, в основном всё верно. Но пойми, что очень много метафор, аналогий, символики... В действительности, наши представления с трудом могут выразить то, что там происходит. Надо объяснять, менять структуру человеческого мышления – а это возможно только при устном посвящении, как было в традиционных обществах.

Но Рита пыталась залезть своим умом в самые непроходимые детали, о которых и сам Денис не мог «помнить» или «знать», будучи на данный период человеком. И человеческое в конце концов стало побеждать.

Денис напомнил Рите о славе Богочеловека, пришедшего в мир, чтобы принести себя в жертву, о богочеловечестве, о том, что и в духовной Традиции всегда считалось, что человек имеет необычные и странные преимущества на уровне духовной реализации, на уровне единства с Богом – первоисточником и миров, и богов, и людей...

– Но боги тоже способны к такой высшей, последней реализации?! – возразила любимая Дениса.

– Конечно, – отвечал тот. – Но им гораздо труднее, они слишком самодостаточны. Знаешь, счастье может быть ещё большим врагом, чем страдания...

– Но только не наше счастье! – вспыхнула Рита.

– Конечно, – рассмеялся Денис, всё время пытаясь потушить огонь, разбушевавшийся в душе Риты. – Мы же не забываем о Первоисточнике всего благого...

Рита унималась, но ненадолго. Нет, нет, а она спрашивала:

– Если тебе предстоит вернуться в лоно богов, возьми и меня, пожалуйста... – лепетала она порой.

Наконец, всё завершилось визитом к Меркулову. Он с радостью приветствовал признание Дениса и предложил

отметить такое событие хорошим вином. И Рита, и Денис охотно согласились. Первый тост был за любовь, за Дениса и Риту, а второй – за богов.

– Надо им помочь, Денисонька, надо им помочь, — проговорил Меркулов, отпив вина. – А то знаешь, что-то невыразимо главное, таинственное они не заметили и заблудились. Последнее озарение, может быть, надо ждать от нас, здесь...

И после такого посещения и Рита, и Денис как-то немного успокоились. Их потянуло «сюда», в деревню, в родную Россию, подальше от идиотизма городской жизни, как довольно нахально выразилась Рита.

И они оказались там, на время, в тишине и благе, и из окон деревенского дома на окраине заброшенного, но в то же время благодатного в своей заброшенности и тайне городка, они видели бесконечный простор, расстилающийся за городком, простор, готовый подарить им свою бесконечность. «Опять Россия», – прошептала Рита.

Между тем злосчастный Матюхин не утихал в своём стремлении найти светносное начало в нарождающихся в России младенцах и детях. На этой почве его тоже тянуло в провинцию, подальше от Москвы, но не в пропащую провинцию, а в ту, где зрели всходы. Единственное, что его удерживало в Москве, это Алёша. Этот мальчик, «младенец», по существу, дитя, где-то поставил его в тупик. В том смысле, что Матюхин как-то неожиданно и глупо для самого себя не мог его, «младенца», дитя, понять.

«Не могу его понять, и всё тут, – думал Матюхин. – Вот других мальчишек, девочек, из Рязани той же, могу

понять, вижу их свет, а этого познать не могу... И почему так – тоже не могу познать. Тупик, и причём бесконечный», – чуть-чуть злился на самого себя Матюхин.

Он не раз приходил (или подъезжал, если угодно) к тому месту, к тому дому, где жил пресловутый Алёша. Видел, как он гулял с какой-то тётёй, потом с женщиной, но близко подходить не решался, даже тогда, когда Алёша отходил в сторону. Матюхин хотел только заглянуть ему в глаза, но заглянуть субстанционально, так глубоко, насколько это возможно человеку, чтобы там, на последнем дне души мальчика, разгадать, кто он. Но случай не подворачивался, да и сам Матюхин опасался не столько сопровождающих Алёшу, сколько последствий такого взгляда.

Так и бродил он, неприкаянный, где-то вокруг дитя. А Алёша между тем так и не решался раскрыть свою встречу с «дядей» хотя бы отцу. Всё откладывал и откладывал.

И, наконец, Матюхин решился. Но перед решением он опять заглянул на заветную улицу в Раменках, чтобы взглянуть, всё-таки, как-нибудь особенно на Алёшу. Но Алёша не появлялся. Заехавший к Сугробову Юрий Лобов, из компании Велиманова, удивился явлению Матюхина.

– Мужик, ты что стоишь, как остолбенелый, и смотришь вдаль? – спросил он у Матюхина.

Вместо ответа Матюхин произнёс:

– Проклятый мир! Поманил бытием, и потом сразу в гроб!

Лобов, весельчак по натуре, хохотнул:

– Ну и ну! Какой народ пошёл!

И скрылся...

Матюхин ждал, ждал, и, тяжело вздохнув, убрался домой. Решение же его было – уехать из Москвы в Рязань, где проживала семья с детьми шести и восьми лет, братом и сестрой. Эти дети интересовали его не меньше, чем Алёша, но как-то успокоенно и с надеждой.

«Вокруг них что-то витает, – думал Матюхин, вернувшись к себе. – Деньги у меня припасены, куплю или сниму квартирку рядом с ними... Под каким-то благостным предлогом познакомлюсь с отцом и матерью, подружусь, помогу им материально... Стану другом семьи. Главное – детей видеть и их души, рождающие будущее. Больно детки хороши. Сейчас 9-й год, дай им Бог весь 21 век осветить своим присутствием... Умные какие-то не по летам, а ум у них не детский и не взрослый, а какой-то другой... И сами светятся какой-то русской сказкой про иной мир... Успокоение мне будет, успокоение... Душа устала видеть всё, что происходит вокруг... С их светом и нежностью я ещё проживу... И необычные они какие-то... Замена идёт, замена...»

И Матюхин стал собирать вещи, готовиться... «Алёшу больше не увижу», – подумал он, отбирая антиквариат. «На рязанских изогнутых улицах умереть, знать, судил мне Бог», – пропел он про себя...

Юрий Лобов, посетивший в этот день Сугрובה, пожаловался ему на депрессию, но не собственную, а его друга, Масаева Леонида.

– Триумвират наш почти распался, – сообщил он Сугробову. – Велиманов ушёл в сумасшедший загул, а мы с Лёней – совместимы, но на крайностях. Я вижу – тому и веселюсь, а он в депрессии... Переживает, что всё пропа-

ло... А на самом деле ничего не пропало... Всё на месте, только во тьме... Но за Россию, всё-таки, жутко.

Сугробов, который на днях временно переселился в квартиру родителей, чтоб быть поближе к Алёше, с раздражением, но всё же вошёл в тему и предложил Лобову встретиться в ближайшее время, созвонившись, на своей уединённой и ограбленной квартире у метро «Проспект Вернадского». Сугробов предполагал вернуться туда в скором времени, но ненадолго, и организовать две-три встречи с несколькими людьми...

... Тем временем жизнь Любашиных, соседей Сугробовых, с нечеловеческим упорством обрастала тяжёлыми кошмарами. Валерия, в гневе убившего Лёву Шумова, торговавшего фальшивыми лекарствами, арестовали, предъявив ему обвинение в нанесении телесных повреждений, несовместимых с жизнью. Более того, поскольку начали копать, где там и кто производит отраву, стали и Валерия подозревать в причастности. Притом и Лариса Петровна, и её муж, Виктор Семёнович, со слезами на глазах твердили, что сын их впал в ярость из-за погибающей младшей сестрёнки, которая получала отраву вместо лекарств, а Шумов, ничего не подозревая, признался по пьяни в своей преступной и античеловеческой деятельности. Так объяснялись родители Валерия, привезли к следователю даже его сестрёнку, а их дочь, Леночку. Та, слабая, ничего не понимая, упала в обморок, когда увидела следователя... Следователь объяснял, что дело серьёзное, к фальшивым лекарствам прибавилась травля наркотиками. И что скоро до всех их доберутся...

Но соседи Любашиных по этому огромному дому в Раменках только шептались, кричали, возмущались и гово-

рили, что страна попала в руки уголовников и кровососов, она разорена, задавлена, и искать правды невозможно... Всё это усугублялось ухудшением здоровья Леночки. Мать чувствовала, что малышка как-то смирилась с тем, что умирает, и более того, Ларисе Петровне стало казаться, что девочке нравится умирать.

Это совсем погасило её рассудок, она выбегала на улицу и там просила помощи у незнакомых людей, чуть не хватаясь за них, умоляя о спасении девочки. Кто-то шараялся от неё, чуть не убегая, кто-то останавливался и вдруг начинал плакать вместе с матерью, Ларисой Петровной. Какой-то, видимо, сумасшедший маленький мальчик предложил свою помощь... Отец же просто замолк... Горе шло и шло по Русской земле... А Леночка с интересом умирала...

Если кто-то из соседей мог «утешить» Ларису Петровну, то только тем, что горе и страдания не обходили и других, и иногда эти страдания принимали совершенно диковинную, фантастическую форму. Но поражало терпение людей, да и помощь неожиданно приходила, особенно от церкви, от православных, сердечных людей...

...Шумова похоронили нормально. «Хоть и мошенник, но человек», – вздыхала одна его сердобольная соседка.

Единственно, кто реально в конце концов помог Любашиным, – это сам Сугробов и его окружение, в первую очередь, Игорь Строгов, тот самый, который «пробивал» окно в телевидение, дабы спасти Леночку и найти деньги на её лечение. И ему это удалось. Внезапно к Любашиным приехали телевизионные журналисты, и вскоре просьба о помощи появилась на экране. Сначала, первая

реакция, – ледяное, словно загробное молчание, но вскоре – прорвалось! Деньги нашлись, хотя право на жизнь должен иметь каждый, независимо от взноса...

...Ликованию не было конца!.. Сугробов тут же пришёл к Леночке и убедил её, что жить так же интересно, как и умереть. «Но умереть ты всегда успеешь, Лена, – внушил он. – А теперь тебе надо жить, жить и жить, во что бы то ни стало!»

И с трудом, но убедил в этом Леночку. Она улыбнулась...

Приходил к Любашиным и тот тихий человечек, Синицын, который советовал им припасти денег для освобождения Валерия из лагеря после того, как его засудят. И на этот раз он шептал то же самое, упирая на то, что для него, при наличии солидной суммы, обтяпать такое дельце – пустяки. Но предупредил, что никому – ни-ни, иначе может рухнуть. Родители оказались в тупике: то ли он очередной мошенник, то ли нет... Но лечение Леночки было делом срочным и неотложным...

...Но главное, Леночка была спасена, а насчёт Валерия, в конце концов, надо бороться, смотреть, как обернётся дело. Ведь он пока ещё не осуждён. Так решили родители, друзья, родственники...

Сугробов отвлекся от этих забот и заехал к Меркулову. Там он обнаружил Солина и Соню, Дениса с Ритой, приютившихся в кресле, и Римму, всё чаще возникающую у Меркулова. Вечер оказался на редкость спокойным и отключённым, как будто в этом мире не существовало никаких бед или просто этот мир на некоторое время исчез. Тем не менее, речь в основном шла о доктрине «Россия Вечная», о Вечной России, иными словами. Но всё же за

всем этим погружением в Россию духа Сугробов скоро почувствовал трепет, тревогу за близкую, современную, существующую в этом мире Россию, за её судьбу. Это то, чего нельзя было оторвать от сердца, если только вместе с сердцем...

Но дух России Вечной с её богоизбранностью, с её глубинными тайнами, её проекциями во вселенскую реальность словно стелился над измученным земным миром и его катастрофами Россией и говорил ей: ты не одна.

...Эта тревога из-за современной тяжёлой ситуации была мучительна, и Сугробов первый заговорил о ней. Это вызвало бурю.

– Можно уйти от этого мира и уйти в правильном направлении, – сказал Саша. – Но Россия – это тайна, и русская душа – тайнопись, и мы не даром, не просто так здесь. Мы живём этой тайной и должны ответить на такой вызов. Боль России неотделима от нас.

– Но есть соблазн уйти, – заметил Солин.

– От себя нельзя уйти, – возразил Денис, а сам подумал: «Я ушёл от богов, но от России невозможно уйти. Может быть, потому, что в ней – бездна или по другой причине... Или вообще нет никакой причины – а уйти нельзя и не надо...»

– Тогда надо что-то делать, – тут же сказала Рита.

– Кое-что сделано, – ответил Сугробов. – Ритулечка, вы просто не в курсе. Включайтесь...

Действительно, кое-что делалось. Возможности были. Эзотерический круг Меркулова весь был окружён творческими людьми, писателями, художниками, поэтами, публицистами, многие из которых имели прямое отношение к средствам массовой информации. Сам Меркулов вовсе не

чуждался контактов: его книга «Традиционалистская метафизика» поразила воображение читателей. Но главным связующим звеном эзотериков (разумеется, здесь употреблён истинный смысл этого слова) с окружающей социальной средой был Сугробов. Тем более, мишины стихи и песни не меньше поражали воображение. Сугробов и Антон Енютин, муж Сонечки, организовали что-то вроде «мини-издательства», выпускающего в бумажном виде небольшие обращения, брошюры, и, естественно, всё это отражалось в Интернете. Суть текстов состояла в попытках прояснить текущую ситуацию. Это была пока линия «малых» конкретных дел и позиций, но на самом деле это была направленность на создание определённого «равновесия» в обществе с позиции критики любых резких движений. Разумеется, это не означало «проправительственной» линии, но критика выдерживалась в конструктивном духе.

Разъяснялась, например, опасность «революционных» действий снизу, ибо разрушение государства в данной ситуации означало бы распад и разрушение России. Молодым людям, любящим Россию, но настроенным «революционно», разъяснялось, что плодами революций и т.д. воспользуются совсем другие, враждебные России силы, и если молодые люди хотят помочь своей стране, то самое лучшее, что можно сделать сейчас – это завести многодетные семьи, ибо русскому народу грозит самоуничтожение, а если государствообразующий народ останется в явном меньшинстве, то это будет означать распад и конец России, её истории. Любой народ, который оказывается в такой опасности, обычно отвечает и должен отвечать актом самосохранения, резким увеличением своей численности и т.д.

Примеры критики различных конкретных реалий социальной жизни были не менее многочисленны. Например, что касается сферы налогов, вывоза капитала, но особенно – образования в плане систематического принижения роли гуманитарного образования, ибо именно оно (наряду с религией) превращает ребёнка в человека, в то время как точные науки делают только специалиста. Особо подчёркивалась роль классической русской литературы, прежде всего, её духовное и патриотическое содержание, её человековедение. Россия перестанет быть Россией, а станет неким бессмысленным придатком, если её население превратится в роботов.

...Вечер и встреча закончились тем, что Сугробов объявил, что через три дня у него намечается встреча с «нашими сторонниками», на которой будут сделаны дальнейшие шаги...

...Сугробов пригласил к себе, точнее, на дачу родителей, всего 10 человек, наиболее активных и со связями, из окружения «наших сторонников». Эти люди пользовались определённой известностью и связями с прессой, телевидением, – и более того... Наиболее активными и вовлечёнными из них были Игорь Строгов, тот самый, который устроил по просьбе Сугробова объявление по телевидению о болезни Леночки Любашиной, и Илья Терехов, журналист, социолог. Преобладала среди этих десяти человек всё-таки молодёжь, ибо именно она, свободная от советизма и антисоветизма, а заодно и от наследия страшных 90-х годов, достаточно интересовалась независимыми и глубинными идеями.

И через три дня к даче Сугробова (родители его оставались в Москве) подкатили одна за другой четыре машины.

По-деловому расселись, распределились в гостиной за длинным столом. Сугробов с Антоном и Сонечкой для начала обеспечили только крепкий чай и кофе – остальное потом, хотя и посетители привезли кое-что, не скупилась. Присутствие Сони, таинственной сестры самого Меркулова, придало какую-то непонятную, почти мистическую доверительность этой встрече.

После того, как все расселись, оказалось, что Сугробов и Соня со своим Антоном сидели рядом, а гости почти напротив них.

Дискуссия началась спонтанно, как-то естественно, и слово взял Строгов. Он сказал, что ему хорошо известно, насколько доктрина России Вечной захватывает души людей. Эта доктрина, исходя из глубинной сущности России, выводит её за пределы земной истории, делает её частью бездонной космологической реальности, и познание всей России превращается в великое метафизическое учение о ней и русской душе. Эта доктрина, заканчивал Строгов, озаряет души людей, познавших её, каким-то небывалым светом, надеждой. Россия Вечная неразрушима, она недоступна и смертоносным ракетам, и смраду современной мировой цивилизации. Мы благодарим вас, сказал, наконец, обращаясь к Сугробову, Антону и Соне, за то, что ваш духовный центр во главе с Меркуловым распространяет и объясняет это учение. Но есть одно «но», один вопрос, даже два...

– Какое «но»? – спросил Антон.

– Поясню. Это учение о горней России, о горней, но которая в наших душах. Но спустимся немного вниз, в обычный исторический процесс. Какой бы вы хотели видеть нашу земную Россию, которая была бы лучшим вариантом для реализации России духа, этой доктрины...

Сугробов даже обрадовался такому вопросу.

– Игорь, вы попали в точку! – воскликнул он. – У нас разработана идея такой России, и я немедленно изложу её.

– Давно пора! – раздался слегка надменный голос Сергея Яснова, молодого человека, но уже радиоведущего и журналиста.

– Ну, уж не обессудьте, – улыбнулся Сугробов. – Все готовы выслушать, никто не возражает?

Ответили гулом согласия. И Сугробов начал:

– Здесь всё конкретно. Вот какой в идеале мы бы хотели видеть нашу земную, как выразился Игорь, Россию... Мы опускаем здесь все те жуткие проблемы выживания, с которыми столкнулась наша Россия в настоящее время, в первое десятилетие 21 века. Они известны и, предположим, они решены. Россия стала жить нормальной жизнью...

– А на кой чёрт нам нормальная жизнь? – раздался голос в углу. – Что это такое? Сытость, покой... Нам этого мало, даже на уровне обывателя. Даже он заскучает и начнёт крушить. Всё равно, что... Это не для нас, мы не Швейцария.

– Но каков же идеал, национальная идея, в конце концов? – спокойно продолжал Сугробов.

При этих словах все как-то затихли.

– Эта национальная идея, если хотите, – Великая Россия. Но какая же она? Расшифрую. Первое. Россия образует абсолютно самобытную, собственную цивилизацию. Мы не Европа, не Азия, не Восток и не Запад, и не Евразия, и не мост между Западом и Востоком. Мы – Россия, уникальная цивилизация. Как, например, Китай, Индия, исламский мир, Запад...

– Принято! – резко воскликнул Строгов. – Принято! Согласие было очевидным.

– Далее, – продолжал Сугробов, всё более вдохновляясь. – Естественные выводы: безусловный суверенитет. Во всех сферах, в том числе, духовной. Суверенитет, конечно, должен опираться на мощь, экономическую, технологическую, но прежде всего в оборонке...

– Конечно, иначе, съедят. Чудища-то какие вокруг, с ласковыми глазками и с бегемотной пастью, – раздался молодой женский голос. Девушку звали Наташа.

– Да но... – ответил Сугробов. – Мощь не означает агрессию. Великая Россия, в нашем понимании, – сугубо неагрессивная страна... У нас всё есть, зачем нам чужое... При всей самобытности нашей мы можем спокойно сотрудничать с любой страной, с Западом в частности. Самобытность и независимость не означают изоляцию. Но всегда, в любых случаях, нам надо оставаться самими собой...

– Третье! Как насчёт социального устройства? – спросил Илья Терехов.

– Здесь как раз очень просто. Идеал: социально ориентированное общество. Без омерзительного, гнусно-ненормального разрыва между богатыми и бедными. Кое-что можно позаимствовать у Европы. Как угодно это можно назвать – полукапитализм, полусоциализм, контролируемый капитализм... А кто знает, может быть – социализм 21 века, история быстро меняется, но, конечно, без деспотизма, Карла Маркса и прочих прелестей...

– Сойдёт, – буркнул кто-то около Строгова. – Сама жизнь покажет. Лишь бы для людей было хорошо, а как называется, неважно.

– Раз сойдёт, значит, неплохо. Следующее, четвёртое положение. Оно очень важное. Это духовная составляющая. Здесь корень. Никакой народ или страна не будет играть серьёзной роли в истории, если не создаст что-то великое в сфере культуры и духа. Да и долголетие стран зависит в значительной мере от этого. Возьмите Китай, к примеру, с его великой национальной идеей, с конфуцианством и т.д. А теперь, что мы имеем в прошлом в этой сфере? Прежде всего, совершенно очевидно – принятие христианства, причём в такой чистой форме, как православие. Это сделало русский народ, как известно, богоизбранным народом. Не будем подробно вдаваться в историю, но историческая реальность Святой Руси очевидна. Даже в 19 веке безграмотный крестьянин, если он достаточно был погружён в смысл богослужения, знал богословие не хуже, а даже лучше самых образованных людей того времени. Я уже не говорю о нравственном уровне большинства: двери в деревнях не запирались, убийство было редчайшим преступлением... Вплоть до где-то второй половины 19 века. Конечно, были бунты, но где их не было? В целом, народ как богоизбранный, жил подлинно христианской жизнью.

– Да, так было, – сказал кто-то с грустью.

– Второе, что мы имели, – продолжал Сугробов, – это величайшая русская литература, русская культура в целом. Нечего распространяться об этом – русская классическая литература – это признанное миром чудо света, истинное лицо России...

– Да, не было бы всего трёх-четырёх лиц, и ситуация была бы другая, – вмешался Яснов. – Ну, Толстой, Достоевский, Чехов, Гоголь...

– Здравствуйте, – перебили его. – А Пушкин, Блок, Есенин, Тургенев, Булгаков, Платонов, – наугад говорю...

– Всё равно, всё великое делается меньшинством, – возразил опять Яснов. – Но на это и надежда. Большинство сейчас в яме, точнее, в канаве, или по койкам в больницах.

– О том, что «сейчас», поговорим позднее, – прервал Сугробов. – Продолжим о наследии. Исключительно важный момент. Вы все знаете о близости санскрита и русского языка, о том, что основатели Индии духа – арии – жили на Севере России и в Западной Сибири. Но существует древний протосанскрит, на котором говорили древние арии, и вот 70% слов протосанскрита, первичного санскрита, – это русские слова... Я говорю об этом не потому, что хочу возвеличить русскую историю, а потому, что это правда. Правда, как бы её не замалчивали, состоит в том, что часть древних ариев фактически были русскими, руссами. Язык – лучшее доказательство. Кстати, в советское время один индолог слышал в северном районе России, как местные русские мужики говорили на чистом протосанскрите, не подозревая об этом, и это звучало, как обычная русская речь с некоторыми особенностями... Определённо можно сказать, что арии, пришедшие в Индию были, по крайней мере, часть из них, потомками русских ариев. Они основали касту браминов и дали Индии высочайшую мудрость и знания, проявленные в Упанишадах и в Веданте. Между прочим, когда немецкие нацисты своим свиным рылом влезли в сакральную сферу Востока, они осквернили и исказили смысл слова «арии». Учение ариев было пронизано любовью и милосердием ко всему живому.

– Зачем вы об этом говорите, это и так ясно, – высказался Строгов.

– Далеко не всем... Я говорю об этом потому, что, если суммировать всё, что я сказал о нашем наследии, то это станет очевидным. А вот теперь надо сказать о духовном величии нашего народа, о его высочайшем предназначении... Это нужно сейчас, когда ужасающее падение давно охватило весь мир и наш народ в том числе... Но это духовное наследие существует в нашей крови, в наших генах, и ещё больше в нашей душе, пусть даже как некое невидимое мировоззрение, как залог того, что в будущем духовное падение кончится, и, исходя из прошлого, мы создадим великое будущее... Падение было неизбежно, но даже десятилетия атеистического террора, лагерей и смертей не смогли изменить нашу сущность. Не сможет и эта цивилизация мирового голого чистогана...

– Хотелось бы, – мягко заявил Яснов. – Насчёт протосанскрита я не знал... Звучит крайне убедительно. Представляю, как взбесятся русофобы...

– А я бы добавил, – выступил Антон, – что любая высота духа вполне совместима с определённой дозой смирения и, говоря проще, некоей метафизической скромности. К тому же мы всегда, в отличие от колониальных империй, иначе относились к другим народам. А российские коренные народы – просто наши братья... И Россия такая же родина для них, как и для нас...

– Но вы не сказали ничего о характере и сути этой духовной составляющей, – прервал Илья Терехов.

Соня, молчавшая до сих пор, вступила в общий поток:

– Трудно сказать, какой она будет. Думаю, что многое закладывается уже сейчас. Много зависит от ситуации в

мире, от того, какие открытия и изменения произойдут, как скоро придёт новая цивилизация...

– Новая цивилизация?! – раздались голоса. – Это интересно... Конечно, всё проходит, и эта пройдёт, но какая будет новая?!

– Опять особый разговор, – ответила Соня. – Предоставим эту работу Богу, я имею в виду новую цивилизацию...

– Да, – подхватил её мысль Антон. – Но России надо пристально следить за всеми, может быть, молниеносными изменениями, какие будут происходить в этом так называемом мире. И реагировать на них соответственно, а то можно так влипнуть, не дай Бог... Я, лично, жалею руководство страны, я бы не вынес такой ответственности.

– Нашли, кого жалеть, – ядовито ответил кто-то.

– Конечно, духовная составляющая – это тайна будущего, – продолжил Сугробов. – Но скажу одно: в великой России, конечно, изменится многое, характер СМИ будет другим, образование коренным путём изменится. Особенно гуманитарное; вообще то, что касается человека. Учебники, к примеру, в школах, в университетах, по истории, литературе, естествознанию будут другие, конечно... К слову, уже сейчас, по разным данным, скажем, касаясь исследования недавно найденного замёрзшего в Альпах и довольно сохранившегося трупа неандертальца, можно считать, что с бредово-идиотической гипотезой о происхождении человека от обезьяны покончено...

– Да, такого идиотического бреда о человеке и его истории полным-полно в этой цивилизации... Бедные школьники – более ста лет им вбивают в головы бред, по многим направлениям... И с тяжёлым, угрюмым, слоновьим упор-

ством, кстати, – вздохнул Терехов. – Такова эта цивилизация. Какой аспект ни возьмёшь: коммунизм, фашизм и, наконец, эта система голого чистогана... Все они хороши; цветочки, так сказать, прогрессивного двадцатого века.

– Ну, коммунисты были тупее, зато честнее, – вступилась Наташа.

– Вся эта эпоха создала машины, но уничтожила человека, превратив его в придаток, – перебил кто-то. – Чего тут говорить, и так всё ясно... Ух, тяжело...

Тогда вступился Сугробов:

– Всем по полбокала вина, для начала. Раз тяжко, надо передохнуть, даже в гуще дискуссии.

– Я разолью всем, – сказала Соня и, с помощью Сугробова достав из шкафа, что положено, легко и радушно, как сестра милосердия, разлила всем по бокалам. За это время переговаривались, шутили. Терехов выпил всё сразу, молодецки, как водку, остальные отхлёбывали, но тут предложили продолжить разговор, сам по себе действующий, как вино...

– После духовной составляющей остановимся на отношениях между людьми в предполагаемой великой России... Не буду оригинален, царствовать могла бы любовь... Сколько об этом говорилось... Такое легко сказать, но как осуществить? Вот в чём вопрос. Я, откровенно говоря, не совсем уверен... – сказал Сугробов.

– Да почему же трудно?! – вступилась Наташа. – «Возлюби ближнего, как самого себя».

– По душе всё понятно, а вот в действии – не то... – возразили сразу двое из гостей.

– Мы все согласны, что в центре внимания в великой России будет человек, а не зомби, клоны и разные изощ-

рения, – опять продолжил Сугробов. – Давайте подойдем с такого конца: общая культура объединяет... Как я, например, могу обидеть человека, который любит, к примеру, Есенина, кто проникся поэзией Пушкина и так далее, если и я всё это люблю... Это значило бы обидеть родного человека, родственника, в конце концов... Вот один ключ к любви, я думаю...

– Ключей много... А язык... А страдания... Если Россия во мне, то и в другом Россия... А завет Божий, христианский... – посыпалось со всех сторон. – Жестокость в людях надо уничтожить... Должна быть не только любовь, а нежность в отношениях... Будем, как дети, и войдем в Царствие Божие... Нежности не хватает и мудрости...

Сугробов успокоил.

– А ведь было, – сказал он, – в середине 19 века двери в деревнях не запирали... Когда люди встречались, они кланялись друг другу как образу и подобию Божию... Раз было, так почему же опять не может быть?!

– Почему только было?! – воскликнул Строгов. – Во многих семьях, среди друзей, в таких небольших очагах, в провинции особенно, это и сейчас есть, слава Богу.

– Да, конечно, – подхватил Антон. – Любить ближних – это так естественно для человека... Просто надо стереть с себя власть тьмы, всё наносное.

– Всеобщий порыв должен быть к лучшему, не вежливость должна быть, а душевность. Это по-русски! – кто-то добавил из присутствующих. – И не к бессмысленному веселью надо научить людей стремиться, а к душевному раю.

– Ну это уж слишком, – высказался Яснов. – Что ж я, выйду на улицу и с каждым встречным-поперечным буду целоваться? Хороша картинка...

– Ну зачем же карикатурить и опошлять! – вмешалась Наташа, и её поддержали другие.

– Я понимаю так: один за всех и все за одного! – раздался чей-то голос.

– А теперь ещё одна последняя черта: глубокая любовь к России, к стране, – произнесла Соня.

– Это не новость! – воскликнул кто-то.

– Нет, мы имеем в виду не только просто любовь к родине, а также глубинное, проникающее во все уровни души чувство, абсолютную любовь, не зависящую от всего внешнего, социального, например. Любовь по существу метафизическую, любовь, исходящую из нашей тайной доктрины, доктрины Вечной России.

И Соня внезапно остановилась на этом последнем слове. Впрочем, дальше и не нужно было слов. Воцарилась тишина. Никаких вопросов.

...Наконец, Сугробов взял слово.

– Об этом всё... Но хочу обратить внимание, в некоторых моментах учение о России Вечной практически совпадает с положениями великой России... Прежде всего, когда речь идёт об этой мистической любви к России, о которой так великолепно сказала Соня... И это само собой понятно, ведь в великой России, в её идее, заложен некий земной фундамент для реализации доктрины «Россия Вечная». Однако сразу хочу утвердить: Россия Вечная, Россия духа – это метафизическая реальность, и поэтому она не зависит от того, в каком состоянии находится наша земная Россия. Россия Вечная живёт здесь, прежде всего, в наших душах, хотя может воплощаться и конкретизироваться в разных мирах, и в нашем в том числе. Но в целом она зависит от состояния наших душ, а не от

нашего положения в мире. Она уйдёт только тогда, когда мы перестанем быть Россией.

После некоторого такого вдохновенного молчания Терехов неожиданно высказался:

– От такой любви к России мне даже страшно становится, точнее, дух захватывает...

Соня быстро ответила:

– Да в этой любви нет ничего необычного для нас всех. Она не свалилась неизвестно откуда. Она в традиции великой русской культуры, в её кровеносной системе. Читайте внимательней, с полной отдачей нашу классику... В книге «Россия Вечная» приведены стихи, поэзия великих русских поэтов о России, кое-что, по крайней мере. И вам всё станет ясным. Конечно, учение о России Вечной кардинально углубило то о России, что было в нашей классике, совершило величайший и качественный прорыв... Но эта доктрина продолжает традиции любви и самопознания России, а не вносит нечто, не имеющее корней в русской культуре и в русской душе...

...Ещё несколько вопросов, и на этом решили закончить...

Сугробов пригласил всех в кухню, довольно вместительную, и все расселись по-дружески, кто с кем, и все вместе. Припасов было достаточно...

Ужин начался добродушно, но внезапно приобрёл истерический оттенок. Тон задал Игорь Строгов.

– Наш разговор был серьёзен и глубок. Но он касался идеалов, которые вдохновляют и к которым надо стремиться... Но что мы имеем сейчас...

Последняя фраза сразу приковала внимание.

– Мы это отлично знаем, – прервал, всё-таки, Юрий Воронин, один из гостей, владелец и директор мощного информационного бюро. – Простите, что перебиваю...

– Ничего, я напомню... Развал, катастрофы, кризис, уголовщина во всех углах, коррупция, и самое жуткое – страшный моральный распад, значительной части молодёжи особенно. Дебилизация детей. Словом, Россия проиграла войну за души своих же людей...

Кто-то уронил рюмку с водкой.

– Ну, знаете, это преувеличение! – вступил Илья Терехов. – Да, всё это есть в какой-то части. Но если говорить о душах людей – то их ещё никто никогда не завоевывал. Ни своя власть, ни чужая. Народ уходит в свою нишу и живёт там сам по себе, своей тайной жизнью. Пережили комиссаров – переживём и этих.

– Отрадно слышать, – проговорил Антон.

– Слышать, действительно, отрадно, но ужас в том, что положение наше безнадежное, почти безнадежное, – продолжал Строгов. – Мы не выберемся до хотя бы нормального состояния, о котором здесь говорили. Что же говорить о лучшем. Получился замкнутый круг: значительная часть высшего класса в экономике работает не на страну, а на себя и на вывоз капитала. То, что даётся внутри на строительство из госбюджета – на местах половина средств моментально разворовывается. Среднее чиновничество и криминал образуют нечто единое. Честный бизнес почти невозможен. Национальная буржуазия в нормальных странах работает на свою страну. У нас – наоборот. Разумеется, кто-то вопреки всему работает на страну – иначе вообще всё бы рухнуло...

– Государство бессильно в этой ситуации, – начал Сергей Яснов, он даже незаметно отставил от себя бокал

с вином. – Россия сдавлена между требованиями Запада с одной стороны и внутренним провалом с другой. Выбраться из этого можно только чудом.

– Опять чудо! – вспыхнул кто-то. – «Рука Всевышнего Отечество спасла!..» Нельзя бесконечно спасаться чудом.

– Если мы не станем сильными на всех уровнях, в экономике особенно, то никакая военная мощь нам не поможет, – продолжил свою линию Строгов. – Всё равно проникнут и поработят. Экономическая зависимость, потом политическая, потом полная потеря суверенитета... А что это значит для России? Мне даже страшно об этом говорить. Фактически, полутайная оккупация и подчинение всех сфер жизни и особенно духовной, ибо она – источник национального бытия и бытия вообще. Православие будет зажато в тиски, разрушено и снижено до уровня... даже не хочу говорить, какого... Русская культура будет растоптана, окарикатурена, и главный удар будет нанесён по национальному чувству. Цель – задушить патриотизм, любовь к родине, общероссийский патриотизм всех наших коренных братских народов. Ибо известно, что без любви к своей стране народ гибнет или ассимилируется, исчезает... Они знают, как это делается, и будут делать это с улыбочкой, лицемерно повторяя, что «спасают» Россию...

– Да не будет такого никогда! – воскликнула Наташа. – Франция, живя в этой системе, далеко не совсем подчиняется ей.

– Франция – это хорошо! Но к ней отношение будет совсем иное. Нельзя сравнивать!

– Да не будет этого... Мы и сейчас сильны... Что за апокалипсис?..

– Апокалипсис продолжается в течение всей человеческой истории... Вы же знаете, что сделали с третьим миром, с его народами, людьми...

– Несчастный мир, несчастное человечество...

– Миша, а вы, что вы скажете? Вы же представляете скрытые знания...

Сугробов, до сих пор удивлённо молчавший, стал высказываться в наступившей тишине.

– Всё, что говорил Строгов, я имею в виду всё, что нам угрожает, – лежит на поверхности и не только лежит на поверхности, но стучится к нам во дверь... Что я хочу сказать?.. Не перебивайте только меня постоянными выкриками, выслушайте до конца... Я не хочу сейчас говорить о том, что Россия защищена свыше, что «прикосновение к ней – смерть», для врагов, конечно. Оставим это... Я хочу обратиться к простой логике современной ситуации. Сейчас всё связано и зависит от того, как будут развиваться ближайшие события... Вероятность некоего исторического перелома в ближайшее время или, по крайней мере, в ближайшие десятилетия, велика. Не буду говорить о многих причинах, надеюсь, всем это ясно. Важнее результат, а он выразится в значительной смене геополитической ситуации... Прежние враги могут стать союзниками и наоборот. Но кроме этого, всё возможное внутри. Каждый на своём месте, слово может сыграть свою огромную роль, в семьях должны рождаться дети, если будут несправедливые или тяжкие социальные моменты, можно протестовать, выступать, но в рамках здравого смысла, а не дикой пугачёвщины. Всё, что разрушает, тому – нет, ибо нет у нас другого государства. Но можно требовать его улучшения, должен быть честный разговор с властью. Кардинально ту ситуацию замкнутого круга...

Тут Сугрובה, всё-таки, прервали.

– Мало того, что нас ограбили, они же предают собственную страну, которая дала им своё богатство для того, чтобы они работали на страну, а они предатели, они работают только на себя, как обычные уголовники!..

– Прекратите эти выкрики! – вмешался Антон. – В конце концов, мы не знаем всей подоплёки этой ситуации. Ничего не зная в целом, нельзя так говорить.

– Чего тут знать! Тоже мне, бином Ньютона! Ворьё, и всё!

– Неверно! Многие предприниматели сделали для России так много! В трудном положении! Даже в оборонке! Частная собственность даёт динамизм, быстрое развитие...

– Об этих мы не говорим! Честь им и хвала!

Сугробов слегка возмутился.

– Вы, всё-таки, перебили меня! Понимаю – больно! Но выслушайте до конца! Революция и бунт – бесполезны и опасны для страны. Выход из замкнутого круга можно обеспечить только сверху, в момент, когда позволят обстоятельства. Сверху удавалось всё делать бескровно. Скорее всего, выход будет медленным, может быть, мучительным, постепенным, и дай Бог, чтобы к 20-му году страна пришла в более или менее нормальное состояние... Во всяком случае, сделать это надо настолько политически профессионально и мудро, чтобы корабль не дал течь... А мировой апокалипсис, он идёт своим путём, о нём нечего беспокоиться, ещё на тысячелетия может протянуться, с перерывами радости и процветания, конечно.

Но гости не унимались.

– А от морального разложения жуть охватывает, – вмешался Яснв. – Недавно разговаривал со школьницей,

лет 14, что ли. Просто за своим ребёнком зашёл, ждал его, и вот разговорились. Спокойно она так рассказала: разврат в школе такой, что даже знакомый по книгам с падением нравов в далёкие исторические времена и то удивился бы. Совокупляются, извините, одна с двумя-тремя мужиками одновременно, где попало, на морозе даже, в школьном туалете иногда... И она, эта девчушка, считает это нормальным и моим консервативным взглядам на это была крайне изумлена, даже детские глазёнки вылупила... И такая девочка, знаете, не дебилка какая-нибудь, говорит, что Достоевского стала читать...

– И у этих девчонок всё разворочено, ну каких детей они смогут рожать! И власти совершенно ничего не делают против этой лавины разложения, губят детей... Конечно, Совет Европы или Америка объявят нам войну или на нас санкции возведут, если мы ограничим свободу разложения... Они на это горазды...

– Что за ирония! За кое-что они и наложат... Особенно, если заговорим о преподавании основ религии...

Опять выкрики, слово взял Антон.

– Мы знаем про этих разложившихся. И, несмотря на грязь, к нашему удивлению, некоторые как-то изловчились быть хорошими и добрыми... Вот такой парадокс в духе Достоевского... Конечно, здесь уже речь идёт о последствиях физических, не только моральных, по-моему, что-то начинают исправлять и в этом плане.

– Что-то делается, ворочается, как в бочке, но нужны, наконец, радикальные меры.

– Нельзя. Америка с нами войну начнёт, причём ядерную... Ещё бы, их планы срываются...

Одобрительный смех.

– Ребята, хватит. На сегодня довольно! – воскликнула Наташа. – Давайте отвлечёмся на стопроцентный позитив. Хорошее вино, и вокруг друзья. «Да здравствует солнце, да здравствует разум!» Положим конец безумию 21 века! Да просто поболтаем на лёгкие темы...

...На следующий день, поздно вечером, Сугробов подъехал к знакомому дому, где жил Меркулов. Они должны были встретиться.

...Миллионы звёзд смотрели на Россию, чёрное небо точно скрывало великий Свет, таящийся за небом, Свет, который никто не видел.

Сугробов позвонил, Саша встретил его, как обычно, приветливо. Он был один.

– Скоро подойдёт вся наша компания, – слегка улыбнулся Саша. – А пока посидим, подождём их в гостиной.

Они вошли.

– Рассказывай, Мишенька.

И Сугробов подробно описал встречу на даче.

– Ну, что ж, думаю, всё правильно. Только слишком уж эмоционально ваши гости отнеслись, ругали криминальный мир, бизнес, этих питекантропов, элиту, так сказать. Зачем уделять им столько внимания? «Мне отместение, и Аз воздам». Они и так обречены...

– Ну, тут уж я не мог сдержаться.

– Главное – спасение страны. И людей. Но народу будет тяжело... Будущее, даже ближайшее, темно, потому что в такие переломные периоды все могут колебаться... И самые лучшие визионеры прозревать разные варианты...

– Да уж. «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые».

– Думаю, Миша, что тот, кто посетил этот страшный мир, должен смотреть на это посещение как на награду Божию. Ибо, значит, удостоен он одного из самых тяжких испытаний, которое выпадает на долю живого существа.

Сугробов хохотнул.

– Что правда, то правда.

– А я, Миша, приготовил для всех нас крайне загадочные, почти никому не известные, явно эзотерические два манускрипта. Один из них на санскрите, другой – на протосанскрите. Мой друг, ты знаешь его, перевёл, тем более, протосанскрит – это фактически русский язык.

Раздался звонок.

– А вот и наши идут, – произнёс Меркулов.

КОНЕЦ

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I	3
ЧАСТЬ II	43
ЧАСТЬ III	65
Глава 1	66
Глава 2	70
Глава 3	77
Глава 4	81
Глава 5	84
Глава 6	94
Глава 7	100
Глава 8	105
Глава 9	109
Глава 10	122
Глава 11	128
ЭПИЛОГ	133

*Тот, кто знает о Terra Foliata,
Может забросить книги,
И кто не знает Terra Foliata,
Никогда не научится читать.
(Е.В. Головин)*

TERRA FOLIATA – ЖЕЛАННАЯ И БЕЛАЯ, КАК СНЕГ, ЗЕМЛЯ ОПАВШИХ ЛИСТЬЕВ. Кристаллических листьев, что опали с Древа Знания. Древа, кое уходит корнями своими в Небеса. Древа, чьи побеги составляют великую священную индоевропейскую ТРАДИЦИЮ. ТРАДИЦИЮ, которая, подобно подводной реке, то разливалась наружу широкими потоками, питая великие империи, то была едва заметными ключами, коих, тем не менее, всегда хватало, чтобы напоить жаждущих Знания.

ТРАДИЦИЯ сия отражалась в блеске скипетров великих властителей и сиянии мечей рыцарских орденов. ОНА полыхала в огне алхимических атаноров. ОНА идет от рун, обретенных Одним, распявшим себя на Иггдрасиле. О НЕЙ радели гностики. О НЕЙ рекли ангелы Джону Ди. О НЕЙ вещает Шакти тантрическому герою.

Издательство TERRA FOLIATA представляет книги, посвященные различным аспектам этой ТРАДИЦИИ. В центре нашего внимания и на страницах наших книг:

АЛХИМИЯ И ГЕРМЕТИЧЕСКИЕ НАУКИ
ПОИСКИ ГРААЛЯ И ФИЛОСОФСКОГО КАМНЯ
ИНИЦИАТИЧЕСКИЕ ОРДЕНА И БРАТСТВА
ПУТЬ ГЕРОЯ, ПУТЬ ЛЕВОЙ РУКИ ВОСТОКА
И ЗАПАДА
ТРАДИЦИОННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
АРИОСОФИЯ И ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ
ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ

+++++

CONVERTE OCVLOS!

www.terrafoliata.ru

info@terrafoliata.ru

Издательство TERRA FOLIATA представляет:

Х.Т. Хансен

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТРЕМЛЕНИЯ ЮЛИУСА ЭВОЛЫ

Первая политическая биография знаменитого итальянского мыслителя на русском языке. Автор, известный австрийский исследователь творчества Ю.Эволы, планомерно обращается ко всем периодам жизни философа на фоне обширной панорамы исторических, политических, культурных событий первой половины XX века. Он подробно останавливается на “беспокойной” теме отношений мыслителя с фашизмом и национал-социализмом, в рамках которой большинство досужих интерпретаторов не только со стороны либералов, но и из традиционалистского лагеря упускают важнейшую компоненту – Трансцендентное.

Юлиус Эвола

ГЕРМЕТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Книга, которую читатель держит в руках, представляет собой фундаментальное изложение теории и практики Царского Искусства, вышедшее из-под пера известного итальянского мыслителя и эзотерика барона Юлиуса Эволы. Она стала итогом многолетних исследований и практических занятий автора, объединив в двух своих частях – озаглавленных, соответственно, «Теория» и «Практика» – интегральный опыт его общения с представителями различных инициатических организаций, собственных экспериментов и бездны прочитанной литературы. С присущей ему эрудицией и интуицией, характерной для аристократов крови и духа, Эвола рассматривает алхимию в широком контексте магических дисциплин и показывает подлинную суть герметического Делания как реального инициатического пути, ведущего к освобождению от обусловленности человеческого существования.

Издательство TERRA FOLIATA готовит к печати:

Джаммария

ЭТА НЕИЗВЕСТНАЯ АЛХИМИЯ

Генуэзец Джаммария Гонелла – наследник знаменитой неаполитанской магико-алхимической традиции, чьи корни уходят вглубь веков. С ранних лет Джаммария, чьё имя стало носителем его судьбы и литературным псевдонимом, посвятил себя изысканиям в области герметических наук. Встреча с бароном Риччяардо Риччяарделли (товарищем и последователем легендарного Джулиано Креммерца) позволила обрести ему бесценные ключи к алхимическому знанию и основать таинственный Корпус Равных, объединение ревнителей и исследователей Царского Искусства. Перу Джаммари принадлежит ряд книг, одна из которых – «Эта неизвестная Алхимия» – является превосходным введением в теорию и практику алхимического Магистерия и была удостоена награды министерства культуры Италии. Читатель узнает из неё об особенностях шествия по Пути Знания и Могущества, о смерти и бессмертии, о роли учителя в Священной Науке, о магии и алхимии, о герметических загадках и пророческих сновидениях, встретится с божествами, нуменами и героями, сумеет заглянуть за кулисы алхимических лабораторий и храмов тайных обществ. Труд Джаммари станет настоящим путеводителем для того, кто осмелится отправиться в полное приключений странствие по загадочной и неизведанной стране Алхимии. Книга переведена на русский язык другом автора, известным исследователем герметики Глебом Бутузовым.

Александр да Дананн

ПАМЯТЬ КРОВИ

Современный итальянский исследователь, скрывающийся под псевдонимом Александр де Дананн, представляет блестящее введение в проблемную сферу тревожных магических практик, непосредственно связанных с тем, что классики традиционализма называли «контринициацией». Ссылаясь на редкие тексты исследователей этой темы и до сих пор неопубликованные рукописи членов различных эзотерических организаций, автор подтверждает тезу традиционалистов о том, что секретные методики тайных обществ, пробуждающие «память крови», операции с человеческим прахом и семенем, культы предков, вызывание духов, сексуальные сношения с элементарными сущностями и т.д. приближают цели зловещей контринициатической миссии, ответствен­ной за духовную деградацию человечества и готовящей ему страшную судьбу. Особое внимание автор уделяет так называемой «чёрной» аристократии, представители которой являются генетическими носителями «контринициации», а само происхождение «проклятых» родов восходит к событиям, описанным в начальных главах Книги Бытия: падению ангелов и союзу этих божественных существ со смертными женщинами.

**ЮРИЙ МАМЛЕЕВ: «ИМПЕРИЯ ДУХА –
ЭТО САМА РОССИЯ!»**
**ЖУРНАЛ «ИМПЕРИЯ ДУХА» –
ЭТО ЖУРНАЛ О РЕЛИГИИ И
МИСТИЧЕСКОМ ОПЫТЕ**

1. В нашем журнале «Империя Духа» Вы можете прочитать обо всех религиях, обрядах и верованиях, совершить вместе с авторами журнала паломничество к святыням и погрузиться в увлекательный мир духовного знания.

2. Форма подачи материалов делает мир религии не только интересным, но и поистине привлекательным. Мы стремимся обогатить читателя, показав ему многомерную и всестороннюю картину религиозной жизни, ничего не скрывая и стремясь быть полезными всем читателям – вне зависимости от их пола, возраста, характера и национальности.

3. Целевая аудитория журнала – это люди духовно ищущие, не стоящие на месте, пребывающие в развитии.

4. Нас читают и ценят самые разные люди, и потому наш журнал содержит материалы нескольких уровней:

- Тем, кто ищет целенаправленно и уже определился в своём исповедании, мы даём самое чистое знание о выбранной ими вере, привлекая к рассказу о ней тех носителей (богословов и мистиков), у которых помимо вероучительного авторитета есть врождённое умение рассказывать, вызывая живой интерес.

- Тем, кто ищет и ещё не определился в своём поиске, кто стремится познать, мы показываем религию занимательно, увлекая красивыми фотографиями и наличием материалов об экзотике, рубриками о паломничествах и священных предметах.

• Тех же, кто уже прошёл по степеням духовного поиска и достиг в мире духа значительных высот, мы стремимся обогатить знанием о самом важном и сокровенном, что имеется в рамках традиций, избранных этими людьми. Здесь имеются рассказы и о святых, о путях достижения святости, и о формах конечной реализации на пути духовного делания.

5. Все эти знания мы даём человеку и показываем через человеческий опыт. Каким бы верующим этот человек ни был, ничто ему так не близко, как он сам. Потому угол зрения нашего журнала – антропологический, мы стремимся раскрывать религию через живой человеческий опыт, опыт жизни и преображения.

6. Нас интересуют все этапы, все вехи духовного пути – начиная от того, как человек рождается (по версии разных религий, это происходит в разные эпохи его пренатальной жизни), и заканчивая всеми таинствами и ступенями прохождения, вплоть до самой последней и важной, именуемой «смертью физического тела».

7. Непонятные, чудесные и таинственные истории бессмертия, факты общения с ангелами и другими духовными существами, случаи прижизненного сияния или посмертного нетления – всё это интересует нас, как и прочие формы возможного для человека опыта – опыта реализации святости.

8. У каждого человека есть свой собственный Путь, и задача «Империи Духа» – помочь людям определиться, показав возможные направления в максимально чистом, подлинном и незапятнанном виде.

9. В центре внимания «Империи Духа» – духовный опыт конкретных людей. Это опыт преображения жизни,

и одни его ищут, другие уже имеют, третьи имеют его плоды как наглядное подтверждение того, что усилия их затрачены не напрасно.

Вот примеры публикуемых материалов.

В 10-м номере «Империи Духа» было интервью со старцем Никодимом. Вот что он говорил об изгнании бесов:

«Бесы сильно нападали. Дело было в Сарове, у мощей преп. Серафима. <...> И тут вдруг как они начали выползать... девять бесноватых собралось! И стали они на меня кидаться. Тот лежит, тот кричит, тот гавкает. А меня такой Дух объял! А меня сменять священник пришёл, я ему говорю: «Давай молебен водосвятный совершать!» А бесноватые в это время чего только ни творили. Страшное делали! И я чувствую, как сила моя падает. Тогда я подхожу к

мощам: «Отче Серафиме, дай силу!» И тогда снова выхожу, говорю: «Приносите всенародное покаяние! Кайтесь, всенародно кайтесь! Как попустили, что бесы вошли в вас?» А я знал, что для того, чтобы бес вышел, обязательно надо человека трясти. Не просто с ним разговаривать, а в Духе. Тогда я подошёл, да как взял, поднял – даже веса не почувствовал! Говорю ей: «Кайся перед всеми!» А она в ответ: «Я зарубила всех своих детей и выбросила в окошко!»

К другой подхожу: «Кайся!» В чём? «Сожительство-вала со своими детьми». И прочие как каяться начали... И с животными сожительствовали, и такое говорить начали, что я даже и не слышал такого! И как они начали тут рыдать. А потом – падают и успокаиваются. Ну, наконец, я вижу, что пора. Подхожу к ним и говорю: «Всё, бесы, выходите теперь!» Подхожу потом к Серафиму, а от мощей прямо сила идёт. Я её вдохну – и опять: «Выходите теперь, всеми отверстиями, какими входили!». То есть, зрением, слухом, осязанием, обонянием, вкусом. Что там начали – так то ужас! Мочиться начали, оправляться начали, блевать начали, рыдают, все свои нечистоты размазывают... Народу тут собралось! И все, кто там был, молиться начали, все хором запели. И все эти бесноватые тогда попадали и так и лежали. И лишь потом, медленно-медленно расползаться стали, помыться же надо. И что интересно: прихожу в алтарь, а от меня одни кожа и кости остались. Фаланги все видны, а вода совсем вышла. Я смотрю фелонь – а она мокрая, как из воды. Я подрясник беру – а он такой же. И кости мои все видны. Вода совсем вышла. Прямо кости и кожа, как мощи. Я все одежды эти снял, они килограммов сорок весили. Помолился и спать лёг».

В 11-м номере «Империи Духа» мы печатаем интервью с Александром Лернером – учеником филиппинских хилеров. Об изгнании нечистых духов речь пойдёт и там:

«Из человека могут извлекать куски соединительной ткани. Это называется энергетическими блоками, закупоривающими сосуды или каналы. Также, на языке моего хилера, это может называться «опухоль». На самом же деле, это – некая сущность энергетических блоков или опухолей. Далее, могут материализовываться

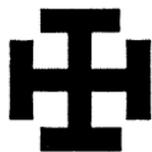
предметы, которые, с точки зрения филиппинской медицины, определяются как «злые духи». И хилер может извлекать на свет Божий такие предметы, которые совсем никак не могут находиться внутри человеческого тела. Это могут быть деревяшки, куски бинта, пластика, резинки от трусов, гвозди, монеты, пластмассовые головы куклы, какие-нибудь кости непонятных животных или рыб. И таких предме-

тов я видел достаточно большое количество. Здесь возникает огромное поле для разного рода споров. Скептики могут сказать, что человек спрятал в рукаве верёвку, намочил её кровью, а затем, якобы, вытащил из живота пациента. Но здесь возникает много моментов, которые никаким образом нельзя объяснить. Для начала, у этого человека нет рукавов, и прятать ему негде и не в чем. Во-вторых, как правило, иллюзионисты и те люди, которые хотят как-то скрыть свои фальшивые манипуляции – они обставляют процесс максимальным количеством сложностей: запрещают подходить к столу, запрещают рассматривать непосредственно лечение, стараются лечить пациента один на один. Здесь же процесс происходит при большом количестве народа. И, конечно, совсем засунуть нос между пальцами хилера Вам не удастся. Но с расстояния 20-30 сантиметров Вы можете всё хорошо рассмотреть и увидеть, как всё происходит на самом деле. Но дело даже не в этом.

Дело в том, что некоторые предметы, которые извлекаются из пациентов, совсем никак не могут существовать в данном месте и в данных условиях. Понятно, что, скажем, куриные кости и тряпочки теоретически можно подложить. Но что делать, если из человека извлекается, например, предмет, который один в один напоминает какое-нибудь ювелирное украшение, оставленное человеком в Москве или Петербурге и о котором никто кроме него не знает. Или если из человека извлекается монета какой-нибудь далёкой страны, которая вряд ли могла находиться в данное время в данном контексте. Из самого экзотического – однажды я видел, как из тела пациента извлекали огромный кусок кабеля, проволоки в обмотке... Или огромную кость какой-то доисторической рыбы. Или большое количество гвоздей. Или ворох птичьих перьев. Как правило, это всё извлекалось в случае онкологических заболеваний. Но даже в этом случае хилер никогда не знает, что именно он вытащит, и, некоторым образом вместе с Вами удивляется тому, что происходит».

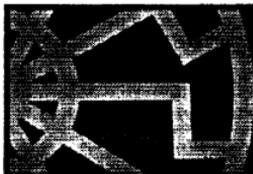
www.imperia-duha.ru

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

Русское Герметическое Общество

<http://www.hermetic-rus.com>

Casus Belli Musica
pagan music art in the contemporary world

<http://www.casusbellimusic.com>

ВЯСОВА СЛОВОДА

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МИСТИЦИЗМ
СЕРГЕЯ СОКОЛА
www.obereit.narod.ru

Castalia
узра в бусер

ВСЕХ, КОГО ЭТО КАСАЕТСЯ
<http://www.castalia.ru>

Юрий Мамлеев

ИМПЕРИЯ ДУХА

Роман

Редакторы В. Проскуряков, Д. Зеленцов

Оформление обложки С. Сокол

Компьютерная вёрстка О. Сотникова

Корректор Н. Белявцева

Подписано в печать 7.10.2010 г. Формат набора 70x100/₃₂. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,24. Заказ 1489. Тираж 2000 экз.

Отпечатано в ГУП ВО

«Воронежская областная типография – издательство им. Е. А. Болховитинова»

394071, г. Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а.

Действие нового романа мэтра метафизического реализма происходит в Москве начала XXI века. Главные герои, входящие в эзотерический круг, пытаются понять смысла своего существования и разгадать загадку души. Почему русская душа стремится в запредельное и что приходит извне как некий неопиcуемый луч, бесконечно отдалённый от всего того, что излагает Традиция? Каково это быть богом, воплощённым в тварном мире? Возможна ли реализация вечного начала в столь безнадёжно слабом человеческом теле и в такую отвратительную эпоху, в которую мы живём, когда все высшие духовные ценности вывернуты наизнанку, когда мир сочтётся уродством, ужасами, перверсиями, упадком, страданиями? Искания героев проходят через парадоксальные мистические переживания и преломляются как в мире духовном, так и в мире брeнном в особые экзистенциальные ситуации. Гротеск и нежность, любовь и смерть, Россия-мученица и Россия-победительница. Трагизм безмерной душевной тоски, надрывные алкогольные возлияния и уютно-покойные чаепития, провалы в плоть и прыжки в потустороннее составляют ландшафты Империи Духа. Ответы на вопросы, которые ставят герои романа, приводят их к тайне Родины, к её высшей миссии, к её духовному предназначению и осознанию мистерии русской души, призванной обрять Невозможное.

